

СПИСОК

Музей разграбленных сокровищ. Фотоочерк
 Писемский. Силуэты
 Как в 1939 году мы «дружили» с Гитлером. Очерк
 Поэт Сергей Морозов: «Я видел смерть свою...»
 Живопись XX века. Итоги анкеты
 «Дорога на Чумкузбу». Рассказ В. Шария

Фото Евгений СТЕЦКО

«Аврора»?

(Читайте стр. 2—3)

Народному депутату СССР
товарищу
Евтушенко Е. А.

Уважаемый Евгений Александрович!
Обращаюсь к Вам, как к народному
депутату, человеку и поэту, которому,
уверен, близка боль за судьбу
крейсера «Аврора» — главной реликвии
Страны Советов!

То, о чем повествую в статье, наблюдало у многих. Достаточно побывать на сегодняшнем «обновленном» корабле, предварительно ознакомившись хотя бы с его чертежами по книге «Крейсер «Аврора» («Судо-строение», 1987 г.), дабы убедиться в чудовищном искажении истины.

Я разговаривал с Львом Львовичем Поленовым (известный историко-биограф, автор нескольких книг о крейсере Революции, сын командира «Авроры»), и он просил меня, как человека, близко столкнувшегося с этой трагедией, написать обо всем. Но очень усомнился в возможности публикации: он и его друзья — военные историки тщетно «обивают пороги» вот уже несколько лет. Не помогли их страстные, аргументированные обращения в газету «Советская культура», к командованию ВМФ и, наконец, в ЦК партии...

Но «поезд еще не ушел»! Еще не поздно прислушаться к здравому

мнению известных специалистов, ученых. Дать объективную оценку содеянному. Для этого создать специальную экспертную комиссию из историков, реставраторов, деятелей культуры, представителей Общества охраны памятников и заинтересованных судьбою «Авроры» энтузиастов от общественности страны. Выводы этой комиссии, обсужденные всенародно, и должны лечь в основу решения о дальнейшей судьбе бесценной реликвии Октября. Неплохо бы создать на общественных началах конструкторское бюро для выполнения проектных разработок и передачи в правительственные инстанции конкретных предложений о том, какой должна стоять на Неве «Аврора».

Только так мы сможем оправдаться перед нашими потомками и избежать суда истории!

Ну, что тут добавить. Ведь «Аврору» ежедневно посещает огромное число экскурсантов, и... весь мир давно видит это «чудовищное искажение».

Очень прошу Вас, Евгений Александрович, помочь с публикацией статьи. (Вам ли объяснить, насколько сложны многоэтажные «таинственные» лабиринты известных редакций...)

Л. ГУМАНЕНКО, Ленинград

Северную верфь. Однажды попросили помочь:

— Надо бы посмотреть вспомогательные механизмы «Авроры». Согласен?

— Еще бы! Впервые в жизни можно было соприкоснуться с легендарной историей.

— А где сама «Аврора»?

— О ней потом. Это секрет. А механизмы стоят в ангаре. Их должны были привести в порядок...

В огромном, казалось, пустом помещении я поднял взгляд к недосягаемым сводам и огляделся по сторонам...

— Что нужно посмотреть? — обратился к заводчанам, стесняясь произнести слова: «вспомогательные механизмы», так как казалось, что пришел явно не в тот ангар.

— Да вот же! — в нетерпении раздались голоса рабочих.

Маленькие блестящие «существа» сбились в кучку, будто заняли «круговую оборону» в самом центре необъятного пространства.

Только теперь стало ясно: передо мной — внутренности корабля, о котором опасался уже спросить: «Где же он сам?!» Завороженный зрелищем ярко горящих от блеска механизмов, я в восхищении молчал.

Мастер понял мою заинтересованность и удивление.

— Вы не представляете, сколько дней мы соскребали слои краски, кото-

Кто-то рядом с наигранным пафосом продекламировал:

— Стране нужен металл! Все лишнее в литейку!

Один из рабочих сказал:

— Механизмы-то внутри пустые...

Обидно. Мы бы могли их восстановить. А теперь поздно — все готово под покраску!

— Какую покраску? — растерялся я.

— Вот и нам непонятно: столько дней драили, любовались, сколько сил ушло — для чего?! А теперь — грунтовать. «Ваши» сказали, дескать, по обычной «схеме», как на все корабли.

Уже собираясь уходить, я обернулся на грязный вал авроровского насоса.

— Все равно ведь — в переплав... Может, отрежете мне от него немного — на память?

— Для вас можем... А все-таки жаль закрашивать такую красоту. Но раз «ваши» сказали, — за качество не беспокойтесь.

И я поспешил к ответственному за ремонт механической части «Авроры».

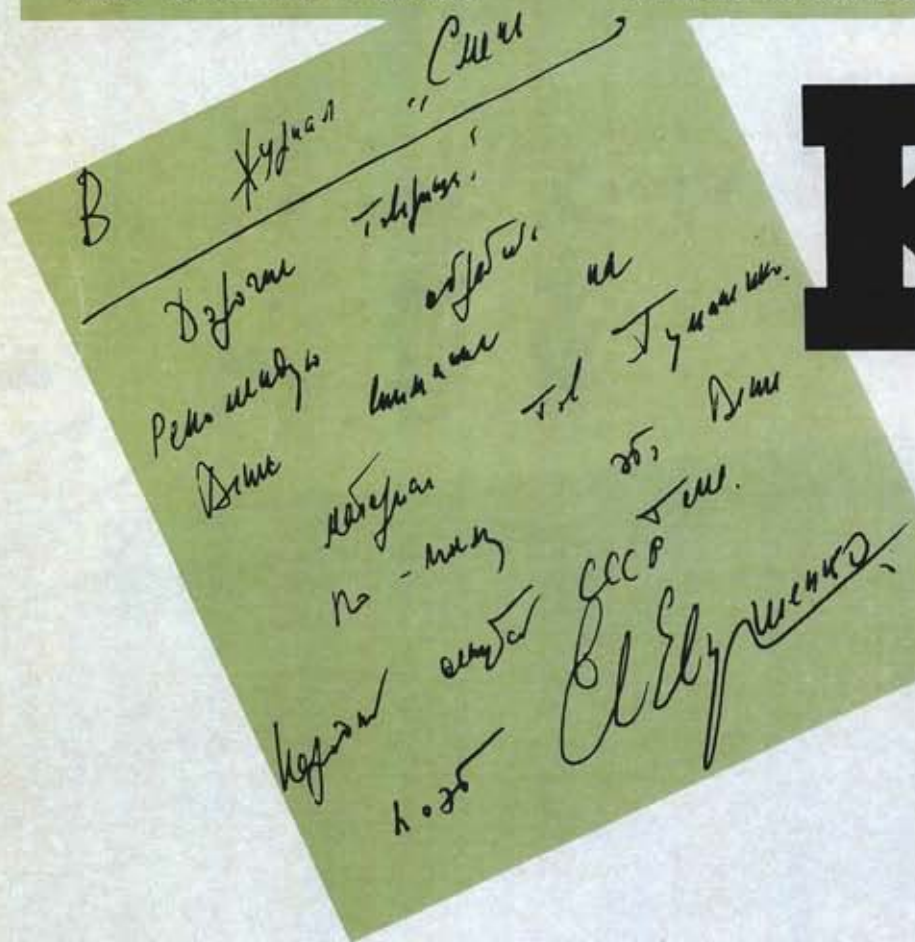
— Зачем же грунтовать?! Ведь это экзопнаты! Это же история!

— Грунтовать надо. Так в технологии «забито». А потом сверху — шаровой!

— Шаровой краской — такие реликвии?! Для чего?! Они же не ржавеют!

— Все да по ГОСТу. Начальники знают. Все давно решено.

Побывал я и в эллинге (береговой

Леонид ГУМАНЕНКО,
капитан 3-го ранга

В морозном январе прошлого года у стенки Петроградской набережной я действительно видел кошунственную картину: рядом с «Авророй» безусые юнцы предлагали иностранцам гайки, болты и заклепки с легендарного крейсера...

Вот тогда я и подумал: «А ты же знаешь, с чего все это начиналось. Расскажи всем...»

Впервые я столкнулся с новой судьбой «Авроры» в 1985 году, когда служба в ВМФ привела меня на старинную

КОШУ

рые наносились уже в советские десятилетия... Думали, так и не доберемся до цветного металла.

Рядом лежали обдирочные и шлифовальные машинки.

— Да вы не смотрите на эти машинки! Соскребали мы все вручную, боялись случайно поцарапать. А потом несколько дней полировали. Вот они и блестят так ярко!

— Красиво?!

Рабочие чуть посторонились, открывая для полного обозрения их труд...

— А что проверять-то надо? — спрашиваю неуверенно.

— Да вы просто посмотрите: все отполировано, царапин нет... и все. А мы их отправим на спецсклад.

Поодаль от механизмов повсюду валялись болты, гайки, валы — тоже из цветных металлов.

Я наклонился и потрогал необычный латунный вал с резьбой. Время оставило на нем свои отметины: сколы, забоины — возможно, от многочисленных переборок и ремонтов... Из заводской пыли выглядывали и другие детали.

— А это все куда? — посмотрел я по сторонам.

— Вообще-то механизмы необычные, — начал пояснять мастер. — Помоему, среди них — и первые роторные в России. Мы, когда разбирали, даже удивлялись: до чего можно было додуматься сто лет назад! Сейчас таких нигде нет. Но, наверное, все пойдет в переплав.

ангар для строительства корабля). Подводная часть корабля отсутствовала. А надводная — была разделена на отсеки голых корпусных конструкций, в которых «Аврора» угадывалась лишь по наличию заклепок (при строительстве крейсера сварка не применялась). Немного успокаивали разъяснения строителей:

— Все реликвии сняты, для надежности, хранятся под строгим учетом и контролем на спецскладе.

Какой там учет! По заводу уже снова ли с ведрами гаек, болтов и заклепок от брони «Авроры» — самые проворные и запасливые.

— Да за воротами за одну только такую заклепку, если ее почистить и закрепить на подставку, можно бутылку взять... А если еще подставки сделать из палубного настила самой «Авроры» да с табличкой из бортовой обшивки — такому сувениру цены не будет!

Один из мастеров, увидев мое открытое изумление, махнул рукой.

— Не нужны уже заклепки! Не знаем, что делать с бронированными листами. Вот задача! Когда их снимали, — не пронумеровали. А форма палубы сложная... Может быть, вообще ставить не придется.

У самой воды, на причале, выстроились штабеля с гнутыми, по форме крейсерской палубы, броневыми листами (их толщина была внушительной). Они чем-то напоминали панцири чере-

пах. На единственной из броневых «панцирей» зияла рваная дыра, распустив наружу бесформенные лепестки великолепного металла.

Мне подсказали:

— Это единственная пробоина в броне «Авроры»...

На отшибе береговой черты завода лежало на боку все, что осталось от подводной части крейсера: кормовая оконечность.

Работа кипела — и внутри, и у борта, и под днищем. Спросил сварщиков, разрезающих переборки:

— Что делаете, ребята?

— Ищем закладную доску «Авроры». Неделю работаем, и — ничего. Наверно, ее моряки еще в Октябре семнадцатого пропили.

И все дружно загоготали.

Газорезчик, погасив пламя горелки, несколько раз ударил молотком по окладинам, очищая очередной «сувенир по особому заказу» — небольшой кусок стального борта.

— Закладную, конечно, хотелось бы найти. Обещали хорошо заплатить и в газетах пропечатать. Но нам и так неплохо за все платят... Вот, попросили разных деталей для кораблестроительного института... Он отбросил упавшую на глаза защитную маску. — «Заказчик» пожаловал. Не терпится!

Я обратил внимание на капитана 2-го ранга, нерешительно подходившего к нам.

лист и затем долгие часы распиливал «свой» квадрат из вязкого и неподатливого тика. Прорезав по периметру квадрата «коридор», плотник оголял стальную полосу борта и уступал место газорезчику. Когда же слоеный «пирог» надрезался, рабочий изнутри борта долго дробил толстый слой бетона. (Этим бетоном заделывали пробоины и течи, возможно, в годы войны или в период ремонта.) И только очистив от бетона гайку крепящего болта, ее можно было отвергнуть или срубить.

Не знаю, кому и для чего было нужно ставить на эту изнурительную работу целую комплексную бригаду из рабочих высшей квалификации, а также за чей счет оплачивался их труд... потом я видел в городе «сувениры» из таких же латунных (неповторимых!) болтов.

Я присел на корточки и увидел под днищем матросов.

— Откуда, орлы?!

— Да наш корабль здесь, рядом стоит. Смотрим: «Аврору» режут. Это же «Аврора»! Вот и решили себе что-нибудь на память оставить. Медная обшивка и гвозди — очень интересные — старина! Может, и куски дерева взять? Все равно пропадет.

Один из матросов задумался.

— Скажите, а что из них можно сделать? Какие сувениры?

— А зачем тебе?

— Приеду домой, в деревню — им

вода, как бы невзначай отмечал в памяти брошенные повсюду авроровские «железки»: под стапелем лежат гребные валы; вот контейнеры с обрезками трубопроводов и переборок; котлы, которые, говорят, теперь не нужны. На складе обнаружил двери, люки, грузовые тали, леерные стойки, в механическом цехе — иллиминаторы с броневыми крышками, болты, гайки. Все с «Авроры». Все — на переплавку, на «сувениры» или просто на свалку.

Зашел к начальнику цеха.

— Зачем же иллиминаторы в литейный отправлять?! Это же «Аврора»!

— Нам не до сентиментальностей... Кому они нужны? Хочешь? Забирай!

...Остановка за «малым»: достать машину, погрузить тайком и вывезти (без документов).

Звонок в Музей Октябрьской революции:

— Присылайте грузовую машину! Жду! — А сам еще не знаю, удастся ли проскочить заслон у ворот.

Помог добрый знакомый (в прошлом — редактор местной многотиражки), настоящий коммунист — Владимир Ильич Коронин. Он спокойно выслушал меня (мол, дирекция и начальники откажутся помочь), задал только один вопрос: «А для заводского музея что-нибудь осталось?» — и чиркнул записку: «Охране. Партком просит пропустить для Музея Революции».

Так что на заключительном этапе

вать ли вернуть старый настил на место. Хватились — тик давно садоводы растащили на свои участки. В общем, история с настилом закончилась тем, что палуба и впрямь золотой оказалась.

...И как избранные экскурсанты спешили принять участие в «историческом» ремонте. Поразительно, но — факт! На «Аврору» приезжала «потрудиться»... футбольная команда «Зенит» (вроде бы провели субботник). Что могли они сделать? Ну, может быть, берег убрал от грязи. Не знаю. Только всем футболистам за «значительный вклад в ремонтно-восстановительные работы на «Авроре» вручили значки и удостоверение «Участнику»...

Один известный адмирал так с гордостью сказал о «достижениях» в реконструкции «Авроры»:

— Замена подводной части новой сталью позволит еще лет 300 прожить крейсеру! (Лист действительно уникальный: под четыре сантиметра! Такого еще не бывало в мировом кораблестроении!)

И все! Главное, чтоб 300 лет стояло. А что там будет стоять — это уже «детали».

На ремонт «Авроры» планировалось около 50 миллионов рублей. Сколько ушло — хранится в тайне. Мне, когда заинтересовался, объяснили: «Деньги выделил ЦК, нечего тут копаться». ...А на заводе — иные заботы и проблемы.

— Крейсер на воде. Сдали!

— Кто придет на подъем флага? Соловьев (тогдашний первый Ленинградского обкома. — Л. Г.) будет точно!

— Кого наградят, будет ли разнарядка на Героя?

Чем же объяснить все то, что произошло с «Авророй»? И тут я сошлюсь на авторитетное мнение Льва Львовича Поленова, опубликованное в журнале «Нева» в майской книжке за нынешний год.

«Прежде всего, — считает известный ученый, — видимо, отсутствием чувства истории у тех, кто решал судьбу корабля-реликвии. Творчество уступило место желанию во что бы то ни стало успеть выполнить ремонтно-восстановительные работы к 70-летию юбилею Великого Октября. Успеть и отпортить. Отсюда пренебрежение мировым опытом сохранения кораблей-памятников...»

Перестройка общества не поспела помочь крейсеру революции — символ Октября сумели все же исковеркать те, кто приспособился под новое время и остался не у своего но — руля, кто реконструировал не «Аврору», а орденские планки, погоны и кресла!

...У меня дома висит фотография — крейсер стоит в пролете разведенного моста напротив Зимнего.

Кажется, вот она — та, живая «Аврора»! И здесь же, на этом фото. СВИДЕТЕЛЬСТВО смерти корабля — рваный борт, как рваное сердце «Авроры». Со временем стал все меньше посматривать на фотографию — душа сжималась от боли: обрамлением снимка служит разорванная подлинная медная обшивка крейсера.

...Неужто выскоблит суета житейская из памяти людской бойцов революции — балтийских моряков, которые не пропивали закладных досок, сердце своих кораблей, а шли и гибли за власть Советов?!

Нет, не верю...

От редакции: Понимая душевную боль, беспокойство автора очерка, мы думаем, что ситуация, сложившаяся вокруг корабля Революции, все-таки не так уж прямолинейна и однозначна. Поэтому готовы выслушать и опубликовать иные аргументированные мнения.

ИСТОРИЯ

— Для чего нужны вам части «Авроры»?

— Как же? — Просветлело лицо преподавателя Корабелки. — Это же уникальные конструкции отечественного кораблестроения. Возьмем на кафедру. Жаль, что основную часть корпуса уже отбуксировали во «Вторчермет». Хорошо, что еще это успели выпросить...

Старательные газорезчики разговорились:

— Здесь еще много интересного! Вы вон на борт посмотрите. Там из другого цеха работают. Серьезные. Не отвлекаются. Им за каждый латунный болт по наряду пятерку платят...

Кормовая оконечность была завалена набором. И плотники удобно перемещались по борту. А конструкция его была такова: к стальному листу в 16 мм на латунных болтах крепились плотно друг к другу деревянные бруски (из тика) толщиной более 100 мм. Болты своими головками утопали в дерево — отверстие закрывала «намертво» тиковая пробка. (Если вместо плотно подогнанной столетней заглушки был бетон, значит, эта часть борта проходила ремонт уже после Октября.) На деревянную поверхность борта для защиты от «обрастания» крепилась старинными клиновидными гвоздями обшивка из вексы меди.

Да! Пять рублей доставались не просто. Для того, чтобы завладеть латунным болтом, рабочий срывал медный

цену не будет! Да и сейчас можно продать: в городе уже вовсю торгуют.

В свободное время я уже несколько лет заглядывал в Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции, с сотрудниками которого завязалась дружба. Однажды, рассказав об «Авроре», услышал в ответ от замдиректора по науке:

— А мы год назад официально обратились с письмом к директору завода: просили изыскать что-нибудь для нашего музея. Но ответа так и не получили. Думали: наверно, ничего нет — все реставрируется и ставится обратно на «Аврору»...

Я решил отыскать письмо. Расспрашивал многих и наконец услышал:

— Да получили, получили мы его. У них одно на уме — экспонаты... А тут — план! Некогда ерундой заниматься.

Прихожу к своему начальнику. Все-таки моряк, должен понять.

— Разрешите помочь музею?

— Вам что — больше делать нечего? Чтобы я больше не слышал об этом... Мне уже докладывали, что вы пытаетесь получить информацию, которая не касается ваших функциональных обязанностей! Смотрите! Как бы органы не занялись вами. И не вздумайте писать про «Аврору»! Это запрещено!

Тут я уразумел: действовать надо на свой страх и риск.

Проходя по громадной территории за-

«операции «Аврора» мне удалось-таки отыскать человека, сердцу которого были близки понятия: Отечество, Традиции, История, Реликвии...

Однако еще многое оставалось в контейнерах для переплава, и я отправился к экипажу «Авроры».

— Вам что, запчасти не нужны?!

Командир крейсера быстро дал свой «газик» и моряков. Но, когда авроровцы возвращались на машине со своими кровными «железками», их остановили заводчане.

— Мы все вам сделали. А что осталось лишним — наше! Выгружайте на кар!

И матросы легендарного корабля, будто уличенные в воровстве, перегружали то, что когда-то, в 1917-м, принадлежало Красному Балтфлоту. Электрокар, привычно шурша по причалу, умчался, позвякивая бесценной бронзой. А на следующий день я вновь увидел те же иллиминаторы... в контейнере под переплав.

Многое можно было бы еще рассказать.

...Как, к примеру, решили не обрабатывать старый палубный настил из тика, а установить новый. С трудом ободрали палубу (как кожу сдирали), свалили весь ломаный тик в кучу и... стали ждать новый из-за границы. А его все нет и нет. То одна страна не может продать, то другая — хочет урвать побольше золота. А время-то бежит! Начали уже задумываться: не попробо-

Последний урок был озаглавлен происшествием: у круглолицего смешливого гречонка по прозвищу Спирка пропали серебряные часы с цепочкой — разумеется, отцовские, взятые из дома без спроса. Часы и впрямь были необыкновенные: с пятью украшенными глазурью крыльями, которые откидывались с тихим шелестом, открывая циферблат, после чего раздавался мелодичный перезвон.

Спирка заметил пропажу в конце урока и теперь сидел за партой, размазывая по лицу слезы и хлюпая носом в предчувствии домашней порки.

— Ну, это просто свинство! — не выдержал Верхолаз, сосед Спирки по парте и первый силач класса. — Отдайте, кто взял. Пошутили — и довольно.

Все молчали.

— Мне бы не хотелось ставить в известность господина инспектора, а тем более полицию, — сказал учитель словесности Ксенофонтон. — Подумайте о чести класса.

Рыжий, как морковь, Ксенофонтон отчаянно трусил: отец Спирки был известный в городе виноторговец, и инцидент грозил весьма неприятными последствиями.

— А вы, Спиранти, везде смотрели? Может, еще куда положили?

Спирка только горестно всхлипнул.

— Что ж, — сказал, поблуднев, словесник, — очевидно, придется прибегнуть к поголовному обыску... Неужели в классе завелся вор? Случись это в начале года, и думать не пришлось бы: на такие штуки был способен Костыль, но Костыля уже несколько месяцев как исключили.

— Спирка, — негромко спросил Головастик, — а твои часы давно заводились?

— Н-недавно.

— Ага... Вынести из класса их никто не мог, выходит, они где-то здесь, и их можно услышать!

— Сказал тоже, — разочарованно протянул с «камчатки» Хачик, — как это ты их услышишь?

— Ну, если ты не услышишь, так я услышу, — отрезал Головастик. — Только чтоб тихо было! Можно, Николай Фомич?

Не дожидаясь ответа, Головастик двинулся между рядами, останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь. Возле сумки Ирзы он задержался дольше обычного. Запустив в нее обе руки и обшарив внутри, вытащил за цепочку Спиркины часы.

Все так и ахнули.

— Я не брал. Это... это мне кто-то подкинул!

В классе стояла мертвая тишина. Ирза поглядел на всех сумасшедшими глазами и, схватив сумку, исчез за дверью.

Из училища вышли вчетвером — Верхолаз, Хачик, Пифагор и Головастик.

— Да, кто бы мог подумать... Ну и Ирза, — помотал длинной шеей Верхолаз. — Может, и правда ему кто-то подкинул?

— Кто? — остановился Головастик. — Я, ты, он?

— Ну, Головастик, ты и слухач! — выразил свое восхищение Хачик. — Как ты такое тиканье мог услышать?

— Он думает, я в самом деле что-то слышал, — усмехнулся Головастик. — Просто я хотел сумку Ирзы проверить. Тебе это надо, чтобы Рыжий везде свои лапы запускал?

— Правильно, — одобрил Верхолаз. — Ну, а почему ты на Ирзу подумал?

— Да... запомнил, что он несколько раз на перемене к вашей парте подходил. Ну, и еще кое-что... Главное — все замечать и ничего не забывать. Вот в прошлом году, — оживился Головастик, — у нашего Мити очки в училище пропали. Я подхожу к нему: Дмитрий Львович, если я найду ваши очки, переведете в следующий класс без переекзаменовки? Переведу, говорит. Я хотел поспрашивать у ребят, в случае чего выторговать. Но никто ничего не знал. А раз смотрю... помните, у нас на заднем дворе рукомойник висел и бочка с водой под ним стояла? Смотрю, значит, как он умывается. — Головастик лихорадочным движением рук, разбрасывая локти во все стороны, изобразил эту картину. — И тут вспомнил, что раньше он всегда очки на лоб сдвигал. Подхожу и говорю: «Я знаю, где ваши очки». И — бац ногой по бочке. Бочка опрокинулась, вода полилась, а на дне — точно, его очки!

— Здорово, — хитренькая мордочка Пифагора вы-

ражала неподдельное восхищение. — И Кузину шапку ты в два счета нашел!

— А что Митя, сдержал слово? — полюбопытствовал Верхолаз.

— А толку-то? — засмеялся Хачик, обнажая длинные желтоватые зубы. — Все равно мы с Головастиком на второй год остались...

— Да у нас больше половины на второй год оставались, — возразил Пифагор. — Тебе, Головастик, сколько сейчас, тринадцать?

— Через два месяца будет четырнадцать, — уточнил Головастик.

— А Зубу уже пятнадцать. И Кузе тоже.

— Почему у Ирзы такое прозвище? — спросил Головастик. — Верхолаз — знаю, по деревьям любит лазить. Пифагор когда-то отличился, доказывая теорему Пифагора... У Зуба зуб болел сильно... А Ирза?

— Черт его знает, этого Ирзу. Сейчас и не вспомнить, откуда это пошло. Ирза и Ирза...

— Что же теперь ему будет? — задумчиво произнес Хачик.

— Эй! Закурить есть у кого? — раздался чей-то голос.

Узкий смуглый лоб, оскаленные в улыбке белые ровные зубы, тронутые какой-то порчей крупные губы, прищур наглых серо-зеленых глаз. Так и есть, Нукри. Когда он успел пристроиться к их компании? Выходит, шел и прислушивался...

— У меня нет. — Пифагор для пущей убедительности похлопал по карманам.

Только завернули за угол церковной ограды, как навстречу вынесся фазтон. Головастик, шедший с краю, почувствовал толчок в плечо и, сделав шаг вперед, лишь чудом удержался на ногах. Фазтон, издав его запахом клеенки и конского пота, прогрохотал мимо. «Аш-шайтан!» — взвился вверх кнут фазтонщика, и спину Головастика ожгло ударом кнута.

Он оглянулся на Нукри, стоявшего с издевательской улыбкой на лице.

Хачик, Пифагор и Верхолаз молчали, понимая, как опасно связываться с Нукри. Но Головастик не имел права промолчать. Только что он, уверенный в себе, разговорившийся, был в центре внимания, и вот сейчас этот подлый толчок напомнил, что перед Нукри он — никто.

— А что... если б я тебя так?

— Ты? — Приблизившись вплотную, Нукри пуганул его резким движением руки.

— Ты лучше ворон на заборе пугай, а не меня, чучело, — удивляясь своему спокойствию, произнес Головастик.

Улыбка сползла с худого смуглого лица Нукри.

— Но, но, петухи, — прикрикнул на них проходивший мимо учитель гимназии Эдмунд Гендрикович, — разоидись!

Хачик, Пифагор, Верхолаз будто этого и ждали, послушно двинулись вслед за учителем. Головастик, помедлив, присоединился к ним, а Нукри сплюнул сквозь зубы и остался на месте, глядя им вслед тяжелым взглядом. Настроение у всех четверых вконец испортилось, даже у Верхолаза исчезла привычная для него покровительственность тона.

Если Нукри заимел зло на кого — пиши пропало, он в училище самый отпетый. Страшная, в общем, личность. До сих пор Головастику как-то удавалось избегать столкновения с Нукри...

Верхолаз, живший на Матросской слободке, попросился с мальчишками.

— Да, господа, день сегодня не для прогулок, — вздохнул Хачик у своего дома и взялся за круглую медную ручку двери, сферически вбиравшую в себя окружающий мир: и большие оттопыренные уши Пифагора, и ямочку на подбородке Головастика...

Правый ботинок у Головастика давно прохудился, и сейчас в нем вовсю хлюпало. Пальцы ног занемели, до плача усиливая чувство неуютности в этом мире.

За перекрестком, у типографии Козловского, кончалась более или менее ухоженная часть города и начинались грязные вонючие дворики, откуда по вечерам несло запахом болотной тины и помоев.

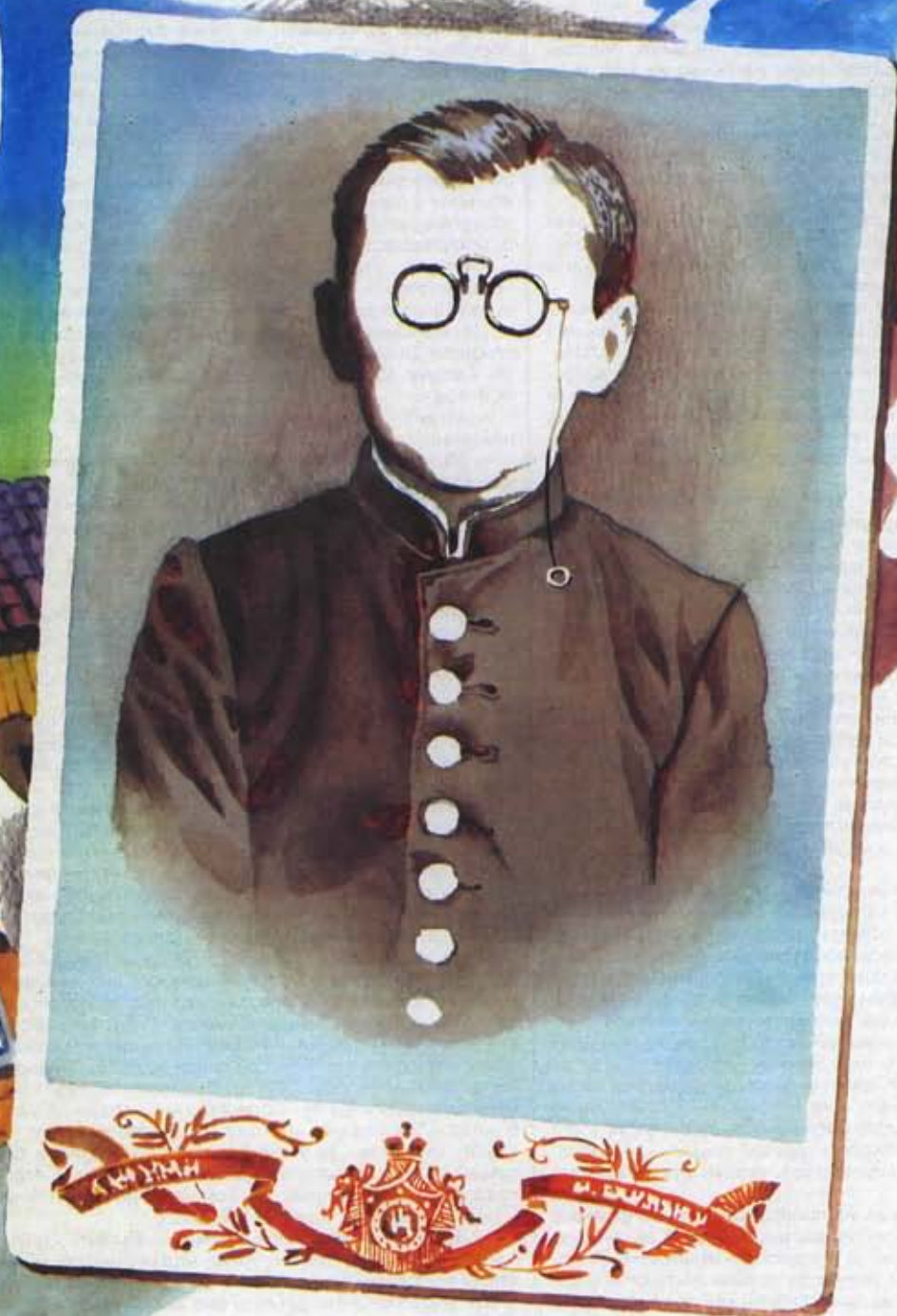
С пустыря, где обычно собиралась всякая шпана, доносились возбужденные голоса. В сумерках Головастик различил сбившихся в кружок картежников, от которых отделился, направляясь к нему, какой-то плюгавенький мальчонка. Курчавые волосы мальчишки были похожи на густой перепутанный пучок темной проволоки, широкий, как канава, рот растягивался в загадочной улыбке. «Эй, ты, тебя Нукри зовет» — «Пусть сам идет, если я нужен» — «А чего ты боишься?»

Рисунок Алексея ОСТРОМЕНЦКОГО

Виталий ШАРИЯ

ДОРОГА НАЧУМКУЗБУ

Пока они препирались, подтянулась вся шайка-лейка, молча обступили со всех сторон, убежать было невозможно. Эх, знал ведь, знал, что придется платить за сегодняшнее глупое фанфаронство!

Последним, не спеша, подошел Нукри.

— Ну что, куцый, повтори-ка, что ты сегодня чирикал!

Головастик молчал, напряженно соображая, как быть.

Стоявший рядом длинный веснушчатый парень глумливо захохотал, обнажив черные, будто обгорелые пеньки, зубы.

— Ну, чего ты? — Нукри широкой потной ладонью размашисто провел по лицу Головастика, старательно задевая его нос.

Первым побуждением было ринуться на него и ударить куда угодно, лишь бы ответить на унижение, не показаться Пифагору последним трусом. Но боковым зрением он увидел язычок лезвия в руке веснушчатого и как бы почувствовал прикосновение холодной стали. Ощущение липкой отвратительной слабости поднималось откуда-то снизу... Страх... Глупо, глупо погибнуть вот так... как тот парень, которого нашли месяц назад неподалеку в сточной канаве, с обезображенным лицом и раной в боку.

— Ну-ка, Маймун, вмочи ему разок! — отступил на шаг Нукри.

Ага, и Маймун здесь, бывший одноклассник, когда-то даже за одной партией сидели. Гляди, куда попал...

Мартышечья физиономия Маймуна выражала нерешительность. Ну, бей же, недоносок! Ударил, правда, не сильно.

— Ладно, учись.

Сверкнувший, как молния, удар кулака сплющил нос и губы Головастика в лепешку. Он нагнулся, схватился за лицо руками, но уже в следующее мгновение, ринувшись вперед и выбросив наугад правую руку, сумел достать до подбородка Нукри. И тут же на него посыпался град точно направленных ударов. Головастик отбивался все слабее, тыча вслепую руками. Пифагор, малявка, суетился, но не осмеливался поднять руку на обидчика. Свора Нукри, точно стая шакалов, почуяв кровь, толпилась вокруг, норвя ударить его, да похлестче, побольнее.

Наконец Головастику удалось вырваться из кольца, и он быстро пошел прочь. Нукри нагнал его, неожиданно обнял за плечи, привлек к себе.

— Ну все, мир? Эй, вы, — прикрикнул он на своих дружков, — что от него хотите? Чего им от тебя надо, а?

Головастик посмотрел на него, и Нукри сильным ударом кулака откинул его голову назад так, что лязгнула челюсть, и снова остервенело ударил Головастика в лицо...

Всю дорогу до дома Головастик молчал, во дворе кое-как умылся под рукомойником. Вот наконец и его чуланчик: узкая кровать у окошка, стол, застеленный белой бумагой, на нем — стопка книг и лампа... Из

круглого карманного зеркальца глядело едва узнаваемое лицо со вздутой верхней губой. Пусть бы он сам упал и разбился в сто раз сильнее, но пусть не было бы этого унижения. Ведь завтра в училище наверняка уже будут знать... Тот же Пифагор первым и расскажет, а не от него, так от Маймуна все станет известно...

Где-то рядом скрипнула дверь. Головастик быстро задул лампу и вытянулся на кровати. Как часто, лежа здесь, погружался он в сладкую трясину причудливых фантазий, воображая себя то Александром Македонским, то бесстрашным воителем Георгием Саакадзе... то владыкой роскошного замка, выросшего по дороге на гору Чумкузбу, куда они хотели подняться с одноклассниками, да так и не дошли, вернулись...

Вдруг он похолодел, вспомнив, где его били — почти напротив дома Кутателадзе, а это значило, что Ида, гимназисточка с каштановой косой и лучистыми глазами, вполне могла видеть, например, как Нукри провел ладонью по его лицу, а он стоял и молчал. Как часто слонялся он вокруг этого дома, чтобы только увидеть ее или попасться на глаза...

Если бы можно было забыть те несколько минут сегодняшнего вечера, но невозможно, так же, как неотвратимы завтра встречи с Верхолазом, Пифагором... Неотвратимы, если только... Нет! Не дождутся этого Нукри и его свора! Никогда! Как он мог подумать о таком! Впрочем, где-то он слышал подобную мысль — любому нормальному человеку хоть один раз в жизни приходит в голову мысль о самоубийстве. Любому нормальному...

Головастик шевельнул губами и вдруг понял, что никогда в жизни уже не сможет улыбнуться.

Рад бы заплакать, да слез не было. Знал одно: он должен мстить, он будет мстить.

...Холодное равнодушие в глазах Нукри сменилось любопытством. Только бы унять дрожь в голосе. «Там всего с версту... Вот такое чугунное кольцо... Как раз вдвоем...» Это лепет Головастика. Только такой человек, как Нукри, смелый, сильный, бывалый, сможет разделить с ним счастливую ношу Али-Бабы.

Странно, но Нукри поверил сразу. Впрочем, почему странно? Он и представить себе не мог, что Головастик способен причинить ему зло.

Они долго шли узкой, едва заметной тропинкой по склону горы, среди серых скальных нагромождений, по дороге на Чумкузбу... И вот дыра, темный провал, уходящий в глубь горы. «Нагнись», — предупредительно обернулся Головастик, зажигая свечку и шагая в темноту дыры. Поворот, еще поворот... «Здесь», — остановился Головастик и поднял свечу как можно выше, выхватывая из темноты самые дальние уголки

Все дыры нашей экономики видны из тамбона.

В том, что — правдами и неправдами — везут к нам видеотехнику, компьютеры, радио- и фотоаппаратуру, нет в общем-то ничего удивительного. Удивиться стоило бы тому, что в страну хлопка, льна и шерсти тюками везут «тряпки», но к этому мы тоже начинаем помаленьку привыкать и только разводим руками, когда из-под полы замшевой куртки верзила с Рижского рынка предлагает нам за пять червонцев колючий предмет дамского туалета, но с этикеткой «маде ин Сирия». А чем объяснить, что в стране, не испытывающей недостатка в сырье для мыла и стиральных порошков, таможенники без особого удивления смотрят на то, что к нам везут уже и этот «товар»? Похоже, степень нашего «привыкания» безгранична. И это тоже хорошо видно из таможи. Как, впрочем, и многое другое.

Но, казалось бы, таможня — проблема узкоспециальная. Во всяком случае, таковой была она до недавнего времени. Сегодня же, когда связь с миром, лежащим по ту сторону государственной границы, осуществляется не только избранными, но в общем-то начинает становиться достоянием чуть ли не каждого, таможенная тема делается модной и, я бы сказал, выходит на новый виток.

Если раньше всякий разговор об этом предмете переходил в жанр детектива, а чемоданы с двойным дном станови-

ливать в первую очередь. О последних догадаться нетрудно.

Долгие годы торговые деятели различных рангов, периодически курсировавшие из нашей страны в страны иные и столь же периодически возвращавшиеся обратно, освобождались от дозора — по телефонному звонку из Москвы. Это же средство связи срабатывало безотказно и в том случае, когда высокопоставленного контрабандиста вопреки неписаному закону ловили все-таки за руку...

Впервые таможня вздохнула только в феврале 1986 года, когда скинула с себя самое, быть может, тяжелое ярмо — нелепую, чтобы не сказать прямее, подчиненность Внешторгу, а с ним вместе и 400 (четыреста!) оказавшихся ненужными инструкций. Сколько среди продолжающих действовать — нужных, сказать не берусь, но и по сей день таможня остается тем самым «магическим кристаллом», сквозь который стоит взглянуть на нашу повседневность. Но разговор вести придется о вещах, о которых еще недавно в нашей «гостеприимной стране» говорить было не принято. Не уверен, что и сегодня не навлеку державный гнев со стороны охранителей «международного этикета». Молчание оно, конечно, золото. Но не в том же случае, когда лезут к тебе в карман! Вот почему и считаю нелицезнющим вынести на страницы массового журнала такой сюжет, эпизод.

В районе Бреста на своем «шевроле» пересекает нашу границу секретарь по-

уезжает на постоянное жительство, и десять — на туристов, путешествующих «челноком».

Много это или мало?

В 1987 году таможня пресекла вывоз одиннадцати тысяч единиц предметов искусства и старины! Сколько ушло — такой статистики не существует и существовать, увы, не может. А это и есть самое страшное, ибо дело перерастает, говоря без преувеличения, в проблему национальной драмы.

Не открою секрета, если скажу, что кража и сбыт произведений искусства стали в международном масштабе второй после наркотики разнообразностью преступлений. Оставить эту тему в рубрике «Их нравы» уже невозможно — доля попадающих на международный «прилавок» произведений искусства из России столь велика, что заставляет не то что задуматься, но и одуматься. Связывать напрямую торговь русскими художественными ценностями с нашими внутренними болезнями я не берусь, но кое от каких сопоставлений не уйти, потому что созданию позорного этого рынка мы сами способствовали, и весьма «успешно».

Начало иконной лихорадки совпало у нас с «оттепелью» отнюдь не случайно. Целый могучий пласт русского искусства долгие десятилетия жил не только за болотными топями и хмурыми сузами, но и отгороженными от остального мира «зонами» и колючей проволокой. И вот когда в северных наших областях редеть стали, а потом

червонцами немалыми. Произведения искусства, часто и национальные святыни превращались в новый тип «товара», образовывался потенциальный фонд рынка, который не заставил себя ждать.

У подъездов, в холлах гостиниц столицы и больших городов пошел торг. Пика своего достиг он к началу семидесятых. В те же годы зачато было, родилось, выросло и окрепло новоявленное племя «христородавцев», а точнее бы без кавычек и с изменением ударения — **христородавцов**.

Тут перевести бы разговор в другое русло — о преступлении и наказании, — но вот о чем умолчать грех и забыть нельзя.

Пик частного разбойного торга приходится на то время, когда Министерство культуры одну за другой устраивало под своей маркой выставки «даров из частных собраний», и оно же, это самое министерство, никаких препятствий не чинило могучему и все ширившемуся потоку русской старины через границу. Достаточно было явиться в среднего ранга кабинетик, чтобы, поставив государственную печать и упрочив ее собственной подписью, культчиновник решил судьбу десятка-другого икон. Уходили в этом потоке и шедевры. Статистика тут не закрыта — ее просто не существует, но отдельные события достопамятных тех лет заставляют вздрогнуть и сегодня.

Год 1974-й. В купе прямого вагона Москва — Париж входит представитель

Алексей НИКОЛАЕВ

«Христородавцы»

Иконная лихорадка • Аферисты с мандатами • «Святой Георгий»: прописка — Париж • Меж министерских жерновов...

Фото Сергея ВЕТРОВА

лись главными «персонажами» остро сюжетных повествований, то сегодня таможенная тема решительно переходит на экономическую стезю, сколько валюты можно заработать, поставив дело на твердую и умную основу. Что же, это очень важно. Но тем не менее обкатанную эту тему мы возьмем в ином аспекте...

Грубо — но справедливо! — говоря, таможенную нашу службу довели до ручки. До революции экономические основы империи стерегли тридцать пять тысяч таможенников. В 1918 году легендарный Камо принял под свое начало семнадцать тысяч сотрудников, а к 1985 году количество таможенников свели к полутора тысячам, и людей этой профессии впору было уже записывать в Красную книгу.

Впрочем, особых поводов для удивления здесь нет: за семьдесят пять лет существования таможенной службы в стране не было подготовлено ни одного таможенника по причине **полного отсутствия** специальных учебных заведений. Происходило же это в то самое время, когда после войны старые наши таможенники командировались, например, в ГДР ставить на ноги службу братской страны, которая вдобавок к нашей науке очень скоро обзавелась и несколькими собственными учебными заведениями. «Феодальный Китай» — двумя таможенными академиями... А в это же самое время на нашу таможенную службу обрушивается удар, последствия которого оказались для нее непоправимыми. — ее подчинили... Министерству внешней торговли! Говоря метафорически, волк взял на себя роль пастуха, в переводе же на язык документа: таможня оказалась под присмотром того, кого и должна была контро-

лировать — ну, скажем так — одной африканской страны. Таможенник отменно вежлив, но у вежливого этого таможенника возникают подозрения, и он решает (нет, решаетея!) осмотреть автомобиль дипломата. Таможенник рискует — а что, если не найдет?! Нашел. Нашел... двадцать две тысячи дамских головных платков, в переводе на рубли — четыреста тридцать тысяч. Конечно, двадцать тысяч дамских платков не подорвут экономику страны. Речь о другом.

Поток ввоза крайне изменчив. Чутко, как хороший барометр, реагирует он на погоду в нашей экономике, которую (теперь это не секрет) постоянно лихорадит вот уже не одно десятилетие. Поток вывоза, напротив, устойчив. Но говорит это не о стабильности экономики, а о стабильной ее бесхозяйственности (что, впрочем, тоже не составляет государственной тайны). Икра, иностранная и советская валюта, драгоценные металлы, а главное — художественные и культурные ценности как начали в 20-х годах «уплывать» за границу, так в том же русле продолжают этот путь и сегодня.

Давайте порассуждаем и не будем, как говорят, мелочиться. В самом деле: икры еще наловим (если, конечно, гидростроители дозволит), золото, серебро — жаль, понятно, но, кто знает, быть может, геологи поднаутчатся и откроют завтра новые месторождения... Словом, переживем. Но как быть с тем, что невосполнимо и неповторимо, — с художественными ценностями? А между тем семьдесят процентов этих самых невосполнимых и неповторимых вывозят граждане «развивающихся» и «слаборазвитых» стран — ливиную долю. Двадцать процентов приходится на тех, кто

и вовсе под корень сводиться сталинские лагеря, в архангельские, карельские, вологодские края первыми устремились истинные любители русской старины. Были это, как правило, люди к искусству искренне равнодушные. Из заброшенных, гинувших церквей, с чердаков заколоченных и покинутых домов, коих множество доживало свой век по берегам Двины, Пинеги, Онеги, Мезени, Печоры, увозили они черные, осыпавшиеся доски, об истинной ценности которых одни знали чутьем, другие опытом, и, сказать надо правду, многое из привезенного становилось украшением не только личных коллекций, но и музейных экспозиций. И так случилось — а иначе случиться и не могло, — что одиночки-любители оказались мобильнее и расторопнее экспедиции музейных, — тем, как и по сей день водится, недоставало денег, а поездка даже в соседний район сопряжена была с великим множеством «согласований» и «утверждений». Но так или иначе, а любители и музейщики делили сообщество благое дело спасения художественных ценностей, в числе их и древних икон, которые год-другой спустя должны были погибнуть если и не от ветхости церквей, где хранились, то от продолжавшегося, несмотря на «оттепель», антирелигиозного шаша.

Но когда вслед за истинными ценителями ринулись на русский Север дельцы, порой просто аферисты с поддельными музейными мандатами, дело приняло трагический оборот. Гребли все подчистую, варварски: доски выламывали из иконостасов, набивали мешки церковной утварью, перемежая кресты, рукописные книги с портянками, и творилось это, конечно, не ради спасения художественных ценностей — пахло тут

Брестской таможи. При виде большой иконы ослепительной красоты и не пригляшая даже эксперта-искусствоведа, таможенник теряет дар речи. «Позвоните в Москву», — отвечает на немой вопрос хозяйка багажа. Связь, слава богу, работает... и через несколько минут в купе вагона Москва — Париж продолжает свой путь на запад «Святой Георгий», хранившийся в одной из церквей на Пинеге с четырнадцатого века! Не самый, конечно, худший исход, что этот шедевр древнерусской живописи украсит сегодня личную коллекцию профессора Сорбонны, но ведь мог он — и должен был! — стать одной из жемчужин Третьяковской галереи или Русского музея.

(Позволю себе в скобках маленькое, но поучительное, как мне представляется, отступление. Нужно ли удивляться, что эмигранты «первой волны» встречали уезжавших из России в 70-х годах скептически и с понятным горьким упреком: «Мы ехали в чем мать родила, а они — с собачками, картинами, библиотеками...» Но это уже другая, отдельная и по многим причинам довольно сложная тема.)

К чему, спросит читатель, весь этот пространный экскурс в историю иконной лихорадки, имеет ли он отношение к нашему разговору о делах таможенных? Самое прямое. Ибо сегодня именно таможня, я бы сказал, только она одна ставит препоны прежней преступной бесхозяйственности иных ведомств. Правда, предел открытому грабежу сегодня поставлен: все, что представляет какую-то художественную ценность, законно не провезешь.

Напроралую распоряжавшийся нашим наследием культчиновник, не потеряв пока кабинета, утратил все-таки

права хотя бы в том, что не всегда рискнет поставить подпись там, где ставить ее — преступление.

Тут самая бы пора пощадить терпение читателя, сказать, что инцидент исчерпан, дело, мол, прошлое, граница, как принято было выражаться, на замке, и все такое прочее. Да нет, везут. Увозят грабительски, целыми партиями. А что страшнее, так это жуткий, умопомрачительный вандализм, который нормальному человеку и представить себе трудно: чтобы спрятать большие иконы в чемоданное барахло, их распиливают на две, четыре, шесть частей, не щадя ни крестов, ни ликов!..

Передо мною акты изъятия икон, обнаруженных и задержанных Брестской таможней у граждан Гвинеи-Бисау, Того, Руанды, Чада, Мозамбика... Объемистая это рукопись, и пришлось бы мне тут представить целый каталог более чем трех тысяч икон, среди которых и истинные шедевры, датированные XVI веком; большинство в серебряных, позолоченных, украшенных драгоценными камнями окладах. Проставлены в актах и суммы оценки каждой. Предвижу традиционный, к сожалению, вопрос: «А сколько это стоит?» Любителям финансового подхода к искусству с бухгалтерской точностью не отвечу; скажу только, что суммы эти, хотя и содержат множество нулей, прямо говоря, смехотворны. Сошлюсь, впрочем, на некий документ, составленный Министерством культуры и датированный мартом 1983 года. Сказано в нем следующее: «При оценке применяется шкала цен, выработанная практикой работы закупочных комиссий Министерства культуры СССР, центральных музеев и антикварных магазинов». Звучит как будто бы солидно. Но чтобы все встало на свои места, позволю себе — печатно впервые — привести пример события совсем недавнего: за сто работ Малевича Министерство культуры уплатило наследникам художника... двадцать одну тысячу рублей!.. Вот вам, так сказать, цена «шкалы цен, выработанная практикой работы!» И ведь что поразительно: цены эти занижены в десятки раз с благородной, как не кощунственно звучит, целью — иначе бедные наши музеи не в силах будут что-либо приобрести. Куда им тягаться со спекулянтами-христородавцами — не тот размах!.. А не тут ли, раз уж к слову пришлось, если не все, то, уж конечно, главные причины сбыта русских икон иностранцам?!

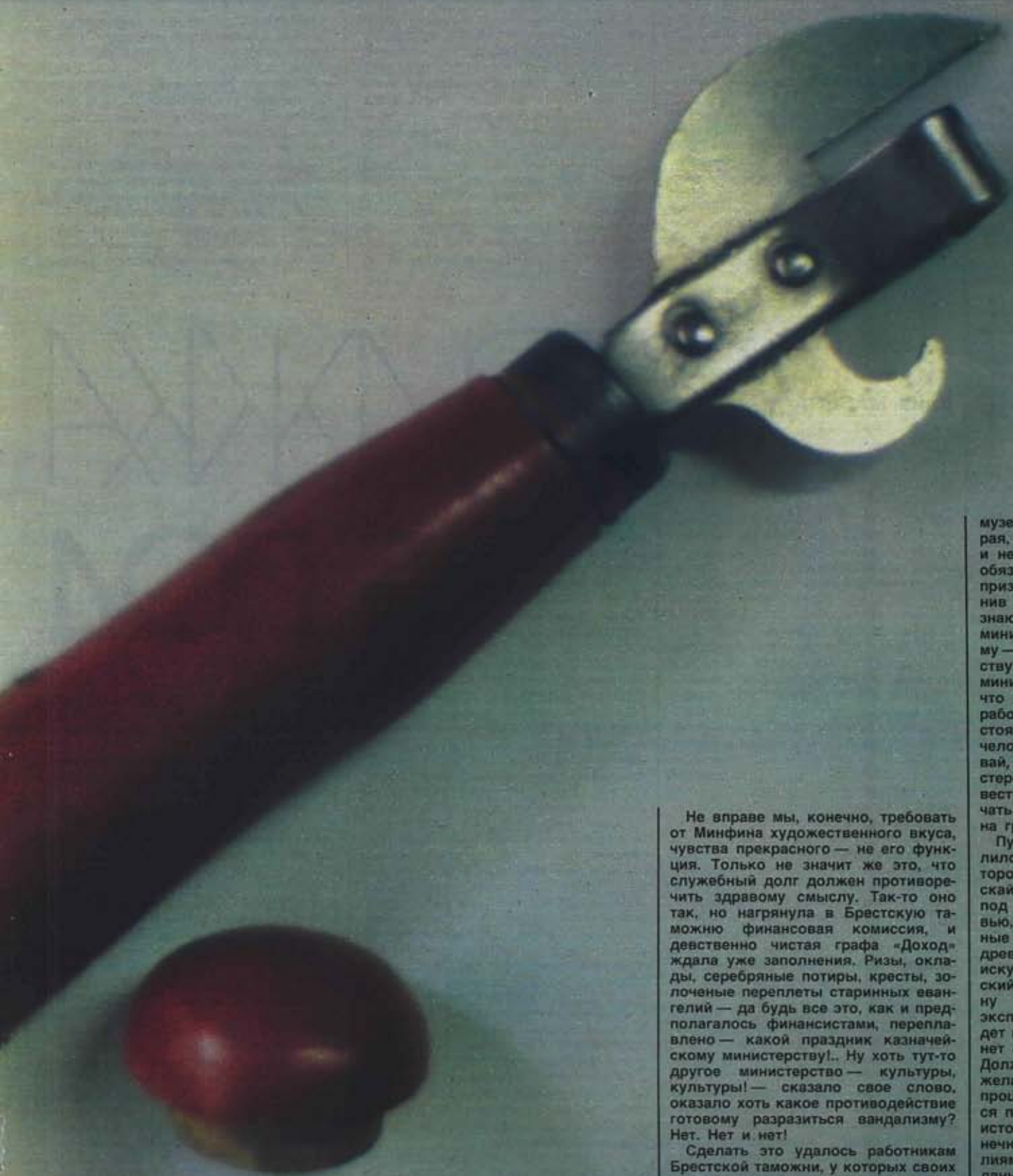
Не знаю, просить ли извинения

у представителей уважаемого министерства за случайно пришедшийся камушек в их огород, но помянуть это ведомство все же придется еще раз. Дальше пойдет речь о событии, которое хотя и произошло «по вине» таможни, но, по всей справедливости, должно быть записано в историю нашей культуры.

Когда выяснилось, что среди прочего Брестская таможня весьма успешно «вылавливает» и художественные ценности и скопилось таковых на целый музей, а хранится негде, кто, вы думаете, первым ухватился за эту ниточку? Министерство культуры? Это — если по логике, а по жизни — извините, совсем иначе. Ухватилось, и ухватилось крепко, другое министерство — финансов! «Иконы? Очень хорошо. В серебряных окладах? Еще лучше. Да и разрешить этот вопрос проще простого: доски — вам, драгметалл — нам. Чего тут мудрить!»

Не вправе мы, конечно, требовать от Минфина художественного вкуса, чувства прекрасного — не его функция. Только не значит же это, что служебный долг должен противоречить здравому смыслу. Так-то оно так, но нагрянула в Брестскую таможенную финансовая комиссия, и девственно чистая графа «Доход» ждала уже заполнения. Ризы, оклады, серебряные потиры, кресты, золоченые переллеты старинных евангелий — да будь все это, как и предполагалось финансистами, переплавлено — какой праздник казначейскому министерству!.. Ну хоть тут-то другое министерство — культуры, культуры! — сказало свое слово, оказало хоть какое противодействие готовому разразиться вандализму? Нет. Нет и нет!

Сделать это удалось работникам Брестской таможни, у которых своих дел по горло, да рядовым сотрудникам рядового краеведческого музея с грошовым балансом и который, барахтаясь в нищенских сметах, не вылезает из перманентного ремонта. Но дело пошло...

Началось с маленькой выставки спасенных таможенными художественными ценностями, приютившейся поначалу в выгородках бывшего костела, потом нашелся ветхий, к сносу уже предназначенный, но отремонтированный, реставрированный, а сказать проще — заново воссозданный особнячок, который и вместил в себя новый музей¹. Пока что из трех тысяч единиц хранения экспонировать он может одну десятую часть, но умно, с тактом и отменным художественным вкусом представленную. И вот уже второй год тянут сотрудники краеведческого музея новую эту ношу, да только за старую

музейную зарплату, ту самую, которая, как известно, «за чертой», если и не за первой, то за второй-то уж обязательно... Не могу я, конечно, призвать министра Павлова, вспомнив об этом, раскошелиться; не знаю, когда и будет ли вообще у нас министр культуры, но ведомству этому — ух, огромному какому ведомству! — есть о чем подумать и без министра: о том хотя бы подумать, что в отличие от культчиновников работники провинциального музея стоят у самых истоков воспитания человека, которому, как ни поворачивай, а музейные залы нужнее министерских кабинетов... Ну да об этом вести речь — конца не будет, а кончать пора, да в том только беда, что на грустной ноте.

Пускай как манна небесная свалился на город музей, аналогов которому нет ни у нас, ни в мире. Пускай бережно приняли его горожане под свое крыло, обошлись с любовью, живут в экспозиции великолепные образцы русской иконописи, древнего книжного, ювелирного искусства, есть Мясоедов, Айвазовский, и даже эскиз Врубеля к «Демону поверженному» украшает его экспозицию. Как знать, кто еще найдет приют в этом музее и каким станет он спустя год, два, десять лет? Должно быть, еще богаче. Но вот пожелать уникальному этому музею процветания язык не поворачивается по причинам вполне понятным — источники пополнения должны, конечно, стать иными, чтобы не усилиями таможни, а на средства, ему данные и достаточные, мог приобретать он новые экспонаты, как и все музеи страны.

Но случится это только в том случае, если слова «контрабанда» и «хриstopродавцы» перестанут существовать в одной строке. Когда?..

¹ Список причастных к созданию музея начать пришлось бы с начальника Брестской таможни Н. Алексеюка, контролера-искусствоведа Р. Кучеренко и, конечно, сотрудники краеведческого музея И. Тарима... Но, продолжая таким образом, необходимо было бы прибавить к ним еще полтора-два десятка имен тех, кто создавал этот уникальный музей.

Журнальные страницы тесны для такого списка. Однако о всех нами не упомянутых справиться читатель может при желании в соответствующем отделе Минкультуры...

Два года назад безвестный научный сотрудник столичного НИИ Артем Тарасов положил на счет недавно зарегистрированного кооператива «Техника» несколько тысяч рублей — все, что осталось ему в наследство от родителей. К февралю нынешнего года счет вырос до сорока миллионов...

— Не туда ты, парень, полез,— заботливо увещевали Артема в одном высоком кабинете.— Хотелось заработать? Так ты бы трусы или майки шил — у нас нехватка. Булочки бы пек. А то взялся за внешнюю торговлю! Не твое это дело — государственное! Мы тут сами разберемся.

Противостояние Тарасова и монополии длилось полтора года. А сражение началось в конце февраля 1989-го, с того дня, когда коммерческий директор «Техники» пришел сдавать свои партвзносы — девяносто тысяч с зарплаты в три миллиона.

Это переполнило чашу терпения парторга, который уже делал в том же партбилете отметки о внушительных взносах в партийную кассу. Сославшись на то, что такая пачка купюр не помещается в сейф, из парткома срочно позвонили в Московский горком.

И пошли косяком в кооператив проверяющие комиссии. Последняя — из контрольно-ревизионного управления Минфина СССР. Банковские операции кооператива были приостановлены. Банк стал отсылать деньги, приходящие на счет «Техники» по выполненным договорам, обратно клиентам с формулировкой: «из-за нарушения кооперативом устава». А Тарасову объяснили кратко: «Был звонок».

На самом деле это был приговор. Артем пошел к журналистам. Его внимательно слушали, кивали головами, обещали помочь. Тем временем Минфин давил ненавистное дитя перестройки. И теперь кооператив практически завершил свое существование, его руководители разбрелись кто куда...

...В «Технике» собрались люди с интереснейшими научными идеями; их открытия и изобретения лежали годами без реализации. А почему бы, подумали они, не создать кооперативное производство, чтобы внедрить лучшие изобретения? Кроме нас самих, этого никто не сделает.

Собственное производство требует больших денег. Стали думать, на чем можно хорошо заработать. Начали с изучения рынка спроса. Тонны отходов различных отраслей народного хозяйства гниют, развиваются ветром, размываются дождями: нет технологий переработки или есть, но неэффективные. А на западном рынке бросовое, на наш взгляд, сырье имеет приличную цену. Поэтому было решено собирать по стране эти отходы и отправлять за границу. А взамен получать то, что крайне нам необходимо и чего катастрофически не хватает, — компьютеры.

Как все просто!.. Когда просочились в печать сведения о миллионных зарплатах работников «Техники», появились слухи. Самый устойчивый, живущий до сих пор, — о том, что кооператив гнал за границу остродефицитное и даже стратегическое сырье, прикрываясь мифом о бросовых отходах.

— Но в действительности кооператив имел дело с неликвидами, сверхнормативными запасами, — говорит Артем. — Мы подчитали: на начало 89-го года в стране было около тридцати видов бросовых отходов-продуктов. Например, подсолненные шкуры домашних животных, которые в необозримых количествах утрамбовывают в почву там,

где скот забивают на мясо. Перерабатывать их у нас еще не научились. Специалисты «Техники» разработали метод утилизации шкур, что позволило продавать их по два доллара за килограмм.

Еще пример. Полуфабрикат, химической промышленности трикальция фосфат. Выпускает его подмосковный Воскресенский химкомбинат в таких количествах, которые производители фосфатных удобрений «переварить» не могут. В документах, ограничивающих вывоз химической и минеральной продукции, именно кормовые фосфаты выделены отдельной строкой в качестве

Анна МАЗЕПА

разрешенных. А обмен пятидесяти тысяч тонн трикальция фосфата на тысячу двести восемьдесят компьютеров — самый внушительный контракт «Техники». До начала лета в страну должны были поступить компьютеры на сумму 146 миллионов рублей. Для ввоза этой техники, не будь предприимчивых кооператоров, пришлось бы потратить одиннадцать с половиной миллионов долларов из государственной казны.

Скупой платит дважды: воспротивилась ведомственная власть, позарилась на доходы кооператоров, придется теперь выкладывать эти кругленькие валютные суммы. А то, что платить придется, сомнений нет: современные научные разработки не просчитать логарифмической линейкой. Страна не получала реальной валюты от деятельности кооператива, но ведь к нам была завезена уникальная техника, подчас не имеющая отечественных аналогов!

В США в новом финансовом году планируют израсходовать на развитие информационного комплекса, а точнее на компьютеры и телекоммуникации около 18,5 миллиарда долларов, что на 5,5 процента больше, чем в текущем году. Так это США — уже набитые компьютерами! А у нас...

Какие только обвинения не летели в адрес «Техники»: «перекупщики, спекулянты, на нас наживаются...» Собственно компьютеры не стали непосредственным предметом купли-продажи «Техники». Кооператоры, а среди них оказались наши первоклассные программисты (по мнению компьютерного специального американского журнала «Байт», входящие в десятку лучших в мире), снабжали компьютеры пакетами программ и продавали их уже как собственный продукт. Покупателями стали госпредприятия и научные институты. Продажа шла по цене в два раза ниже государственной.

Все до единой сделки кооператив осуществлял через государственные внешнеторговые организации (они имели до 12 процентов суммы сделки, причем предпочитали получать свою долю не деньгами, а компьютерами). Их работа заключалась только в наблюдении за ценовой политикой и в подписании контракта. Все остальное было делом кооператива, в том числе и поиски выгодного партнера.

— Ничего не хотят делать — только наживаться на посредничестве!.. — Артем кипит. — Но им же все позволено. Они неторопливы, мусолят бумаги по полгоду. На их языке это называется «изучать рынок». Рынок, который за полгоду меняется несколько раз! Как, впрочем, и выгодный партнер уходит,

не дождавись. Такое бывало у нас не раз, срывались отличные контракты. Но порядок есть порядок, и мы вынуждены были прибегать к посредничеству Внешторга, отдавая немалые суммы. Сейчас эти организации стали создавать при себе кооперативы, которые берут деньги уже за «посредничество в квадрате»: между собственно внешне-торговой фирмой и клиентом. Представьте кооператив, созданный при Министерстве культуры, который добивается у своего же ведомства разрешения на вывоз за границу, предположим, картин. А какие возможности в этом плане открываются перед кооперативом, со-

Во-первых, «Техника» продолжила бы сбор и утилизацию отходов. Только взамен ввозили бы современные очистные сооружения. Кстати, все предконтрактные переговоры с западными партнерами у «Техники» прошли еще весной, и с осени в страну должны были поступать специально оснащенные вагончики небольшого размера с невиданной доселе у нас пропускной способностью — около 5 миллионов литров в сутки. Их стоимость на международном рынке 70 тысяч долларов. Вагончики могут очищать сливы алюминиевых заводов и целлюлозных комбинатов, а также с их помощью можно

СТРИМЖКА ПОД

зданным, к примеру, при Совмине! Это, конечно, шутка, но я уже знаю в Москве кооператив, семь членов которого имеют «кремлевский паек»...

Если уж говорить о льготах и привилегиях в кооперативной среде, то «Техника» тоже не обойдена вниманием влиятельных организаций. К ней благоволил, к примеру, Министерство юстиции СССР. Причем настолько, что до разгромных санкций в отношении кооператива оно воплощало в жизнь вместе с «Техникой» комплексную программу по оснащению народных судов вычислительной техникой. Существовал долгосрочный контракт. Минюст предлагал и другие совместные работы. Первый заказ Минюста был такой: отремонтировать и оснастить вычислительной техникой здание Сокольнического районного нарсуда в Москве. Кооператив сделал это, да так, что туда стали водить делегации и демонстрировать успехи отечественного судопроизводства. Водят и по сей день. После этого кооперативу предложили участвовать в комплексной программе. То есть сначала испытай в деле. И это принципиально. Ибо с подачи какого-то проверяющего пошли слухи о том, что среди членов кооператива есть родственники влиятельных лиц. Например, племянница заместителя Генерального прокурора СССР, и, мол, именно это стало залогом успешного сотрудничества Минюста и «Техники». Племянница действительно работала машинисткой, но, по словам Артема, узнал он об этом тогда, когда претензии такого рода были заявлены.

В то время, как массовые проверки в кооперативе только начинались, Артем радовался. Он повторял: «Пусть все перетряхнут и увидят, что ничего противозаконного мы не делаем. Нам нечего бояться». Он с улыбкой предложил проверяющим из союзного Минфина использовать в их работе компьютеры, в память которых введена информация о всей деятельности кооператива. Финансисты отказались, сказав, что в расчет берут только реальные бумаги с печатями и подписями. Тогда Артем поставил перед проверяющими три огромных чемодана со всей документацией.

На три чемодана ушло у чиновников шесть недель. Дело застопорилось, однако Артем был еще уверен в успехе. Но продолжить работу так и не дали. Под самыми разными предлогами...

Представим же, что первоначальный немалый капитал кооператоров образован и есть возможность оперировать им по собственному усмотрению.

получать питьевую воду прямо, скажем, из Москвы-реки. Не было бы отбоя от предприятий, желающих иметь такие вагончики.

Никто, кстати, не запрещает заняться тем же бизнесом (снабженческим или сбытовым) внешнеторговым государственным организациям. Но не занимаются ведь!..

Маркетинговая служба кооператива посчитала, что в среднем у нас на очистные сооружения предприятию отпущается от 3 до 5 миллионов рублей в год, отходы же продаются по курсу рубль к доллару. Вот насколько выгодно ввозить те же вагончики.

«Техника» отнюдь не тыкалась на международном рынке вслепую. Тарасов было известно точно, что предлагать на рынок сегодня, а что завтра. Лондонские биржевые цены получали по телефаксу быстрее многих внешнеторговых организаций. За время своей недолгой работы кооператив создал собственную сеть сбыта за рубежом — заключая контракты с фирмами-агентами. При этом до сегодняшнего дня во внешнеторговых организациях, несмотря на введенный хозрасчет, продолжают многочисленные поездки сотрудников за границу «для выяснения обстановки». «Техника» же за короткое время освоила механику работы, которая уже давным-давно отлажена за границей. Механизм этот прекрасно действует, и в нем остро нуждается наша многоотрадная экономика.

Как только у «Техники» появились деньги, Тарасов стал думать, куда бы их вложить с максимальной пользой для общества. В строительстве! И уже нынешней осенью у нас должны были монтировать завод по производству одноразовых шприцев, дефицитных детских подгузников, фабрику детского питания.

Но все это было лишь малой частью работы кооператива. Прошлой зимой «Техника» приступала к строительству собственного цеха, который впоследствии должен был перерасти в завод по переработке продукции порошковой металлургии. Это — практическое воплощение одной из научных идей, с которых начинался кооператив. Группа коо-

ператоров создала принципиально новый материал пенометалл, который можно получать из любых видов металлов или их сплавов в порошковом состоянии. Из пенометалла «Техники» можно создавать наилегчайшие металлоконструкции, идеальные акустические фильтры, прекрасные катализаторы. Один квадратный метр при сантиметровой толщине весит 100 граммов. Западные специалисты готовы были купить эту продукцию по 240 долларов за пластину. Это позволило бы опытный цех быстро превратить в большой завод. И все это могло быть реальностью уже сейчас при нулевых затратах государства на новую технологию!

Артем со своими единомышленниками изначально планировал производство такой продукции, которая имела бы приоритетное значение не только на нашем, но обязательно и на западном рынке.

Тарасов не просто стремился к околонаучному меценатству, жалея изобретателей-неудачников, он ведь и сам изобретатель. В свои 38 лет он — по образованию горный инженер, по профессии электронщик, кандидат техни-

и праздников, мы не устаем. Мы упиваемся работой! Не знаю, что с нами будет, если у нас отнимут эту возможность.

Возможность отняли...
Неужели у нас нельзя получать зарплату в зависимости от своего трудового вклада? Ведь говорим же: «От каждого — по способности, каждому — по труду».

Никаких нарушений, за которые можно закрыть кооператив, проверками не обнаружено. Но тем не менее Минфин вынес приговор: счет не открывать вплоть до выплаты «Техникой» в госбюджет авансов, взятых в счет ведущихся работ по договорам с предприятиями на поставку аппаратно-программных комплексов. Это 27 миллионов. Минфин настаивает, чтобы кооператив не тратил эти средства. Но, во-первых, в Законе о кооперации в СССР значится: финансовые ресурсы кооператива расходуются по его собственному усмотрению без ограничений на выполнение задач, стоящих перед кооперативом. Минфин пришел к выводу, что те задачи, которые выполнял кооператив, перед ним изначально не стояли, поэтому, мол, нарушен устав.

Не пришлось по вкусу проверяющим и то, что на каждую сделку, которая выходила за рамки устава, «Техника» брала специальные разрешительные письма Моссовета. Проверяющие «не заметили» еще одного обстоятельства, которое им не может быть неизвестно, поскольку это их собственное изобретение за 1987 год. Это инструкция Минфина, принятая вместе с Госпланом и ГКНТ СССР «О порядке финансирования научно-технических и конструкторских работ»: в ней говорится, что любые средства, в том числе и авансы, могут тратиться на прямые расходы по выполнению тем и научных работ.

«Техника» не нарушила ничего. Спрашивается, зачем же ей отдавать в госбюджет 27 заработанных миллионов? Минфин предлагает второй вариант — двойную реституцию, то есть вернуть все на свои места: забрать компьютеры у предприятий, отдать их внешнеторговым организациям, с помощью которых действовала «Техника». Внешторг, по мысли Минфина, отправит компьютеры фирмам-поставщикам. Отходы же должны прибыть обратно в СССР.

Артем Тарасов из тех, кто поверил в перестройку, вздохнул свободно, но кому вдруг приказали дыхание задерживать на неопределенный срок. «Борись, — говорят ему друзья. — Глядишь, и на второй вздох заработаешь».

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя этот материал, мы отдаем себе отчет в том, что описанная ситуация не столь однозначна, как это представляет автор. Однако создание кооператива «Техника» нам кажется очень интересным явлением нашего времени. Не один Артем Тарасов, но и многие другие инициативные, энергичные кооператоры оказались в таком положении. А ведь речь идет не о шалычихах или печатниках календарей с обнаженными красотками. Мы готовы предоставить журнальные страницы для высказывания мнений всех заинтересованных сторон — и представителям Минфина, и Внешторга, и Союза кооперативов СССР, вице-президентом которого является Артем Тарасов. И, конечно, ждем читательских писем. Давайте вместе искать и отстаивать истину.

НОЛЬ

ческих наук, автор двух десятков изобретений. Многие из них почтили почти сразу после рождения, несмотря на свою безусловную социальную значимость...

Поэтому с организацией «Техники» Артем связывал и личные планы — увидеть наконец серийно выпускаемый, например, свое электронное устройство, позволяющее в массовом порядке обследовать женщин на предмет гинеколого-онкологических болезней.

Разрабатывала «Техника» и ионно-плазменные источники (ИПИ). Маркетинговая служба подтвердила, что здесь мы имеем приоритет на мировом рынке лет в десять, поскольку два десятилетия назад это направление в США было признано тупиковым и практически не развивалось. У нас исследования продолжались, долгое время были закрытыми, сейчас рассекречены, и заинтересованное ведомство было готово привлечь «Технику» для создания государственно-кооперативного предприятия по производству ИПИ и внедрению их в народное хозяйство. Помимо технологии, предложенной специалистами-кооператорами, от «Техники» требовались затраты примерно в 60—100 миллионов рублей. И кооператив был готов пойти на это. А производство ИПИ — путь к той электронике, которая недоступна сегодня для страны.

Широкое применение ИПИ и в космической отрасли. Источники, продающиеся в США, стоят около 12 миллионов долларов и, как считают специалисты, в 5—6 раз хуже по техническим возможностям тех, которые уже были в кооперативе.

В феврале Артем рассуждал так: «Если удастся вложить капитал и изготовить до конца хотя бы 50 штук, можно выйти на мировой рынок не только с продукцией, но и с технологией».

Но и этой идее не суждено было воплотиться...

— Конечно же, мы пришли в кооперацию заработать. А вскоре почувствовали, какие огромные творческие возможности он открывает! Работая по 16—20 часов в сутки, не имея выходных

Ирина ЕРМАКОВА,
30 лет, инженер, Черкассы

В ГОСТЯХ

В гостиной — модно. Блещут рамы. Взивая брови высоко, здесь разговаривают дамы высоким штилем кококо.

В углу с гитарой — гвоздь программы, последний писк вареной куртки, дымятся в хрустале окурки, упоминают чью-то маму.

Какие каверзные звуки! Гвоздь надрывается зело, и штамп великосветской скуки венчает низкое чело.

Сергей ФРОЛОВНИН,
30 лет, учитель, Стерлитамак,
Башкирская АССР

ПАМЯТИ САШИ БАШЛАЧЕВА

Еще один — не первый, не последний, Приблизив сам и волю, и покой При помощи прыжка вниз головой, Вошел в поэтов сонм вперед ногами.

К чему слова? Все до тоски банально. Никто не виноват, как и всегда. Традиционная российская беда — Жизнь начинать не до, а после смерти.

Не каждому дарован путь без крови, Не многим в руки шел счастливый фант. Трагедией проверенный талант По-прежнему в цене в моей Отчизне.

Борис БАДЕЛИН,
26 лет, журналист, Ейск

ДОН КИХОТ

Когда ночная стылая дремота сползала на трамвайные пути, на площади ловили Дон Кихота, чтоб в клинику с сиреной увести.

«Я должен!.. Я спасу, развею чары! Пустите! Ждут несчастные меня!» Но молча двое дюжих санитаров его снимали под руки с коня...

Сергей ВЛАСОВ,
28 лет, администратор, Москва

Кирпичных кладок изобилие, проемов сероватый цвет, и продавщицы, что в бессилье вам нежно шепчут: «Мяса нет...»

А может, и не нужно мяса? Есть витамины и дрова, жена Маруся, кружка кваса и без похмелья голова...

Алексей ДЬЯЧКОВ,
18 лет, студент, Тула

СДЕЛАНО В СРЕДНЕЙ ПОЛОСЕ

Гудок остывшей электрички. Рука, как голова гуся, легла в карман, тепла прося, и извлекла оттуда спички.

Мелькают нервно пальцы-спицы в окне, где кактус корчит рожи: он может очень рассердиться и больно расцарапать кожу.

На крышу первый луч намотан, как нить, как выбитый испуг. Выходит дворник на работу и озирается вокруг.

Анатолий МОВШЕВИЧ,
28 лет, педагог, Дзержинск

ВОЗДУХ ДЗЕРЖИНСКА

В нашем городе воздух секретный, просто воздух, которым дышим. Слишком часто порой предрассветной душный смог покрывает крыши.

Город наш идиллически зелен. Корпус раковый внешне уютен. У кого-то рассудок потерян от невидимой капельки ртути.

В переулках хохот стеклянный переростков — царапает уши. В мозг стучится солдат оловянный. Засекречены наши души.

Татьяна ГАВРИШЕВА,
17 лет, абитуриентка, Мурманск

Я уеду в Ленинград И забуду все печали, Что мне черти накачали Двести лет тому назад. И никто там не найдет Ни следов моих несмелых, Ни стихов моих неспелых, Как совхозный огород. Я уеду от тебя, Не сказав тебе ни слова. Скороспешно, бестолково, Не смеясь и не скорбя... Ну, а года через два Я сама тебе отвечу И тебе назначу встречу На ступеньках, где два льва Вот уж сколько лет лежат, Видя встречи и прощанья Да пустые обещанья, И всю жизнь свою молчат. Вот и мы к ним подойдем И погладим их по гривам, И они в ответ игриво Завилеют нам хвостом. ...Но не надо мне писать И звонить не надо тоже. Ты в судьбе моей — прохожий, Просто вышел погулять.

Марина ЗВЕРЕВА,
17 лет, школьница, Киев

ВЕЧЕР В ГОРОДЕ

Асфальт горяч и гнется под ногами Упруго, словно толстая резина. Еще горят рекламными огнями Высокие стеклянные витрины.

В кинотеатре кончились сеансы, В кафе играет музыка опять. В гостинице пируют иностранцы, А может, не пируют, где нам знать.

А кто-то скажет: «Раньше были ночи...» И все же позавидует кому-то, Счастливицу, который, между прочим, Родился в эту самую минуту.

Такого собрания я еще не видывал.

Теснились в проходах. Несли стулья...

Ажиотаж был понятен: делили деньги — сверхплановую прибыль, полученную заводом за месяц. Делить намеревались не поровну — по справедливости. Для того и собрались...

На трибуне заместитель начальника планового отдела Алексей Лихачев:

— Цех ширпотреба взял у третьего дополнительные трубы. Те могли бы отгрузить их на сторону по более высокой цене. Разница — четырнадцать тысяч рублей...

— Отдел главного механика, — продолжил Лихачев, — некачественный ремонт в третьем цехе: стан сломался, простоял тридцать один час. Стоимость недоданной продукции отделу придется возместить... Механический цех превысил себестоимость на шесть тысяч рублей. Покрыть перерасход он должен из своего фонда. Более того, ни копейки из сверхплановой прибыли ему не достанется...

Реплика из зала:

— Они не виноваты, просто плохо считали, давайте простим их, ребята хорошие...

Директор твердо:

— У нас на заводе шесть тысяч хороших ребят... Продолжаем.

И так по каждому цеху.

...Позже мы пришли к начальнику механического цеха Игорю Юркевичу. Вид у него не слишком веселый. Он как раз говорил со своими об этом злосчастном перерасходе...

Потом Игорь обратился ко мне. В голосе еще звучала досада:

— И кто ее считал, эту себестоимость? Ну, заметят у меня в цехе перерасход, ну, снимут с премии десять процентов — аж пять рублей... Раньше завод платил ремонтникам миллионы.

А чего ж не платить? Деньги давало министерство. Платили подрядчикам от сорока до ста рублей на каждого работника. В день! Теперь ремонт и наладку делают наши же рабочие, после смены. Берут по смете. Экономленные деньги — и в наш карман... Стали от других заводов больше заказов принимать. Прежде тоже помогали, да только навару с того не имели. Все деньги шли заводу и — «растворялись». Нынче заработанное на стороне делим в цехе...

Мы еще долго говорили на тему «как раньше — как сейчас», и по всем статьям выходило, что сейчас, не в пример, с деньгами обращаются справедливее и бережливее.

В чем же тут дело? Ответ прост: Днепропетровский трубопрокатный завод имени Ленина перешел на арендный подряд.

Что такое аренда? Третья модель хозрасчета, при которой предприятие ежегодно платит в казну государства и министерства строго определенную сумму. При иных моделях платят процент от дохода. Подумаешь, разница! — скажете вы. Честно говоря, я раньше тоже так думал. Теперь, после поездки в Днепропетровск, вижу: есть разница, и немалая.

Преимущество аренды в том, что это единственная противозатратная модель. Вспоминаю разговор с заместителем начальника одного из цехов Виктором Григорченко.

— Раньше как было? Существовал норматив: чтобы сделать тонну труб — израсходуй, скажем, 1200 килограммов металла. Перерасходовать нельзя — срежут премии. Но экономить тоже не стоит. А возможностей экономить, между прочим, масса. Например, тоньше — но в пределах ГОСТа — делать стенки труб. Но от экономии, во-первых, никто ничего не получал. А во-вторых, замечают в министерстве: ага, сберегаете! Значит, срежут норматив. И работать

станет тяжелее. А там, глядишь, в него не уложишься, и премии полетят. Теперь все, что сэкономили, идет в зарплату. Не через какие-то коэффициенты, не через премии за бережливость — прямо и непосредственно.

А всего завод, узнал я потом, намеревается сберечь за год без малого миллион. Каждому в среднем по 170 рублей. Раньше в таком подсчете был бы чисто умозрительный, праздный смысл, потому что сей сбереженный миллион шел бы в рапорты, но не в кошельки заводчан. Сейчас все, до единой копейки, получают они.

Еще два миллиона получают работники завода за счет увеличения выпуска продукции (замечу: проектные мощности в большинстве цехов перекрыты) и повышения качества труб.

Три миллиона прибыли сверх плановых пяти — для обычного предприятия рост почти невиданный. Учтем, что никакого увеличения рабочего дня, дополнительных смен не будет, и без того в большинстве цехов работа трехсменная. Не будет и договорных цен, столь полюбившихся некоторым чересчур «предприимчивым» хозяйственникам.

Еще очевидный плюс аренды: она в отличие от других моделей хозрасчета стимулирует внедрение научно-технических новшеств, потому что вся прибыль, которую получит завод в результате реконструкции, остается в распоряжении предприятия.

Внедрение! Слово, которое невозможно перевести на другие языки: преодоление отчаянного нежелания что-то менять. Нет интереса к научно-техническому прогрессу, и вот отстали мы от Японии почти навсегда, штампуем самозрывающиеся телевизоры и вызывающие усмешку на Западе автомобили... А в самом деле, зачем нормальному советскому директору новшества? Маета с реконструкцией, снижение показателей и зарплат. Потом, когда запущена новая продукция, ее включают в план, дополнительную прибыль забирает министерство...

А арендаторам реконструкция выгодна. В этом году пройдет обновление одного из цехов. (Выработка на время, конечно, упадет, но рабочим будут доплачивать из резервного фонда, зато уже в будущем году цех даст на 600 тысяч прибыли больше!)

Но меня все время занимал вопрос: почему завод решил перейти на арен-

ду? На заводе имени Ленина крепкий коллектив, последние лет двадцать неизменно дающий план, получающий знамена, а значит, и премии... Зачем ему-то неторный путь?

— Терять было нечего, — ответил на мой вопрос Игорь Юркевич.

— А план, знамена?

— Да, по инерции мы бы тянули план еще лет пять, ну, десять. Потом развал, крах.

Отдаленные восторги этого развала сумели разглядеть руководители завода. Какие сегодня проблемы у предприятия? Чтобы решить жилищный вопрос, надо строить по сто квартир ежегодно, а не по сорок, как сейчас; чтобы обновить старое оборудование, необходимо восемьдесят миллионов, а не сорок. Повышать зарплату надо процентов на семь в год, а не на два, учитывая инфляцию. Около ста человек в прошлом году, рукастые, головастые, ушли в кооперативы. (Кстати, спасибо им, кооперативам, хотя бы за это: чтобы удерживать людей, руководителям госпредприятий просто не остается иного выхода, как заботиться о заработках и жилье для своих.)

Заработать деньги по нынешним хозрасчетным временам можно только самим. Но первая модель хозрасчета, на которую перешел завод, никаких шансов не давала.

Историю «пробования» аренды в министерстве я вам во всей красочности не расскажу. Мои собеседники уходили от этой темы: опасались, видно, сосориться с вышестоящими. Но по отдельным репликам можно понять, чего это стоило.

Заместитель директора по экономике Петр Зеркаль:

— Однажды я вышел из министерства и думаю: все, ухожу с завода, ухожу из отрасли... Хватит!

Председатель совета трудового коллектива, начальник цеха Сергей Чукма-сов:

— Сидят чиновники, каждый тянет обе руки «за», но такое впечатление, что у каждого под столом педаль тормоза, и он ее изо всех сил нажимает.

Только поддержка министра и его заместителя помогла днепропетровцам добиться своего.

Но известно, как аппарат порой умеет тормозить, а то и извратить решение первых лиц. Потому противостояние с министерством отнюдь не закончилось. Не очень-то ему по душе отпущать в вольное плавание корабль, который долгие годы был надежно пришвартован к стенке.

Опять-таки: договор на аренду заключен на семь лет, однако сумма, которую завод будет платить министерству, определена на ближайшие два года. Думаю (хотелось бы ошибиться!), что министерство, увидев доходы пред-

приятия, ощутив его истинную самостоятельность, вряд ли избежит искушения «прижать» их налогом в будущем...

Кстати, один из аргументов министерств, не желающих отпускать предприятия на волю: лишившись опеки заботливой няньки, которая указывает, сколько потратить на развитие производства, на социальные нужды, сколько на зарплату, завод все свои деньги проест, «пустит по ветру». Напрасные опасения! На предприятиях тоже есть люди, которые видят дальше чем на два хода вперед. Днепропетровцы, к примеру, не уменьшили, а увеличили по сравнению с прошлым годом фонды развития производства и социального развития.

Стали вкладывать деньги в откороченные площадки колхозов — теперь на предприятии всегда в продаже свежее мясо по госцене. Взяли в аренду старый кирпичный завод, восстановили его — делают кирпич для своего строительства и еще продают на сторону. Среди ближайших планов — арендовать обувную фабрику да установить там итальянское оборудование (пусть, мол, днепропетровские женщины не мытарятся в киевских и московских очередях за изящными туфельками и сапожками).

Ну, а как коллектив отнесся к идее аренды?

— Сначала скепсис и даже раздражение, — рассказывает Сергей Чукма-сов. — Ведь на что мы только не «переходили»: и на бригадную форму, и на новые тарифные ставки, и на хозрасчет, — а все по-старому.

На первом заседании совета трудового коллектива решили: от одобрения аренды пока воздержаться... И тогда руководители предприятия «пошли в народ». Побывали в каждом цехе. Вопросов им задавали массу, самый первый: «Зарботки не снизятся?» Специалисты, начальники служб, цехов сумели растолковать, что называется, с цифрами в руках, насущность аренды, ее явную выгоду для каждого заводчанина. И общественное мнение повернулось в сторону аренды.

Что это я — все о руководителях да о руководителях... Как чувствуют себя на аренде молодые рабочие, инженеры?

Подшучивают: «Хотите взять интервью в рабочее время — платите: мы на аренде». Многие из тех рабочих, с кем я встречался, говорили, что стараются теперь экономить, описывали способы, как этого добиваются. Но прямой заинтересованности больше экономить все же нет. Сверхплановая прибыль добывается от каждого рабочего ступенчато: сначала ее делят между цехами, потом между бригадами, потом между работающими. И вполне может быть: ты на своем месте трудился изо всех сил, но из-за ошибки начальника цех остался без сверхпланового дохода...

Почувствовали себя рабочие хозяевами? Пока нет. Почувствуют ли? Это — самое важное, от чего и зависит успех-неуспех аренды. Достичь такого в многотысячном коллективе непросто.

Завод не ферма, где вот коровы, вот земля, двое-трое работающих — все наглядно и просто. И не такси, когда отдаешь, как налог, часть выручки, остальное оставляешь себе. Успех завода не от тебя только зависит, но и от Ивана на соседнем участке, Петра в смежном цехе, Ивана Петровича в кабинете. Добиться безоговорочно честного и умного хозяйничанья от каждого из шести тысяч — задача непростая. Но, во всяком случае, это куда реальней, чем сделать хозяевами каждого из 280 миллионов. А если уменьшить масштаб собственности? Если хозяевами будут (пока!) не сотни миллионов, а шесть тысяч?

В том и смысл эксперимента в Днепропетровске.

Сергей
ЛИТВИНОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

ТАЙНЫ ТРЕТЬЕЙ МОДЕЛИ

БЕОРНАРБАВЕИ

Анастасия ПЛЕШАКОВА

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

— Ну, а теперь попробуйте вы,— говорит мне Виктор Николаевич Лапин.

...Поле для стрельбы из лука в парке Сокольники. В тридцати пяти метрах — полуметровый щит. Только что тренер детско-юношеской спортивной школы показывал своим ученикам, как стрелять из арбалета. И вот передает эту «игрушку» мне. Формой арбалет напоминает скелет птицы и выглядит довольно устрашающе. Оказывается, он еще и довольно тяжелый — около восьми килограммов. Без помощи Виктора Николаевича мне явно не обойтись. Лапин натягивает тетиву. Кладет стрелу в ложу и осторожно передает оружие мне. Остается только прицелиться и нажать на спусковой крючок... Но арбалет «ходит» у меня в руках, и я никак не могу поймать и прицелиться. Ну вот, наконец... Негромкий шлепок тетивы и... «Неплохо, неплохо...» — говорит Виктор Николаевич. — Для новичка выстрел вполне нормальный». Но я-то вижу: в щит все-таки не попала. Стрела пролетела совсем рядом с ним и воцарилась в деревянный каркас.

— Арбалет — оружие древнее. В Китае нашли характерную деталь арбалета — так называемый «орех», сделанный, как считают ученые, за несколько столетий до нашей эры. Как всякое другое оружие, арбалет веками совершенствовался, модернизировался, о его универсальности можно судить хотя бы по тому, что у половецкого хана Кончака имелось метательное сооружение, лук которого натягивали пятьдесят человек — вполне можно было громить осажденные крепости. Представьте диапазон? От винтовки до пушки, если переводить на сегодняшнюю оружейную табель о рангах.

Арбалет — французское слово. На Руси оружие это называлось само-

стрелом. Оно появилось у новгородцев еще в десятом веке, а на Севере на зверя добывали — до начала века двадцатого.

— Западные фирмы,— рассказывает мне Виктор Николаевич,— выпускают арбалеты и для рыбалки, и для охоты; с оптическим прицелом и обыкновенным диоптром. Или более простые конструкции, так называемый дачный вариант... Есть и легкие спортивные арбалеты, с которыми выступают на соревнованиях. Цена такого арбалета, например, в ФРГ колеблется от одной до пяти тысяч марок. Их выпускают известная западногерманская фирма «Фаншверкбау» и английская «Барнет»...

Около десяти лет назад в Швеции была создана международная федерация стрельбы из арбалета (ИАЮ). В прошлом году в Швеции прошел уже четвертый чемпионат мира, а нынче впервые состоялся чемпионат Европы. По предложению ИАЮ этот вид, возможно, будет включен в показательные выступления на Олимпиаде-92.

У нас в стране нет ни федерации арбалетчиков, ни даже секции при Федерации стрельбы из лука. Нет профессиональных тренеров, нет предприятий, которые выпускали бы арбалеты. Чуть лучше обстоит дело в Прибалтике — в Эстонии проходит в этом году уже двенадцатый чемпионат республики. Именно там два года назад увидел арбалет и Виктор Николаевич Лапин...

В свое время он был кандидатом в мастера спорта по стрельбе из пистолета, но из-за болезни пришлось бросить тренировки. Перешел на лук, и вновь не повезло: обнаружилось хроническое растяжение суставов. Арбалет оказался для Лапина просто находкой: он гармонично соединил оба вида спорта. Первый арбалет

привез Виктор Николаевич из Эстонии полтора года назад. Теперь их в арсенале спортивного клуба «Стрела-84», где работает Лапин, семь...

В крохотной, полутемной комнатке, в подвале дома, идущего на снос, собираются после работы Виктор Николаевич и три его главных помощника — Михаил Маркин, Николай Касперов и Владимир Михайлов. С помощью обыкновенного молотка, тисков и дрели они довольно точно собирают арбалеты и уже второй год подряд выступают с ними на соревнованиях. Правда, все участники этих полуофициальных чемпионатов, что проходят в Прибалтике, выступают с арбалетами-«самопалами».

Много раз Лапин обращался в спортивный клуб Московского городского совета ДФСО профсоюзов с ходатайством о создании всесоюзной федерации. И всегда получал отказ: дескать, экзотика, опасное оружие, не массовый вид спорта. Нет смысла его развивать, тем более что он не включен в программу Олимпийских игр, и так далее... И вообще, арбалет — анахронизм. Но если следовать этой логике, зачем нам нужно пришедшее из средних веков фехтование, эллинское метание диска или копья? К чему устраивать марафонские забеги, когда развит автотранспорт? Да и Олимпийские игры еще недавно были анахронизмом. Ведь не прошло и ста лет с тех пор, как они были возрождены благодаря стараниям Пьера де Кубертена. Возможно, когда-нибудь будут восстановлены в правах все двадцать четыре вида спорта, в которых состязались древние эллины: гонки на боевых колесницах, бег с оружием, состязание герольдов и трубачей...

Хочется верить, что рано или поздно и советские арбалетчики войдут во всемирное товарищество стрелков из старинного оружия.

Петр ХМЕЛИНСКИЙ

В детстве, читая военную книгу, я с недоумением наткнулся на дату под одним из рассказов: «1939, осень». Рассказ начинался словами: «Недавно одна наша воинская часть вела бой с врагом». Далее описывались подвиги. Было непонятно, с каким врагом дралась «наша часть», когда гражданская война давным-давно кончилась, а Отечественная еще не начиналась? В тот раз я так и не нашел ответа.

ШАТАЮЩИЙСЯ МИР

«Великий освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию» был предан государственному полублавному всего лишь через два года после своего осуществления, а точнее с 22 июня 1941 года. Замалчивание военных событий 1939 года достигло цели: полную панораму той осени мы уже не восстановим.

Попытаемся восстановить хотя бы фрагменты.

Советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 года потряс всех. На противоположной стороне земного шара ушло в отставку правительство Японии — единственная в истории этой страны отставка из-за договора двух других стран. Тем временем быстро возрастала и без того уже предельная напряженность между Германией и Польшей. В последние дни лета большие группы слушателей Академии Генштаба Красной Армии были освобождены от занятий и направлены в Киевский и Белорусский особые военные округа, где, как им сказали, ожидалась «крупные маневры». 31 августа в Польше началась мобилизация. В тот же день в Москве открылась внеочередная сессия Верховного Совета. Первым делом был ратифицирован договор с Берлином: с большой речью по этому вопросу выступил Молотов. Он дал понять, что инициатором сближения СССР и Германии является сам товарищ Сталин: «Товарищ Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз. Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокационной работе наших врагов».

И больше ни единого слова о нашей былой антифашистской политике. «Близорукие» люди СССР были ошеломлены. А дальновидный Вячеслав Михайлович больше не вел не только «упрощенной», но и вообще никакой агитации против фюрера — до той самой минуты, когда ему пришлось сообщить советскому народу о неслыханном в истории вероломстве...

Из слов Молотова следовало, что «ненападение» не означает «нейтралитет», но нечто большее: «Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)»

Сформулировано осторожно. «Дружба между народами» — что ж тут такого? Но не пройдет и месяца, как формулировка станет смелее.

В той же речи есть и слова об английских и французских социалистах: «Если у этих господ имеется уже такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами, без Советского Союза. (Смех. Аплодисменты.)» То есть еще при подписании договора о ненападении Сталин и Молотов были готовы сложить руки «посмотреть», как рухнет тот самый второй фронт во Франции, отсутствие которого стоило нам потом столько крови и мук.

НЕНАПАДЕНИЕ

Климент Ворошилов: «...я хотел бы надеяться, что все сто процентов призывников теперь не будут иметь собственной семьи».

А у Верховного Совета безупречное чувство юмора. Ведь всем ясно, что вот-вот начнется большая война — пусть не для нас, пусть для кого-то другого. Огромные разрушения, жертвы, горе — все это стучится в дверь эпохи. Но жизнерадостный Верховный Совет не унывает. Вот выступает с речью Ворошилов. Первого сентября Первый Маршал говорит о всеобщей воинской обязанности: «До 1936 года в армию призывались лица в возрасте от 21 до 23 лет, многие призывники имели по двое, а некоторые ухитрились иметь и по трое детей (смех)... Законопроект

том призывной возраст, как я уже сказал, понижается до 18—19 лет. Подавляющая масса, я хотел бы надеяться, что все 100 процентов призывников теперь не будут иметь собственной семьи. (Смех.)»

Практически все эти призывники не будут иметь собственной семьи никогда. «Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел, нам досталась на долю нелегкая участь солдат», — напишет один из них — Семен Гудзенко, чудом уцелевший и умерший от ран в 1947 году.

А вот сообщение из Германии, отно-

сющееся к тем же примерно часам, когда Верховный Совет аплодировал Ворошилову: «Берлин, 1 сентября (ТАСС). Сегодня, в 10 часов утра, открылось заседание германского рейхстага. Перед собравшимися членами рейхстага с большой речью выступил Гитлер. В своей речи Гитлер заявил, что ввиду того, что Польша отклонила германские мирные предложения, больше не имеется путей для мирного разрешения германо-польских спорных вопросов. Гитлер отметил также, что вчера вечером польские регулярные части перешли германскую границу и что сего-

дня утром германские войска выступили против поляков.

Под шумные аплодисменты зала Гитлер подчеркнул, что вчера в Москве был ратифицирован советско-германский пакт и что одновременно германское правительство со своей стороны ратифицировало этот пакт... Гитлер заявил, что он может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим...»

События начались и увлекают за собой миллионы жизней, как в воронку. А фюрер убедительно обосновывает свое долгосрочную мирную политику по отношению к Советскому Союзу: «Германия и Россия боролись друг против друга в мировой войне, и обе оказались жертвами мировой войны. Это не случится во второй раз...» Но даже если Гитлер вынужден воевать — например с Польшей, — он ведет себя благородно: «Я не намерен вести войну против женщин и детей и дал поэтому приказ военном-воздушным силам ограничивать свои операции лишь бомбардировкой военных объектов. Если, однако, враг подумает, что это дает ему право прибегнуть к другим методам, то он получит такой ответ, который заставит его призадуматься».

С четвертого сентября в нашей стране началась кампания призыва в армию молодежи. Впервые призыв проводился на основании нового закона. В Белоруссии и на Украине призывали и военно-обязанных из запаса. Шесть военных округов приводились в боевую готовность. Простые люди, конечно, не могли быть осведомлены обо всем этом в полной мере, но предчувствие грозных событий висело в воздухе.

В пору листопада 1939 года война и мир норовили вытеснить друг друга из жизни страны с переменным успехом. Шестого сентября сияло солнце; во многих городах состоялись большие демонстрации — праздновался Международный юношеский день. В Киеве по Крещатику прошло 250 тысяч человек, многие — в национальных костюмах. Наверное, человека никогда не перестанет удивлять его же собственная способность пировать во время чумы, праздновать во время войны... Среди лозунгов ЦК ВЛКСМ к Международному юношескому дню был и такой: «Церковники и сектанты стремятся отравить сознание молодежи ядом религии. Дадим решительный отпор враждебной подрывной работе мракобесов! Шире развернем антирелигиозную пропаганду!» Религия названа ядом, то есть из «опиума для народа» уже превратилась в цианистый калий.

Отрастился на время от новорожденной мировой войны и вспомним о еще продолжающейся у нас мирной жизни. Девятого сентября в Москве в Колонном зале — собрание пропагандистов, посвященное первой годовщине выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)»; тем временем выходят одиннадцатое издание великой книги Иосифа Виссарионовича «Вопросы ленинизма» и новая книга Лаврентия Павловича Берии «Под великим знаменем Ленина — Сталина». На экраны страны вышел фильм «Гордость Родины» — о праздновании Дня Военно-Морского Флота двадцать четвертого июля.

Одиннадцатого сентября под холодным дождем, но при полных трибунах был сыгран финал Кубка СССР по футболу. «Спартак» (Москва) — «Сталинец» (Ленинград) 3:1. В том сезоне «Спартак» второй год подряд сделал дубль — до сих пор никем не повторенное в нашем футболе достижение.

В тех же числах заканчивается строительство Большого Ферганского канала. Исполняются все обязательные в таких случаях ритуалы поклонения Вожаку. В столице закончено строительство нового книгохранилища —

Библиотеки имени Ленина. Сегодня трудно поверить, что полвека назад это было самое высокое здание столицы — на полметра выше гостиницы «Москва». На улице Горького передвигают здание Моссовета (еще не надстроенное). Возле новенького Театра Красной Армии сносят дома — устраивают просторную площадь Коммуны. А в это время немецко-фашистские войска завоевывают территорию для Майданека и Освенцима...

СПОКОЙНЫЙ ГОЛОС

На землю, предназначенную под лагерь смерти, вступали будущие хозяева этих лагерей. А мы еще жили прежней жизнью, которая скоро покажется утерянным раем. Как написал тогда поэт Сергей Алымов:

*Был час обычный, час дневной,
Сентябрьский ветер листья мчал,
Вдруг громче грома над страной
Спокойный голос прозвучал...*

Спокойный голос принадлежал Молотову. Он обратился к народу, как кондуктор в трамвае: «Граждане и граждане!» Почти двадцатилетний мир закончился. На дворе — исторический день 17 сентября 1939 года. Молодежь, не заставшая предыдущей войны, взрослевшая под могучим пропагандистским прессом, восприняла случившееся возбужденно: вот оно! Началось! Реакция старших поколений была, конечно, иной. А сами участники событий были заняты делом.

«В ночь на 17 сентября я находился на НП 6-й армии. — писал будущий начальник нашего Генштаба С. М. Штеменко. — Здесь, как обычно на пороге больших событий, воцарилась деловая напряженность. Поминутно звонили телефоны, один за другим появлялись и исчезали связные из дивизий. И все-таки казалось, что время тянется невыразимо медленно. Наконец обусловленный приказом срок перехода границы настал. Ровно в 5 часов была подана команда, и войска пошли...» А вот свидетельство Евг. Долматовского: «Польские стражицы (погранзаставы. — П. Х.) были окружены нашими бойцами. Офицеры стражицы Загачье отчаянно сопротивлялись. Застрочил их пулемет, но вскоре смолк: его заставили замолчать советские гранаты».

Замечательно, что с польской стороны участвуют в бою лишь офицеры. А что поделывают в эту минуту польские солдаты? Впрочем, роли всех граждан Польши четко расписаны: офицеры немножко сопротивляются и гибнут; паны бегут; украинцы, белорусы, а также евреи плачут от счастья; простые поляки ошеломленно взирают на боевую технику Красной Армии. Забыты, правда, польские немцы.

«Нас радостно встречают жители деревень и местечек. — продолжает между тем Долматовский. — Старый еврей-сапожник выходит из своей крохотной, покосившейся мастерской.

— Покажите мне командира-еврея, — говорит он. — Я слышал, что у вас есть еврей-командиры, еврей-комиссары.

— Есть, есть, — отвечает ему лейтенант с узким разрезом глаз. — Я — туркмен, а вот товарищ майор — еврей». Правдиво и рифмованно излагают события поэты — комсомольцы Литинститута И. Бауков, Б. Заходер, А. Колштейн, М. Луконин, Л. Ошанин, С. Смирнов, А. Яшин; видимо, единственный в истории литературы случай, когда одно стихотворение написал «поэтический колхоз» — семь поэтов вместе:

*...Все обиды, всю неправду,
Как бурьян, скосила
Нашей Армии Червонной
Молодая сила.*

*...Старики роняли слезы,
Подолгу глядели
На портрет вождя народов
В походной шинели...*

Трогательна эта походная шинель на плечах человека, который уже лет пятнадцать совершает походы только из Кремля на курорт и обратно.

Но вернемся к речи Молотова по радио, ведь она прозвучала через несколько часов уже после начала военных действий. Одним из главных мотивов нашего решения упоминалось угнетение в Польше национальных меньшинств (украинцев и белорусов), это прозвучало как неясное выражение солидарности с Гитлером, также обвинявшим Польшу именно в этом грехе (но по отношению к немцам). До открытой демонстрации солидарности с Гитлером оставались одни сутки.

Во время речи Молотова на улицах собирались толпы у радиорупоров. Вот как восемнадцатого сентября 1939 года «Комсомольская правда» описывала реакцию людей в Киеве:

«...Народ в единодушном порыве бурно аплодирует. Раздаются возгласы: — Мудрое сталинское решение! — Освободим наших братьев! — Хай живе могучня радянська держава!»

Прохожий тов. Модылевский высказывает при этом оригинальную идею: «Еще теснее сплотимся вокруг нашей партии и великого Сталина».

В тот же день в 15.10 фашистские самолеты разбомбили над окруженной Варшавой миллионы листовок: «К населению Варшавы. Ваше правительство сделало город районом битвы, лишив его характера открытого города. Ваше военное руководство не только обстреляло город тяжелой артиллерией, но также призвало вас строить на каждой улице баррикады и оказывать германским войскам сильнейшее сопротивление. Требованием от гражданского населения с оружием в руках оказывать сопротивление германским войскам и вести партизанскую войну ваше правительство нарушило международное право...»

Наши газеты перепечатали текст этой длинной листовки без сокращений и комментариев. Зато, когда через неделю Варшава подверглась массовой бомбардировке и в лишенном воды городе начались пожары, об этом не сообщалось ничего.

Семнадцатого сентября по всей нашей стране идут митинги — на заводах в обеденный перерыв, в только что начавших занятия вузах и школах. В Москве, на ВСХВ, на площади Колхозов, собрался сорок тысяч человек. К концу дня руководитель украинской Компартии Никита Сергеевич Хрущев пересекает границу (теперь уже — бывшую границу) и посещает Подволочисск и селение Каменку, «где был радушно встречен ликующим народом». А в Варшаве в это время сражается с фашистами только что освобожденный из польской тюрьмы деятель Компартии Западной Украины Павел Марищук. На днях он погибнет.

И как раз в этот день в Ереване проходит пленум Союза писателей, посвященный армянскому эпосу «Давид Сасунский». Нашу всемирную уникальность подчеркивает писательница А. Адалис: «Мы — граждане единственной в мире страны, чья армия может переступить границу, неся на своих знаменах мир». Но чтобы читатели не восприняли славное слово «мир» чересчур буквально, ей приходится сделать оговорку: «Если же кто-либо вздумает помешать благородному делу этой братской помощи — страшный и сокрушительный отпор даст Красная Армия».

Желающие помешать братской помощи действительно нашлись, и страшный отпор они действительно получили.

«История освобождения человечества вписала в свои анналы еще одну сияющую благородством и справедливостью страницу», — абсолютно верно замечает Павло Тычина. «Вот день, который запомнит история! — восклицает Вениамин Каверин, не догадываясь, что именно этот день история попытается забыть. — Запомните этот день — это будет величайший эпос, в котором выразится вся история нашего времени, весь смысл передовых идей человечества. В этот день история коснулась нас своим крылом, и мы, единоклубные в своем порыве, еще раз дружно поклонились отдать все свои силы, все способности великим идеям Ленина и Сталина». В тот же день покинувшее Варшаву польское правительство укрылось в Румынии.

РАСЦВЕТ ДРУЖБЫ

И был вечер, и было утро. День восемнадцатого сентября. Тоже исторический: это день германо-советского комюнике. «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей в разрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования».

Это было опубликовано на первых полосах «Правды» и «Известий».

В этом заявлении сказано **такое**, чего не было ни в августовском договоре о ненападении, ни в будущем сентябрьском о дружбе и границе. Советское правительство подписало: гитлеровцы в Польше лишь «восстанавливают порядок» и «помогают населению». Была ли в истории более открытая и беззащитная измена своим же идеям и лозунгам, мыслям и чувствам? В то же утро просияла благодарством и справедливостью фашистская официальная газета «Фелькшшер Беобахтер»: «Мы безгранично приветствуем решение Москвы». Берлинская «Монтаг» полностью перепечатала ноту Молотова, переданную польскому послу, и заявила, что Советский Союз из факта распада польского государства сделал вполне правомерные выводы.

Основные силы польской армии были окружены немецко-фашистскими войсками и уничтожались в западной части страны, между Бзурой и Вислой. После жестоких боев большая боевая группа под командованием генерала Кутжеба все-таки вырвалась к Варшаве. А в трехстах километрах к востоку происходило следующее, как писал один из очевидцев Кирилл Левин: «...Стоит столб с серпом и молотом, а в шести метрах от него — другой с польским орлом. Между столбами ров — он отделил один от другого два мира... И вот теперь ров засыпают. Колхозники привозят возами землю, и девушки в белых платьях, одетые, как на праздник, бросают лопатами землю. Работа увлекает их. Они смеются, движения их быстры и легки... Город Остог. По узким улицам идут без конца танки, орудия, автомобили. Жители смотрят потрясенные — они никогда не видели такой могущественной боевой техники... Вот он, волчий мир капитализма, вот она, проклятая жизнь под панским сапогом...»

ДАМИ ПРОТИВ РЕГИОНА?

ИТОГИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ПО ИСКУССТВУ («СМЕНА» №№ 6—8)

Имена авторов и названия работ, помещенных в первой анкете, полностью назвали только 11 читателей. Вот их имена: В. Степанова (Архангельск), Л. Фердина (Бийск), А. Смирнов (Чоп), И. Немировская (Севастополь), Н. Бойко (Омск), В. Олиник (Винница), В. Матюшин (Калининград, областной), Н. Александрова (Москва), Т. Кадьрова (Боруйск), И. Канюков (С. Белоев Пермской обл.), Ю. Марков (Норильск). Как мы и обещали, победителей ждут призы: книги по искусству и дипломы «Смены».

Что же касается работ, помещенных во второй и третьей анкетах, то, к сожалению, полностью и правильно наши респонденты ответить не смогли. Тех товарищей, которые правильно назвали 10—11 работ (анкета № 1—38 респондентов, анкета № 2—4, анкета № 3—32), также ждут памятные подарки.

Мы благодарим всех, кто принял участие в социологическом исследовании «Смены».

- 1 В. Яковлев «Серебряный сервиз» (10)
- 2 С. Спасский «Праздник» (6)
- 3 Э. Грабарь «Неприбранный стол» (4)
- 4 К. Петров-Водкин «Свеча и графин» (5)
- 5 А. Акопян «Фартук и яйца» (12)
- 6 А. Былинский «Натюрморт с яблоками» (3)
- 7 А. Матисс «Красные рыбки» (11)
- 8 Р. Фальк «Красная мебель» (8)
- 9 Д. Штеренберг «Натюрморт с лампой и селедкой» (2)
- 10 П. Пикассо «Натюрморт» (1)
- 11 В. Рождественский «Натюрморт» (9)
- 12 Н. Пиросмани «Натюрморт» (7)

ЗРИТЕЛЬСКИЕ ОЦЕНКИ

- 1 Ю. Анненков «Портрет фотографа-художника М. А. Шерлинга» (1)*
- 2 В. Бондарев «Алла Демидова» (9)
- 3 Л. Бакст «Ужин» (3)
- 4 А. Зернов «Портрет жены. О. К. Зернова» (4)
- 5 Н. Недбайло «Пастух Игнат» (2)
- 6 П. Митурич «Портрет композитора А. С. Лурье» (10)
- 7 К. Малевич «Работница» (5)
- 8 Т. Маврина «Портрет матери» (11)
- 9 А. Ситников «Шостакович. Золотой век» (12)
- 10 П. Кончаловский «Автопортрет» (8)
- 11 К. Малевич «Голова крестьянина» (7)
- 12 К. Малевич «Портрет композитора Матюшина» (6)

- 1 К. Петров-Водкин «Купание красного коня» (10)
- 2 С. Дали «Предчувствие гражданской войны» (9)
- 3 В. Попков «Северная часовня» (12)
- 4 Д. Жилинский «Альтист» (6)
- 5 А. Дейнека «Оборона Севастополя» (7)
- 6 Г. Коржев «Проводы» (4)
- 7 Т. Салахов «Женщины Апшерона» (3)
- 8 П. Филонов «Мужчина и женщина» (8)
- 9 П. Пикассо «Герника» (11)
- 10 М. Шагал «Я и деревня» (1)
- 11 А. Захаров «Виват, Берлин!» (2)
- 12 А. Лентулов «Купание» (5)

* Номера картин в журнале

Даниил ДОНДУРЕЙ

Нельзя сказать, что изобразительное искусство из самых популярных. Его восприятие — в особенности произведений нашего бурного, близящегося к закату столетия — всегда отличалось воинственной конфронтацией: искусство — не искусство, нравится — не нравится. Это касается и профессионалов, и знатоков. Что же говорить о широком зрителе, который тем более оказался в труднейшем положении.

Приходится сознавать, что к прошлым формам искусства, сколь бы ни казалось оно «настоящим», вернуться уже нельзя. Усложнение художественного языка необратимо. Одна из последних записей Делакруа: «Надо работать средствами, присущими эпохе, в которой вы живете, иначе вас не поймут, — и вам уж не жить». Вопрос в том: кто не поймет? Не ответив на него, мы вряд ли разберемся, почему интерес к современной живописи столь уступает по вниманию широкой публики созданиям предыдущего столетия. И почему интерес так резко падает при обращении к более отдаленным эпохам? Ведь широко воспроизводится, выставляется, пропагандируется искусство всех времен. Выяснить это можно только с помощью социологических исследований, которые, к сожалению нечасто проводятся в нашей стране и за рубежом. Суммируя их результаты, можно сказать, что «любимыми почти никогда не оказывались современные, еще не заслужившие признания художники, а только классики мирового искусства». Главным принципом оценки была не ее положительная или отрицательная направленность, а критерий «точное изображение природных форм и красок» или «искажение форм при изображении природы и людей». «Правдивость» — тот главный признак, который лежит в основе понимания и оценки искусства большинством зрителей.

Более того, они и различаются по наличию или отсутствию этого признака. С «правдивостью» связаны: оптимизм — «произведение заставляет радоваться», «любить жизнь», «краски создают сияющее настроение» и т. п.; положительные эмоции — отвергается «мрачность», «пессимизм», «темные», «серые» и «скучные» краски, и, наоборот, привлекает — «успокаивающее», «теплое», «знакомое», «светлое»; визуальная достоверность — «не умею видеть красное там, где должно быть синее».

Подобный тип понимания искусства испытывает просто шок, когда соприкасается с модернистским искусством XX века. Известный английский искусствовед Рескин однажды так высказался о новой картине Уистлера: «Банка краски, брошенная в лицо общественности».

Очень трудно перекинуть мост через пропасть, существующую между тем, что есть ценного в творчестве современных художников, и сложившимися вкусами миллионов людей. Когда в одном из исследований социологи предложили оценить массовой аудитории 220 произведений живописи XX века, то совершенно неожиданно лучшей была признана картина Милле «Вечерний звон», созданная... в 1859 году (она была включена в список в качестве контрольного образца «не-современного» искусства). Произведения, выполненные в старых реалистических традициях, остаются наиболее предпочтительными во всех опросах и, к слову сказать, во всех странах.

Задумывая социологическое исследование «Живопись: XX век» мы, не стремясь к фундаментальным обобщениям, хотели всего лишь прозондировать ситуацию сегодняшнего дня, почувствовать нынешнюю аудиторию. На-

Задумывая исследования, редакция, конечно, понимала, что оно, как говорят специалисты, «нерепрезентативно», — то есть мы не представляли ни читательскую аудиторию журнала, ни ту ее часть, которая интересуется современным изобразительным искусством. Понимали, что далеко не все знатоки, любители, а также равнодушные, невежды или те, кто, взглянув на наши репродукции, быть может, впервые задумался о своем отношении к живописи, захотят заполнить вовсе не простую анкету. Да еще возиться с ее отправкой в Москву. Ведь многие в принципе или по лености натуры не хотят тратить время на участие в социологических исследованиях и тем более писать письма. Так что в сущности своей выстреленный наугад, случайный почтовый опрос способен дать лишь приблизительную картину о незначительной части эстетически небезразличной аудитории. Поэтому мы так благодарны всем — без малого шести тысячам читателей «Смены», кто откликнулся на наши предложения.

Кто же эти люди? Социологи, проводящие эмпирические исследования, называют своих подопечных респондентами. Итак, наши респонденты в основном женщины — 75,8 процента (анкета № 1), 73,8 (анкета № 2) и 70,9 (анкета № 3). А если учесть, что более половины всей аудитории молодые люди в возрасте до 25 лет, то выходит: подавляющая часть участников исследования — девушки (причем каждой седьмой не исполнилось еще и шестнадцати). Пенсионеров, мы насчитали лишь одного-двух из каждых ста человек.

Треть наших респондентов живет в Москве, Ленинграде, городах-миллионерах, а половина — с населением до полумиллиона, и лишь 7 процентов — жители сельской местности.

По всем трем анкетам мы получили практически сходные данные.

деялись получить хотя бы слабый сигнал обратной связи, свидетельством неравнодушия наших читателей к изобразительному искусству нового времени. Мы пытались понять реальность действительного, не мнимого бытия искусства, его подчас странной и всегда непредсказуемой жизни.

Ответы показали, что читатели, к какой бы социальной группе они ни относились, в своих вкусах на удивление постоянны. Это значит, что такие факторы, как возраст, пол, место жительства (а по другим исследованиям — образование и профессия, если она не связана с художественным творчеством), существенной роли не играют и влияния на зрительские приоритеты не оказывают.

Опрос также подтвердил убеждение: широкая аудитория нелегко меняет свои привязанности. Она словно оставляет непоколебимым весьма распространенное суждение о неизбежности временного разрыва между рождением нового и его относительно всеобщим признанием. Этот разрыв обычно равняется жизни двух поколений; то есть примерно половине столетия. Но, право, не хочется верить, что современные художники должны прождать до 2040 года, чтобы быть понятыми. Хотя знаменитый «Черный квадрат» Малевича написан в 1915 году... А может быть, значение временной протяженности мы несколько переоцениваем? Так или иначе, несмотря на развитие средств информации, широкое распространение гуманитарного образования, мы едва ли можем надеяться на синхронность зрительского восприятия.

Казалось бы, ничего не меняется: новейшая живопись по-прежнему остается для большинства terra incognita. Но отношение, судя по письмам, ответам на анкету, к непонятому, незнакомому другое. Вместо агрессивности — терпимость к чужому мнению, к чуждым картинам, трезвость в собственной эстетической самооценке. «Безусловно, я не считаю себя знакомым живописи, особенно XX века», «Несмотря на то, что я ощущаю пробелы в художественном воспитании...» И лишь менее трети откликнувшихся на исследование не сомневаются в своей подготовленности к восприятию новой живописи.

Писем, в которых отсутствует тон высокомерного всезнайства, очень много. Объясняется это, вероятно, именно тем, что писали их люди, действительно ищущие свой путь к живописи. Что ж, это, как говорится, уже полдела.

Кроме того, большинство принявших участие в исследовании (как в ответах

на анкету, так и в письмах) способны объяснить то, что им нравится, а что нет, даже если познания в искусстве невелики. Они способны не только определить позицию, но и защитить ее, независимо от собственной подготовленности и даже от самой возможности адекватно передать свои эмоции в слове, в способе выражения их на бумаге.

Хотя вкусы опрашиваемых, понятное дело, весьма субъективны, удивительно единодушно читатели «Смены» не приняли портреты Малевича, натюрморт Пиромани, картины Шагала и Лентулова. И, наоборот, отдали пальму первенства Петрову-Водкину и Дали, Анненкову и Бондареву... Довольно низкие оценки получила такая знаменитость, как написанная в 1936 году «Герника» Пикассо, хотя в целом его творчество оценивается очень высоко.

На вопрос: назвать имена трех современных художников, творчество которых вам интересно, откликнулись 2445 человек. Было названо 692 художника, 552 из которых упоминаются один-два раза, 104 — не менее 10 раз, а 36 — двадцать и более раз. В этой «пирамиде популярности» абсолютным чемпионом оказался Сальватор Дали — 897 голосов. За ним следует Илья Глазунов — 653 голоса, Константин Васильев — 503, Александр Шиллов — 365, Пабло Пикассо — 150, Михаил Шемякин — 141, Юрий Ракша — 107, Павел Филонов — 75 голосов...

В силу каких причин испанский сюрреалист, великий мастер эпатижа стал властителем художественных дум советских людей (он избран каждым третьим участником опроса)? А, скажем, Пикассо — крупнейшая фигура столетия — настолько отстал от салонного портретиста Шилова, что разделил свое место с художником-эмигрантом, чье имя еще несколько месяцев назад было известно только в среде профессионалов.

Секрет прост. Все они любимые дети телевидения.

Персонам Глазунова и Шилова каждый год непременно посвящаются сюжеты во «Времени», специально подготовленные передачи, фильмы, демонстрируемые исключительно по первой программе и в самое дефицитное вечернее время.

Константин Васильев многократно был объектом теледебатов, где разоблачалась травля Союзом художников этого рано умершего мастера национально-былинной живописи. Тема отпора постоянным надругательствам над отечественными традициями (не только

так называемых авангардистов, но и руководства творческого союза — в современной ситуации чуть ли не дельцов от искусства) неукоснительно присутствует в высказываниях И. Глазунова и А. Шилова.

Но сегодня телевидение старается быть демократичным. Как-то среди главных новостей дня показали сюжет, в котором изгнанный из СССР, а ныне прилетевший из Америки Михаил Шемякин давал интервью журналистам в старом облезлом ватнике, в котором он в 1971 году покинул родное отечество. Демонстрации такого рода, конечно, беспринципно настраивают, психологически «заводят» публику. И оказываются рядом почти равно любимы Глазунов с Шемякиным.

Кроме того, почти все упомянутые «звезды» имели в последнее время гигантские персональные выставки в Москве. А очень большие выставки бывают, как мы знаем, у очень больших художников. Этому, разумеется, посвящены и очень большие телепередачи. Посмотришь одну и... попался. Выдающееся значение очередного телегероя незаметно для внушаемого входит в его подсознание, готовя почву для любви. Обычно «всей душой».

Отсюда, между прочим, и на первый взгляд парадоксальная для советских зрителей приверженность к творчеству Дали, спровоцированная, однако, социально-художественными токами текущего момента. Конечно, беспрецедентный интерес к Дали вызван первой за долгие годы выдающегося художника выставкой в нашей стране. Но еще и тягой к реалистической фантастике: загадочных НЛО, опытов Чумака, не-преодолимой моды на экстрасенсов. А также стремлением осознать абсурдность советской действительности с помощью абсурдистской поэтики. (Смотри среди прочего фильмы «Фонтан», «Город Зеро», специфическую программу рок-групп «Звуки Му», «Бригада С».)

Наконец, долгие десятилетия Дали был, быть может, самым знаменитым у нас примером деградации и разложения буржуазного общества и его культуры. Вот вам сегодняшний ответ на ту идеологическую работу.

В 1978 году, в честь столетия тому назад, в Калуге был проведен аналогичный эксперимент. Правда, то были не ответы случайных, в общем, людей, заполнивших анкеты нашего журнала (известно, кто отозвался), а полноценный, методически выверенный опрос 1027 специально отобранных представителей практически всех групп и подгрупп трехсоттысячного городского населения. Людей с разным образованием и достатком, пенсионеров, живущих в собственных домах с внуками и в коммунальных отдельно от детей, начальников и молодых специалистов, отцов семейств и холостяков попросили среди прочего назвать имя любимого художника. С этим заданием справились... 413 человек.

Были названы шестьдесят два художника, пятнадцать из которых упоминались более десяти раз. На шестом месте по популярности — Васнецов — 41 голос, на пятом — Суриков — 45 голосов, на четвертом — Левитан — 73, еще выше Айвазовский — 75, далее Шишкин — 84 и, наконец, художник, чье имя присутствовало без малого в каждом третьем ответе — 127 голосов — Илья Ефимович Репин. (В нынешнем исследовании Репин занимает 33-е место, а другой знаменитый передвижник Шишкин замыкает лидирующую группу на 36-м.) Это еще раз подтверждает, что одиннадцать лет назад ценности и приоритеты в живописи мы получали из репродукций «Родной речи» и «Огонька», а теперь из электронного ящика в углу комнаты.

Что за всем этим стоит, на чем основан, к какой энергии подключается ме-

О высоком уровне культурных предпочтений (в данном случае неважно — реальных или демонстрируемых) говорит и выявленная в исследовании структура досуга наших респондентов:

на первом месте — посидеть с книгой;

на втором — пойти на выставку современного искусства;

на третьем — пойти в кинотеатр;

на четвертом — пойти в театр;

на пятом — пойти в художественный музей;

на шестом — пойти на концерт рок-музыки;

на седьмом — пойти в парк;

на восьмом — остаться у телевизора;

на девятом — пойти на концерт классической музыки;

на десятом — пойти в дискотеку;

на одиннадцатом — пойти в цирк;

на двенадцатом — пойти в клуб.

Очень высок интерес к изобразительному искусству — второе место (в опросах всей структуры населения — постоянно на последнем). Художественные музеи и картинные галереи регулярно посещают в течение одного или нескольких месяцев 50,1 процента всех респондентов (анкета № 1), 36,4 (анкета № 2) и 37,4 (анкета № 3). Частично это объясняется тем, что половина тех, кто прислал ответы, живет в больших и очень больших городах. Тех же, кто не был в музеях и на выставках десять лет и больше или вообще никогда, — 9,4 процента (анкета № 1), 11,8 (анкета № 2) и 18,7 (анкета № 3).

На вопрос: «Возникло ли у вас желание приобрести современные произведения искусства?» — ответы распределились следующим образом:

— каждый десятый не задумывался об этом;

— лишь восемь из без малого тысячи человек не знали, что это возможно;

— 15,8 процента согласны с утверждением «то, что я бы купил, должно висеть в музее»;

— каждый пятый не знал, сколько может стоить понравившееся произведение и есть ли у него возможность уплатить за него;

— девять человек из каждых ста утверждали, что им редко что нравится;

— столько же (9 процентов) были согласны с утверждением «есть много произведений, которые я бы купил непременно, но не знаю, как это сделать»;

— почти половина аудитории уверена, что на приобретение произведений искусства не хватает денег.

ханизм восприятия? Уверен: независимо от достоинств картины, независимо от личности зрителя, независимо от того, понравилась она или нет, общение с искусством всегда есть «проигрывание» системы ожиданий и представлений человека. Нет и психологической тайны в существовании прямой зависимости между тем, что человеку нравится, и тем, что ему хорошо знакомо.

В искусстве мы склонны проникать в новое через опознание в нем «давню знакомого», «старого», подробно фиксируя замеченные отличия. Так поступают дети, перечитывающие знакомые им наизусть сказки. Общение со знакомым обычно вызывает положительные эмоции, а впервые увиденное полотно оценивается некоторыми зрителями высоко именно потому, что воспроизводит манеру, стиль изобразительного языка, ставшего уже классическим.

Парадокс, однако, в том, что, включая зрителя в поле своего магического излучения, произведение, в свою очередь, раскрывает духовные потенциалы личности: не только мы воспринимаем его, но и оно в определенном смысле как бы всматривается в нас, вовлекая в область своей активности. Ведь мир произведения оживает лишь в атмосфере культурного опыта зрителя, его готовности реагировать так, а не иначе. И если этот опыт небогат или имеет значительные изъяны, то возникают ситуации, когда посредственное произведение может показаться выдающимся, и, наоборот, значительное лишается своей прелести, предстает как рядовое или вовсе не воспринимается. В этом и состоит трагический путь революционного искусства XX века.

Ведь самую негативную реакцию вызывают произведения, которые оказываются недоступны пониманию зрителя. Это не искусство, защищается он. «В первую очередь портрет должен быть узнаваем. Он может быть шаржирован, как у Модильяни, вымучен, как у Серова, лубочен, как у Глазунова, но узнаваем. Поэтому я против Пикассо и его последователей» (без подписи).

Они многое позволяют художнику, но обычно считают себя оскорбленными, если автору безразлично, поймут ли его простые смертные. Особенно, если такая позиция намеренно декларируется. «Искусствоведам нетрудно описать лю-

бую картину в любом свете, но ведь искусство создается не для искусствоведов, а для нас, для обычных людей» (Марина, 18 лет, Свердловск).

Срабатывает убежденность, что хорошая живопись не может быть непонятной человеку любых интеллектуальных и эмоциональных возможностей, любой степени подготовленности к общению с искусством. И если контакт не состоялся, то зритель этого типа уверен, что он столкнулся либо с эстетикой распада, с лагунным и для самого творца, и для общества «развеществлением» предметов и природы, с «заумью» и прочими свидетельствами поразительного бегства от жизни. Либо ему кажется, что своими намеренными деформациями художники просто испытывают крепость нервов тех, кому они адресуют свои вещи, «спят глаза» и «мутят мозги» публике.

Отношения художника с таким зрителем очень точно описал наш замечательный искусствовед А. Эфрос на примере творчества Аристарха Лентулова. (Так что, видимо, не случайно его картина «Купание» заняла последнее место в иерархии предпочтений читателей «Смены».) «Он писал много, выставлялся охотно, работал всюду; но все, что он производил так задорно, смешливо, шумно, живописно, так похотывал и погрохатывало, что зритель ежилась. Он держал ухо востро. Он подозревал, что все это делается нарочно. У него складывалось убеждение, что Лентулов, в сущности, показывает ему язык и хочет оставить его в дураках. Зритель оборонялся. Он пустил в оборот утверждение, что Лентулов — несерьезный художник; искусство для него не дело совести, а дурачество; он и к себе самому относится не лучше; он шуткует с собой, как с другими».

Эстетическая глухота выдвигает главным критерием сравнение «как в жизни» или, что, в сущности, то же самое, «не так, как в жизни». «Остановлюсь на худшей, с моей точки зрения, картине Салахова «Женщины Апшерона». Женщины там смотрят в разные стороны. Стоят как истуканы и молчат. Я считаю такую картину оскорблением для тружениц Азербайджана — веселых, подвижных и интеллектуальных. На картине какие-то мумии» (А. Саясырский, слесарь из Ферганы).

Так уничтожается наиглавнейшая грань между реальностью художественной и обыкновенной — эмпирической. «Действительность» произведения сливается с действительной жизнью, а своеобразие и таинство искусства в этом случае гасится, растворяясь в общем хоре привлекательных для каждого зрителя сюжетов.

В результате происходит катастрофическая подмена всего сложного процесса понимания искусства и пренебрежение самой возможностью проникнуть в беспредельность его смыслов.

Проблема еще и в том, что изобразительное искусство, безусловно, уступает в возможности эффективно компенсировать недостающий человеку жизненный опыт не только кино, телевидению, но и литературе. Многие наши респонденты признаются, что ждут от искусства «потрясения» или «глубокого волнения». «Если художественное произведение не вызывает интенсивных переживаний, то зачем его тогда смотреть?»

Но в какую-то секунду закрадывается сомнение. Конечно, многое трудно уразуметь, но трудно и с этим непонятым не считаться — какая-то таинная робость возникает в зрителе: черт их, этих «модернистов», знает, может быть, в самом деле...

Зрители, как известно, не рождаются искусственными в «измах» XX века, не начинают «вдруг» собирать книги по искусству, не пропускают ни одной мало-мальски приметной выставки. К современным творениям они приходят действительно из детства (могут и не прийти). И от того, как сложится начало этого многотрудного пути, от первых впечатлений во многом зависят их будущие взаимоотношения с искусством.

Выяснено: регулярно посещают музеи и выставки люди, впервые пришедшие туда до восьми лет. Беседам о сорока веках истории живописи наша скупая на «ненужные» знания школьная программа отводит целых шестнадцать из девяти тысяч своих уроков. Добавь к этому, что первым, укореняющимся в сознании впечатлениям школа придает характер пособия по отношению к чему-то другому — истории, литературе, обществоведению, даже физической картине мира. Так прикладное, вспомогательное, иллюстративное значение искусства выходит на первый план. «Духовный астигматизм» называл такой подход студент из Донецка.

Да и само по себе принудительное рисование «с натуры» на уроках почти никак не связано с формированием художественной устремленности детей, требовательности вкуса, способности ориентироваться в непросто мире различных изобразительных языков. Но вот с шестым классом уроки рисования кончаются, и затем уж никто и ничто не стимулирует последующее (или все-таки изначальное?) становление молодых людей в сфере пластических ценностей. «Неприкосновенный» запас причитающихся каждому школьнику сведений об изящных искусствах исчерпан. Посему его художественное развитие зачастую вдруг (!) резко замедляется, а по некоторым характеристикам и вовсе останавливается.

Возникающее расхождение мнений художников и искусствоведов о современном искусстве с оценками зрителей читатели объясняют следующим образом (мотивы даны по степени значимости):

1) зрители недостаточно эстетически подготовлены — 42 процента (анкета № 1), 36 (анкета № 2), 34,7 (анкета № 3);

2) зрители большей частью судят по законам классического искусства, а художники постоянно стремятся выдвигать новые критерии — 39,9 процента (анкета № 1), 32,2 (анкета № 2), 31,9 (анкета № 3);

3) зрители больше интересуются сюжетом произведений, а художники и искусствоведы — образным языком: 24,5 процента (анкета № 1), 20,2 (анкета № 2), 19,9 (анкета № 3);

4) истинное искусство понятно всем — 19,6 процента (анкета № 1), 21,4 (анкета № 2), 21 (анкета № 3);

5) искусство во все времена опережало ожидания публики — 13,3 процента (анкета № 1), 10,5 (анкета № 2), 11,3 (анкета № 3);

6) в нашем веке художники утратили необходимые для подлинного искусства реализм, пространственную глубину и четкость очертаний — 11,1 процента (анкета № 1), 12,8 (анкета № 2), 11,3 (анкета № 3).

По данным социологов (правда, конца семидесятых, но с тех пор мало что изменилось), ученик, живущий в большом и очень большом городе, за десять лет пребывания в школе посещал выставку современного искусства в среднем один-два раза, а художественный музей — примерно раз в два года (для сравнения скажем, кино — в 150 раз чаще, а у телевизора — в годовом исчислении — просиживал больше, чем за это же время находился в школе).

Изобразительное искусство приходит сегодня к нам гигантскими тиражами альбомов и репродукций, познавательных передач и популярных фильмов. Настоящими сокровищами переполнены практически любой городской, а не только столичный музей. Художественная жизнь стала несравненно интенсивней. Но уж очень часто не включенные в этот мир, а посему не способные хоть как-то переживать и затем нуждаться в увиденном проходим мы отчужденно мимо всех этих богатств. Да и редкие, по случаю, соприкосновения с ними оказываются эфемерными.

Ситуация обостряется еще и тем, что нынешние городские школьники превосходят, по мнению экспертов-искусствоведов, не только собственных родителей, но также и своих учителей как по качеству предпочтений, так и по уровню подготовленности к восприятию современных мастеров. По данным исследования десятилетней давности, на самый элементарный вопрос о любом художнике или скульпторе не смогли ответить 47 процентов учащихся, живущих в малом городе и селе, 44 — в крупном. Среди родителей на этот вопрос не ответили более 61 процента.

Итак, одни зрители, с той или иной степенью приближенности, расшифровывают «код» произведения, заданный спецификой данного вида искусства, другие — демонстрируют такой тип восприятия, который не позволяет вступить в диалог с автором. И если первые пытаются разобраться в поэтике и стилистике художника, то другие удовлетворяются элементарным — тождеством воспроизведения видимой реальности — и безразличны к ее потаенным смыслам.

Между тем искусство не просто отображает мир «с мертвенной автоматичностью зеркала» — оно превращает его знаки в образы, из которых и складывается «вторая реальность» — художественное изображение действительности. Если бы зритель не отличал искусства от жизни и, радуясь или обливаясь слезами, забывал, что перед ним вымысел, он не переживал бы художественных эмоций.

Когда мы узнаем о каком-то событии, то обращаем внимание на то, что видим или слышим, а не на то, как это делается (язык сообщения нас в этом случае не интересует). Иначе строится восприятие художественного произведения. Тут зритель получает информацию не только из самого сообщения, но и — хочет он этого или нет — из языка, на котором с ним беседует искусство. В нашем случае живописи.

В связи с этим в письмах наших читателей возникает драматичное, поистине теоретические дискуссии. «Алхимики живописи Малевич и Кандинский

НЕНАПАДЕНИЕ

Окончание. Начало на 14-й стр.

Ближе к фронту движение становится оживленнее... Чаще попадают эшелоны пленных. Последний эшелон захвачен тут недалеко прямо в вагонах. На солдатах еще скатки и походные котелки. Они весело переговариваются со своими конвоирами, смеются...

Да здравствует великий, нерушимый союз конвоируемых и конвоиров!

А тысячи польских солдат и офицеров уходят в Литву, Венгрию, Румынию. А фашисты добивают окруженные войска и гарнизоны. А бодрые митинги в Москве и Ленинграде, в Минске и Киеве не кончаются. А грунт Куропат и Катаны еще примет тех, кто пока жив А в Берлине...

«Берлин, 19 сентября. (ТАСС). Германское население единодушно приветствует решение советского правительства... Берлин в эти дни принял особенно оживленный вид. На улицах около витрин и специальных щитов, где вывешены карты Польши, весь день толпятся люди. Они оживленно обсуждают успешные операции Красной Армии. Продвижение частей Красной Армии обозначается на карте красными советскими флажками».

Двадцатого сентября в Западную Украину и Западную Белоруссию выехали советские артисты — давать концерты. Война была очень короткой, операции, едва начавшись, уже подошли к концу. С легким злорадством описывает картину разгрома Виктор Шкловский.

«Польская армия оставляет после себя разнокалиберные остатки. Польская буржуазия бежала сперва с запада на восток, потом с востока на юг».

Они бежали на «шевроле», «бюиках», польских «фиатах», «татрах», восьмицилиндровых «фордах», «мерседесах».

Бежали обозами. Бензина не было...

«Польша воевать не могла. Она могла только хорохориться».

У польских помещиков и капиталистов сперва бензин на автомобили был...

Разнокалиберные машины бежали, пока хватало горючего, бежали и оставались в пути, и все дороги заставлены разнокалиберными машинами.

На дороге, в поле и в канаве — везде автомобили...

Надо же, даже «с запада на восток» (то есть от фашистов) бежит только буржуазия! Но если картины паники помещиков и капиталистов, а также сценки радостных встреч местных жителей и Красной Армии находили свое место на страницах нашей прессы, то о происходящем в оккупированных Германии районах советскому человеку узнать было неоткуда. Царило тактичное молчание. Зато — с не меньшей корректностью — наш народ оповещали о речах Гитлера. Двадцатого сентября фюрер выступил по радио в Данциге (ныне — Гданьск): «Судьба, постигшая этот город и область, была судьбой всей Германии. Мировая война — самая бесмысленная война в истории — превратила эту область и этот город в свои жертвы».

Далее борец за смысл и справедливость заговорил о Версальском договоре: «Тогдашние поджигатели войны разочаровались. Они при помощи Версальского договора не решили ни одной проблемы, зато создали много новых. Самое тяжелое в судьбе народов — бессмыслица, с которой тогда перекаивался мир».

Это говорит Адольф Гитлер. Хотя его уже трудно отличить от Молотова.

Этот противник насилия, как и все прогрессивное человечество, не упускает случая выразить свою солидарность с Москвой: «Россия оказалась

вынужденной со своей стороны ввести свои войска для защиты украинского и белорусского населения Польши. В Англии и Франции считают преступлением сотрудничество Германии и России... Уроки 4 лет войны достаточны для обоих государств и народов. Мы намерены представлять и защищать свои собственные интересы и наши, что лучше всего двум самым крупным государствам и народам Европы договориться о соглашениях... Если вы полагаете, — заявил Гитлер, обращаясь к Англии, — что мы при этом вступим в конфликт, то вы ошибаетесь, так как намерения Германии очень ограничены».

Красная Армия тем временем встретила сильное сопротивление под Гродно, где скопились многочисленные польские части, отступавшие с разных направлений. В некоторых районах фашистские войска отходили на запад, уступая территорию нашим. Двадцать второго сентября без особых затруднений было согласовано германо-советское коммюнике о демаркационной линии между армиями. В тот же день во Львове, всего лишь пятью сутками ранее окруженном фашистами, «сотни трудящихся с большим интересом, — писала «Комсомолка», — смотрели советский кинофильм «Ленин в 1918 году». При появлении на экране Ленина и Сталина зрители бурно аплодировали, раздавались возгласы в честь Советского правительства, в честь товарища Сталина». На следующий день была установлена телефонная и телеграфная связь между Львовом и городами СССР: Жители Львова, Луцка, Пинска, Белостока охотятся за советскими газетами, спрашивают бойцов и командиров о жизни в Советском Союзе.

ФИНАЛ

Двадцать шестого сентября наши газеты опубликовали большое сообщение «Германское командование об итогах войны в Польше». На следующий день в Москву прибыл Риббентроп. Двадцать восьмого, когда еще догорали очаги открытого сопротивления фашизму в Варшаве и на Балтике, был подписан советско-германский договор о дружбе и границе. Кроме договора, появился на свет еще один документ, расширивший пропасть между СССР и его будущими союзниками по борьбе с фашизмом: «Заявление советского и германского правительства. После того, как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникающие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией, Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направляют свои общие усилия... чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться о необходимых мерах».

Когда я в Библиотеке имени Ленина впервые взял в руки номер «Правды» от 29 сентября 1939 года, обнаружилось, что договор с Германией, а также все, относящееся к визиту Риббентропа в Москву, аккуратно вырезано из газеты, и большая часть первой полосы заклеена белой бумагой. То ли наше бдительное Министерство Правды за прошедшие полвека нашло время позаботиться об идеологической чистоте потомков, то ли какой-то любознательный читатель пополнил свою коллекцию вырезок...

Ну, а Риббентроп, навсегда покидая нашу страну, заявил сотруднику ТАСС: «...Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия

и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это». Атмосферу прошедших в Москве переговоров он оценил как «дружественную и великодушную».

Вплоть до июня 1941 года по Москве ходили «достоверные» слухи о том, будто Сталин и Гитлер скоро объединят Германию и СССР в одно государство: они там в Берлине тоже социалисты, пусть и с приставкой «национал»...

Итак, все кончено. В школах Западной Украины и Западной Белоруссии возобновляются занятия. Налаживается работа предприятий. Войска устраиваются в казармах. Жизнь продолжается — для тех, кто выжил. Развеселой частушкой ставит точку на происшедшем Лебедев-Кумач:

*Панской Польши нету больше,
Хитрой ведьмы нет в живых,
Не захватит в лапы Польша
Наших братьев трудовых!*

...У истории нет никаких вариантов, никаких «если бы» — эта мысль то и дело провозглашается на страницах газет и журналов. Это обыкновенная неправда. Варианты у истории есть!

Да, минувшее нельзя переделать, переиграть. Что было, то было, это бесспорно. Но минувшее было когда-то будущим, и вступавшие в это будущее люди еще не знали тогда, чем оно обернется, каким окажется. Так и мы сегодня гадаем о близких и дальних перспективах. Невозможно понять мысли и поведение людей будущего, не поняв, какие варианты будущего (ставшего теперь прошлым) они могли предвидеть.

Важно учитывать и те варианты развития событий, которые наши предшественники, быть может, проглядели. И не надо путать прошлое, которое изменить невозможно, с установившимися представлениями о прошлом.

По моему мнению, миф о «безвариантности» истории пускают в ход тогда, когда боятся вступить в открытую полемику с оппонентами о вариантах и версиях.

В связи с 50-летием событий 1939 года в нашей прессе появилось много интереснейших публикации. Одна из наиболее важных и авторитетных — «круглый стол» в «Правде» одиннадцатого августа. Похоже, наши ученые не намерены выходить из глухой обороны. Сидеть за непробиваемой стеной утверждений о безвариантности — применительно к договору о ненападении 23 августа 1939 года — вполне их устраивает.

Судите сами.
«У нас не было другой перспективы, другого выбора» (В. Сиполс). «Советскому Союзу не оставлено было иной возможности» (Б. Аверченко, ведущий «круглого стола»). «Для Советского Союза не было другой альтернативы тому решению, которое он принял» (Л. Безыменский). «Это был вынужденный акт» (А. Орлов). Ни один из девяти участников «круглого стола» не возражал против таких формулировок!

Однако эти утверждения унизили для Советского Союза. Любое свободное государство — пока оно действительно свободно — имеет целый спектр различных возможностей. Более широкий или более узкий, но все-таки какой-то простор для выбора. «Не было оставлено иной возможности» фашистской Германии 9 мая 1945 года. Утверждать, что договор о ненападении был единственной возможностью для СССР, — значит приравнять нашу Родину к загнанной в угол, побежденной стране: сам же договор при этом становится актом о капитуляции. Это и оскорбительно для нас, и попросту неверно.

Может, и у наших историков «нет другой перспективы», кроме как до бесконечности защищать унижающий нас тезис? Уверен, более достойная перспектива есть. Но это уже тема для особого разговора

произведений искусства не создают, а просто развивают свои представления о цвете, линии, перспективе, свои способности различения сотен оттенков одного и того же цвета... Это творчество ценно, эстетично, оно нужно для обучения-тренажа молодых художников, но это не живопись, это профессиональные экзерсисы, имеющие значение для постановки кисти, глаза, но это еще не произведения искусства... Малевич и Кандинский раскрепостили зрение художников, обогатили понятие о красоте, способствовали сюрреалистическому восприятию действительности, открыли новые измерения — золотой век в изобразительном искусстве и культуре зрительского восприятия... — пишет Ю. Федьков (село Коробкино Курской области). Многие же, судя по их реакциям, невольно присоединяются к давним словам Абрама Эфроса: «Конечно, есть законная область экспериментаторства, лаборатория мастерства, опыты форм и пробы материалов. Но это область ремесла, а не творчества. Когда же кухня профессионала утверждает себя целью и нормой искусства, надо крепче запереть двери, чтобы в искусство не тянуло чадом».

Путь к постижению сложного языка искусства, как известно, личное дело каждого.

Давно замечено: в своих суждениях об искусстве человек часто руководствуется не столько своими представлениями и эмоциями, сколько общепринятыми стандартами «хорошего вкуса».

Чтобы взглянуть как можно лучше в общем ли разговоре, в ответах ли уважаемому лицу, в случае необходимости пускается в ход заведомо безошибочный набор великих имен. При этом отношение к ним не имеет ни малейшего значения. Заимствовал «правильные» взгляды, такой зритель при нынешней жизненной суете экономит энергию собственной души, к сожалению.

На вопрос-ловушку: «Кого из перечисленных художников вы знаете?» — 8 процентов из числа всех опрошенных зрителей эстонских музеев и выставок объявили себя «хорошо знакомыми» с творчеством вымышленных социологами специально для этой процедуры и включенных в список художников. В другом опросе 170 человек из 500 утверждали, что «интересуются» работами Ван Гога, хотя лишь 11 из них назвали автора «Красных виноградников в Арле». За этим кроется нечто более важное, чем вкусы, взятые напрокат, или ошибка памяти. Это страх не попасть в такт с тем, что известно и почитаемо знатоками искусства. «Не знаю», «не видел», «не слышал» кажутся самым непростительным прегрешением в век общей осведомленности и притязаний на эстетическую тонкость. Избежать такого соблазна не дано и самым «элитарным» зрителям, когда многозначительные поддакивания и даже разнообразное знание способны маскировать весьма приблизительные представления о предмете. Срабатывает абсолютно тот же механизм. Только место Глазунова или Пикассо займут Раушенберг или Уорхол.

Суетный контакт с искусством препятствует самостоятельному общению с произведением. Хотя, конечно, пусть лучше человек убеждает других, а затем и себя в любви к великим именам живописи. Поначалу взятые напрокат, «собственные» суждения постепенно, быть может, вживутся в его сознание.

Одни люди стремятся с помощью искусства изжить боль или скверную житейскую ситуацию, забыться, испытать чувство отрешенности от своей судьбы. Другие пытаются уменьшить пути собственной ограниченности, раздвигают пространство ежедневной жизни. Третьи получают импульс радости, удовольствия. Четвертые... пятые... шестые... Различным толкованиям несть числа. Каждое из них, в свою очередь, рождает новый индивидуальный мир.

Что же касается живописи XX века, то никто, видимо, не может утверждать какого-то единственно «правильного» пути для его постижения.

ПИС

— Что вы читали на этой неделе, пока мы не виделись? — спросил он теперь. — Говорите, прошу вас.
— Я читала Писемского.
— Что именно?
— «Тысяча душ», — ответила Котик. — А как смешно звали Писемского: «Алексей Феофилактыч»!

А. П. Чехов. «Июнь».

Петом 1853 года литературный Петербург был крайне заинтригован появлением писателя, о котором уже несколько лет говорили как о крупнейшем таланте, чьи сочинения были у всех на устах. Однако никто из столичных прозаиков, критиков и журналистов не знал его лично. Стать звездой первой величины в современной изящной словесности, ни разу не побывав на неких берегах?! Выйти на одно из первых мест по популярности, сидя в губернской глуши?! Такого не случалось, пожалуй, ни с одним из признанных корифеев отечественной литературы тех лет.

И вот он наконец объявился в столице. Посмотреть на автора острокритических повестей, послушать того, кто так смело возвысил свой голос в защиту прав женщин, против застойности провинциальных нравов, едко высмеял уездных чайльд-гарольдов, — к этому стремились не только собратья по перу, но и все те, кто придерживался либерального образа мыслей, кого возмущали многочисленные, по их мнению, пороки русской действительности.

Звали молодого писателя Алексей Феофилактович Писемский. Он приехал из Костромы, где служил в канцелярии генерал-губернатора.

В домах петербургских литераторов Писемский быстро сделался одним из самых желанных гостей. И дело было не только в его мастерском чтении или в достоинстве новых его сочинений. Собратья по перу привлекла прежде всего человеческая самобытность Писемского, его решительная непохожесть на других. Характерно при этом, что среди новых его друзей вообще не было славянофилов — весьма влиятельной в то время литературной партии. Тургенев, Дружинин, Некрасов резко отличались от них не только своими взглядами, но и даже бытовыми привычками. Может, поэтому Писемский, в известном смысле единомышленник Погодина, Григорьева и Островского, живших в Москве и хорошо знакомых Алексею Феофилактовичу (он напечатал первые свои произведения в «Москвитяине», органе славянофильского направления), показался в Петербурге представителем какого-то патриархального мира. Павел Анненков даже спустя несколько десятилетий хорошо помнил то удивление, которое вызвал у него и его друзей пришелец из Костромы:

«Трудно себе и представить более полный, цельный тип чрезвычайно умного и вместе оригинального провинциала, чем тот, который явился в Петербург в образе молодого Писемского, с его крепкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими наблюдательными глазами и ленивой походкой. На всем его существе лежала печать какой-то усталости, приобретаемой в провинции от ее халатного, распущенного образа жизни и скорого удовлетворения разных органических прихотей. С первого взгляда на него рождалось убеждение, что он ни на волос не изменил обычной своей физиономии, не украсил себя никакой более или менее интересной и хорошо продуманной чертой, не принарядился морально, как это обыкновенно делают люди, впервые являющиеся перед незнакомыми лицами. Ясно делалось, что он вышел на улицы Петербурга точно таким, каким сел в экипаж, отправляясь из своего родного гнезда. Он сохранил всего себя, начиная с своего костромского акцента и кончая насмешливыми выходками по поводу столичной утонченной жизни, языка и обращения.

Все было в нем откровенно и просто. Он производил на всех впечатление какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходят, бросив на нее взгляд, а такой, которая

останавливает и заставляет много и долго думать о себе».

Когда в каком-нибудь европеизированном доме заходила речь о женских правах — теме весьма модной в ту пору, Писемский вдруг огорошивал всех неожиданным заявлением:

— Да полноте, сударь, есть ли из-за чего огород городить? Женщина — только подробность в жизни мужчины, а сама по себе, единолично взятая, никакого значения не имеет.

— Но любовь?.. Но жизнь сердца?! — восклицал пораженный исповедник жоржсандовского кредо.

— Э-э, поменьше бы вы читали романов... Серьезные отношения между мужем и женой возникают только с появлением детей. И вообще обязанности мужа к своей супруге исчерпываются возможно лучшим материальным содержанием ее.

Поднимался шум. Писемского обвиняли в ретроградстве. Кто-то кричал: «Но вся Европа...» Другой закричал: «Жорж Санд дала миру новое евангелие!»

Однако Алексей Феофилактович не сдавался, напротив, с лукавой улыбкой он еще подливал масла в огонь:

— По учению эмансипации у вашей супруги должен быть, во-первых, вы — муж, во-вторых, любимый ею любовник, в-третьих, любовник, который ее любит...

И это заявлял автор романов «Богатый жених», «Виновата ли она?», писатель, которого все привыкли считать защитником русской женщины — жертвы уродливого семейного строя!

Но многие догадывались, что говорит он так просто из желания идти наперекор общепринятым мнениям...

Постепенно к парадоксальным высказываниям Писемского привыкли, и он стал вполне своим во многих литературных кружках. По четвергам Алексей Феофилактович появлялся у Краевского, издателя «Отечественных записок», где сходилось в эти дни многолюдное общество, в основном писатели и артисты, однако бывали и крупные сановники, светские господа. Но особенно тесные связи установились у Алексея Феофилактовича с группой писателей, печатавшихся в «Современнике». Они собирались самым узким составом, и при этом никогда не присутствовали случайные посетители, которых немало бывало на «журфиксах» Краевского.

На знаменитой фотографии 1856 года, где сняты ближайшие сотрудники «Современника», Алексея Феофилактовича нет только потому, что его не было в Петербурге. Ведь за несколько месяцев перед тем, как Тургенев, Толстой, Гончаров, Островский, Григорьевич и Дружинин отправились в салон Левицкого сниматься на дагерротип, Писемский чуть не ежедневно виделся с ними. И если б не годичная командировка Морского министерства на Нижнюю Волгу и Каспий, надолго оторвавшая его от друзей, на хрестоматийном снимке был бы и Филатыч. Ермил — этими именами звали его в кружке и ценили за то, что Писемский ярко, точно и остроумно определял характерные особенности лиц и общественных явлений. Его суждения о собратьях-писателях надолго западали в память собеседников. При этом, однако, Алексей Феофилактович не выглядел литератором-профессионалом, любящим поучать, а смотрелся скорее как добродушный, несколько безалаберный помещик — собачник, кутила, чревоугодник.

Переехав в столицу, писатель продолжал много работать. В основном в эти первые петербургские годы был создан и роман «Тысяча душ», до сих пор остающийся самым известным произведением Писемского. Ни над одной из своих книг Алексей Феофилактович не работал столь продолжительно. Задуманный еще

в Костроме, роман по ходу писания претерпел несколько весьма существенных изменений, что отразилось и на стройности его композиции, и на единстве идейной концепции.

В пору николаевских «строгостей» (до 1855 года) нечего было и думать о создании широкого полотна, изображающего Россию на социально-политическом «срезе». Писатель признавался друзьям, что сделал своего главного героя Калиновича смотрителем уездного училища, а не губернским чиновником, так как опасался, что, задев службу, навлечет на себя гнев цензуры. Оттого-то, когда условия для печатания стали благоприятными, писатель «на ходу» произвел своего героя — Калиновича — в вице-губернаторы и послал его воевать с чиновным произволом в ту самую губернию, где он когда-то мелко и бесславно подличал.

Осенью 1854 года Алексей Феофилактович писал из своей родовой усадьбы Раменье кузену жены Аполлону Николаевичу Майкову: «Не знаю, писал ли я тебе об основной мысли романа, но во всяком случае вот она: что бы про наш век ни говорили, какие бы в нем ни были частные проявления, главное и отличительное его направление практическое: составить себе карьеру, устроить себя покомфортабельнее, обеспечить будущность свою и потомства своего — вот божки, которым поклоняются герои нашего времени — все это даже очень недурно, если ты хочешь: стремление к карьере производит полезное трудолюбие, из частного комфорта складывается общий Комфорт и так далее, но дело в том, что человеку идущему, не оглядываясь и не обертыкаясь никуда, по этому пути, приходится убивать в себе самые благородные, самые справедливые требования сердца, а потом, когда цель достигается, то всегда почти он видит, что стремился к Пустыням, видит, что по всей прошедшей жизни подлец и подлец черт знает для чего!»

Так оно и шло на протяжении первых трех частей романа, законченных еще до поездки на Волгу в 1856 году. Калинович соблазнил мечтательную, умную Настеньку Годневу и, обманув ее, уезжал в Петербург, дабы там продать себя за тысячу душ немилый богачке. При всем том он сочинял какую-то тусклую беллетристику, занимался самообразованием, но все же поступал не по совести. Словом, вырисовывался незаурядный, новый и для самого Писемского, и для тогдашней литературы тип, воплощавший в себе и черты сентиментала, и расчетливого подлеца. Это было психологическое, художественное открытие.

Главная идея «Тысячи душ» та же, что почти через десять лет будет разработана Достоевским в «Преступлении и наказании». Писемский открыл в русской литературе галерею героев, перешагнувших через собственную совесть, совершающих изначальное зло ради будущего добра. Но поскольку художественное воплощение задуманного, поначалу столь убедительное, было нарушено, образ Калиновича не получил окончательного, логически законченного развития, которое могло придать книге столь же неотразимую убедительность, какой достиг позднее автор «Преступления и наказания».

В пору появления новое сочинение Писемского было оценено как крупнейшее литературное событие. Это был, безусловно, лучший роман 1856 года. Не так уж мало для той поминисте классической поры — каждый год появлялось что-то выдающееся. 1856 — «Губернские очерки» Щедрина, «Рудин» Тургенева, 1857 — «Юность» Толстого, 1859 — «Обломов» Гончарова, «Дворянское гнездо» Тургенева...

Современников радовало не только мастерство писателя, но и его социальный критицизм. М. Е. Салтыков-Щедрин, сам долго служивший, находил «Тысячу душ» редкостно правдивым произведением — в той части, которая касалась чиновного мира.

С симпатией отнесся к новому произведению своего литературного собрата Гончаров, который хорошо знал, что за джунгли эти самые «служебные отношения», выведенные Писемским. Именно он был цензором романа, когда «Тысяча душ» печаталась в журнале «Отечественные записки». Только усиленное заступничество Гончарова дало его издателю А. А. Краевскому возможность без переделки опубликовать четвертую, наиболее острую по тем временам часть. Причем сам просвещенный цензор получил за это выговор.

Демократическая публика с восторгом приняла «Тысячу душ». Даже по прошествии нескольких лет лидер радикальных отрицателей Дмитрий Писарев пишет: «О таком романе, как «Тысяча душ», нельзя говорить вскользь и между прочим. По обилию и разнообразию явлений, схваченных в этом романе, он стоит положительно выше всех произведений нашей новейшей литературы».

Вопросы, стоявшие перед Калиновичем, так или иначе решали молодые люди тех лет: переступить или нет через маленькую подлость для будущего торжества правды и красоты, нужен или нет «первоначальный капитал» для устройства справедливости? Того иступления, с которым бедный Раскольников вынашивал свои антиномии (Наполеон я или тварь дрожащая), конечно, не было — это, по мнению поклонников

СМЕЖИЙ

Сергей ПЛЕХАНОВ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

вульгарных материалистов Бентама и Бюхнера, слишком мифологией попахивало, мистикой. Вопрос о боге, о черте для них был как день ясен. Боборыкин описывал своих восторженных современников, горячо принявших новейшие естественные научные учения, особенно Дарвина:

«Тогда и студенты и студентки повторяли в каком-то экстазе:

— Человек — червяк!

В этой формуле для них сидело все учение, которое получило у нас смысл не один только научный, а и революционный!»

И эполею Калиновича прочитывали так: поначалу героя среда заела, а потом, когда (приобретя положение) он попытался ей за это отомстить, она его доела. А путь, который он избрал... ну, конечно, неправильный. Надо было работать над собой, расти, читать Молешотта, Бокля, и... Да нет, все равно ничего не дали бы сделать. Так, может, все-таки верно он поступил, пойдя Наверх? Помилуйте, господа, ну зачем так категорично — ведь это все-таки литература, сочинение: никто вам не предлагает поступить так...

После публикации романа «Взбаламученное море» (1863) репутация Писемского в глазах разночинной публики резко ухудшилась. Автора, осмелившегося критиковать либералов и нигилистов, дружно осудили почти все журналы.

Разрыв с либеральным большинством тогдашнего образованного общества привел к тому, что Писемский почувствовал себя изгоем в невольской столице...

Приняв решение перебраться в Москву на постоянное жительство, Алексей Феофилактович стал приискывать там подходящее жилье и летом 1864 года приобрел двухэтажный дом с полуподвалом в одном из переулков, отходящих от Поварского. Район считался самым аристократическим (ох уж это любимое публикой слово!) — здесь стояли особняки больших московских бар. Сюда, кстати сказать, поселил своих Ростовых и Лев Толстой («Война и мир»).

Приведя купленную недвижимость в порядок (Писемский отделал в доме четыре большие квартиры для сдачи внаем), выстроив флигелек для себя во дворе, Алексей Феофилактович перебрался в Борисоглебский переулок летом 1865 года. Здесь он прожил до конца своих дней. Хозяин из него вышел весьма рачительный — всякий крупный гонорар он употреблял на благоустройство усадьбы, что выражалось, между прочим, в возведении флигелей, коих Писемский успел выстроить четыре. Причем каждой новой постройке присваивалось имя того произведения, на доход от которого она была возведена. Дом назывался «Взбаламученным морем», один из флигелей — «Людьми сороковых годов», другой — «В водовороте» и так далее.

Собственное жилище писателя было обсажено тополями и акациями, здесь всегда царил тишина, нарушаемая только голосами птиц. Спрятавшийся в глубине двора двухэтажный флигель хорошо знали московские литераторы, да и приезжие из Петербурга или из провинции нередко появлялись на средах у Писемского. В этом своеобразном салоне неизменно царил сам хозяин, удивлявший и восторгавший не только новых посетителей, но и старых знакомых неистощимым арсеналом шуток, анекдотов из собственной жизни. Старый друг Алексея Феофилактовича Анненков вспоминал о своих встречах с писателем в его гостеприимном доме: «Редкое свойство Писемского — всегда походить на самого себя и класть особую печать своего духа и ума на все предметы обсуждения — делало беседы с ним занимательными и оригинальными в высшей степени. Он не потерял способности различать за тонкой тканью мыслей и слов настоящее лицо людей и представлять их себе, так сказать, в натуральном состоянии, такими, какими они должны были являться самим себе, в своей совести и в своем сознании. Анализ этот, впрочем, нисколько не имел того острого, упорного и надоедливого характера, который не оставляет никакой мелочи без исследования и переворачивает ее на все лады, добываясь от нее во что бы то ни стало одного-двух слова. Он выражался у него обыкновенно одним метким определением, часто юмористической фразой, которые почти всегда и затеривались в дальнейшем разговоре. Иной раз, слушая Писемского, приходило на ум, что в нем повторяется опять старый, московский тип ворчливого туза, удалившегося на покой, но тут была и существенная разница. Тузы этого рода все принадлежали к вельможному чиновничеству нашему и приводились в движение завистью, обманутым честолюбием, злобой после падения их властолюбивых надежд, между тем как Писемский, хотя и мог называться тузом литературным, но жажды повелевать и кичиться перед людьми никогда не испытывал, чувства зависти не знал вовсе и в своих замечках покорялся единственно природному свойству своего ума».

А другой близкий знакомый Писемского — профессор Кирпичников, вспоминая свои визиты к Алексею Феофилактовичу уже в семидесятые годы, когда, как считал критик, явно обозначился упадок его таланта, подчеркивал тем не менее: «Всегда поражал он меня ясностью своего огромного ума, силою своего редкого чисто народного остроумия. Но всегда после беседы с ним получалось в общем тяжелое, тоскливое чув-

ство. Нельзя было не сознавать, что это остатки былого величия, что богатырский талант сошел со старой дороги, а новой не может найти: что преследование одних, равнодушие других, жалостные или неумелые похвалы третьих не дают ему осмотреться, бесят его и ослепляют. А годы все уходят, и все громче звучат в душе печальные слова: моя песенка спета!»

Но эти настроения возникли уже тогда, когда Алексей Феофилактович только поселился в Борисоглебском переулке. Ему было всего сорок пять, а он уже начал ощущать тягостные приступы хандры, которая лишала его всякого желания писать, думать, видеть кого-либо. В письме, датированном ноябрем 1866 года, он сетовал: «Я теперь владетель дома, усадьбы, временно обязанный крестьян, распорядитель 5000 годового дохода — словом, материальная сторона жизни улажена; но никак нельзя сказать того про духовную мою сторону, а паче всего про литературную часть в одной стороне... Как и чем я ни прикидываюсь — проприетером, чиновником, но в сущности я все-таки заражен до мозга костей моих писательством и органически неизлечимый литератор, но литература-то именно последнее время как-то и дает мне щелчки».

Когда Алексей Феофилактович думал о своем теперешнем положении, ему приходило в голову сравнение с матерым зверем, которого обложили в лесной труппе красными флажками. Крики, грохот трещоток, стук палок по стволам деревьев. Он мечется по замкнутому пространству, голоса преследователей все ближе, вот-вот грянет выстрел...

Единственным утешением для Алексея Феофилактовича было то, что он был не одинок в своем отношении к террору критики и руководимых ею «зеленых» читателей. Может быть, в свое оправдание он сетовал: Ивана Сергеевича тоже обругали в «Современнике». И название-то какое у статейки той было: «Асмодей нашего времени!» То ли Базаров в виду имелся, то ли сам Тургенев. И это про Ивана Сергеевича — деликатнейшего, умнейшего человека, врага всякого застоя, первого, кто поднял свой голос против крепостного права! Да за одни «Записки охотника» Россия вечно будет благодарна ему. «Асмодей!» — да кто вы такие, чтобы хулить великих мужей. За версту несет от вас, господа, поповским духом — одни словечки чего стоят...

Отношения с Тургеневым, одно время — с конца 1850-х годов — значительно охладевшие, переросли в эту пору в настоящую дружбу. Все началось с письма Алексея Феофилактовича, отправленного в Баден-Баден в мае 1866 года. После пяти лет, в течение которых оба писателя не виделись, Тургенев, наверное, воспринял пространное послание Писемского как крик о помощи. Почти всеми оставленный, Алексей Феофилактович горько жаловался на непонимание, и Ивану Сергеевичу, также жестоко обиженному критикой, были глубоко понятны чувства его старого знакомого. Слово и не было долгого перерыва, словно не было столько лет чужбины — Тургенев ясно услышал за строками письма высокий, чуть с хрипотцой, голос Ермила, увидел его живые карие глаза, доверчиво глядящие на собеседника. И он немедленно принял за ответ. Теплый, участливый тон этого письма ободрил Алексея Феофилактовича, он снова написал Ивану Сергеевичу...

Все шестидесятые и семидесятые годы Тургенев жил в основном за границей, и виделись они не часто — обычно во время приездов Алексея Феофилактовича на лечение в Германию и Францию. Но сознание общности их литературной судьбы, понимание того, что оба они принадлежат по своим идеалам к «людям сороковых годов», которых к тому времени оставалось не так уж много, стало основой их сближения. Для Писемского Тургенев сделался, без преувеличения, самым близким человеком, их обширная переписка — лучший памятник этой трогательной дружбе.

Особенно ободрило Алексея Феофилактовича то, что Иван Сергеевич одинаково с ним относился к тем многочисленным общественным партиям, которые определяли тон русской жизни в шестидесятых годах. Когда он прочел в мартовской книжке «Русского вестника» за 1867 год тургеневский «Дым», восторгался, казалось, не будет конца. В те дни от каждого из своих московских знакомых он требовал немедленно приняться за роман.

— Как, вы еще не читали «Дым», не вкусили его чудесного аромата? Это величайшая и самая едкая сатира на наше неумное общество! Виват Тургеневу!

Произведения Писемского, написанные в шестидесятые годы, с трудом пробивались в печать, еще незавиднее была сценическая судьба его пьес. Некоторые писателю вообще не удалось увидеть в актерском исполнении — к примеру, «Поручик Гладков» был разрешен к постановке только в 1905 году! Но то, что допускалось на сцену, зритель шестидесятых годов принимал горячо. Интересно отметить, что восторженный прием объяснялся отчасти самим выбором материала для пьесы — в письме Писемского Анненкову о «громадном успехе» «Самоуправцев» читаем: «Эффект был поразительный на первом представлении — видимо, что публике страшно надоело купеческие чуйки и даже фраки и сюртуки на сцене; увидя

павловские мундиры, пудренные парики и вообще всю обстановку того времени, она просто пришла в восторг». Глубокое, все усиливающееся внимание к прошлому Родины стало с той поры постоянным фактором литературно-общественного самосознания. И Писемскому принадлежит заметная роль в пробуждении этого интереса...

Некоторые из исторических пьес писателя вызвали насмешки — к примеру, «Поручик Гладков» и «Самоуправцы» стали объектами ядовитых пародий. Вышучивался намеренно архаичный язык, дикие страсти, изображенные в этих произведениях. Что, впрочем, не повредило трагедиям — они ставятся до сих пор.

Роман «Люди сороковых годов», начатый летом 1868 года, был давно задуман Писемским. Еще во время службы в Костроме он сообщил Краевскому, что намеревается написать для «Отечественных записок» «Автобиографию обыкновенного человека». «Начну с рождения и буду следить за постепенным развитием человека. Обстоятельствами жизни обставлю его самыми обыкновенными, препятствие со стороны цензуры вижу в одном только, что он должен еще в школе влюбиться, влюбиться невинно, наивно или даже глупо, проследуя потом все замашки юности, горькие уроки, постепенное охлаждение, в период которого он оглянулся на прошедшее и пишет записки». Но тогда замысел не был осуществлен. «Люди сороковых годов» в известной степени представляют собой художественную автобиографию Писемского — главный герой писатель Вихров прошел примерно ту же жизненную школу, что и Алексей Феофилактович. В основном совпадают веки становления автора и его героя. Однако внешнее сходство не значит, что можно отождествлять Писемского с Вихровым, как это делали многие критики. В чем-то романист и осмеивал своего «двойника», придавая ему сходство с печоринцами сороковых годов, кое-что из вихровских взглядов явно контрастировало с воззрениями самого Алексея Феофилактовича. Но высказывания героя в заключительной части романа можно доверять — они весьма близки к мнениям Писемского, не раз высказывавшимся в шестидесятых годах. Антилиберальный пафос, издевка над крайностями нигилизма, над несамостоятельностью мышления восторженных господ, живущих убеждениями автора последней прочитанной книжки, — все это, несомненно, препоручил Вихрову сам Писемский, считавший, что все беды России — от болтовни и неумения сосредоточенно работать на раз избранном поприще.

Когда же в 1871 году в журнале «Беседа» стал печататься роман Писемского «В водовороте», Лесков, дочитав его едва до половины, прислал автору восторженное письмо:

«Не мне писать Вам похвальные листы и давать «книги в руки», но по нетерпечности своей не могу не крикнуть Вам, что Вы богатырь! Прочел я 3-ю книжонку «Беседы»... молодчина Вы! Помимо мастерства. Вы никогда не достигали такой силы в работе. Это все из матерой бронзы; этому всему века не будет! Подвизайтесь и не гнушайтесь похвал «молодых людей», радующихся торжеству Ваших сил и желающих Вам бодрости и долголетия».

На это Писемский отозвался с привычной скорбью по поводу отсутствия благожелательности со стороны законодателей мнений околелитературной публики: «Путь наш тернист и похвалами мы не избалованы. Отсутствие хоть какого-нибудь понимающего критика и в то же время крики разных газетных бумагомарателей сбивают с толку публику, далеко еще не привыкшую иметь собственное мнение: но авось в горниле времени все это поочистится и правда возьмет свое; я собственно уже на склоне дней моих и, может быть, скоро совсем покину литературную арену, но за молодые дарования невольно приходится скорбеть душой: где для них ободряющая и поучающая школа, где бы они могли развиваться и окрепнуть; всюду только и читаешь или голословную брань, когда вы не из наших, или пристрастную похвалу, если вы наш; а между тем роман, видимо, все более и более становится художественной статистикой времени и ближайшим помощником истории — критики же полумудные наши напереверь кричат романистам: «не смейте говорить правды, а лгите и лгите, чтобы не повредить нашим высокоизбранным направлениям» — к счастью только, что избранные ими агенты желаемой им лжи являются очень слабыми и незубастыми: ни юмор, ни поэзия как-то не рождаются с ложью!»

И в своем пессимизме относительно современных мнений писатель оказался прав — критика в очередной раз в штыки приняла новое его сочинение. Редкие голоса, пытавшиеся дать объективную оценку творчеству Писемского, тонули во враждебном гвалте. И потому отрицательная оценка новых вещей писателя закреплялась в сознании публики. Именно на это невыносимое положение сетовала крупная петербургская газета «Голос»: «Новый роман г. Писемского («В водовороте» — С. П.) не уступает нисколько лучшим его произведениям прежнего времени. При иных, более благоприятных для нашей изящной словесности условиях, при более здоровом взгляде на художественные произведения, этот роман встретил бы такой же почетный успех, какой, в свое время, имел его прекрасный роман «Тысяча душ».

Алексею Феофилактовичу, конечно, обидно было читать про «грубую нескладницу». Писатель ведь не спешил — друзья сразу заявили, что это заметно и по тщательной отделке стиля, и по изумительной продуцированности композиции. И они оказались правы — «В водовороте», без сомнения, самая изящная «постройка» романиста...

Лев Толстой, получив от Писемского отдельное издание романа, писал ему:

«От всей души благодарю Вас за Ваше письмо и присылку книги. Кроме удовольствия Вашего письма, это сделало то, что я второй раз прочел Ваш роман, и второе чтение только усилило то впечатление, о котором я говорил Вам. Третья часть, которой я еще не читал тогда, — так же прекрасна, как первые главы, которые меня при первом чтении привели в восторг».

В устах скупого на похвалу Льва Николаевича такие слова значили много. Писемский, высоко ценивший талант Толстого, мог утешиться — признание таких читателей больше значит, чем третирование критики.

«В водовороте» — пожалуй, наиболее выношенное творение писателя. В нем с наибольшей отчетливостью проявились взгляды Писемского на тогдашнюю общественную ситуацию. После появления «Взбаламученного моря» его безоговорочно причислили к правому лагерю, и следующие два романа как будто подтверждали такой вывод. Но это было поверхностное прочтение. Алексей Феофилактович вовсе не имел целью унижить радикальную молодежь. Законность ее протеста как бы обосновывалась самим материалом его произведений — в той их части, где речь шла о быте дореформенной России, породившем многочисленные злоупотребления властей. Но Писемский не мог промолчать, видя, как совершаются очевидные глупости. Он хотел показать своими критическими изображениями крайностей нигилизма, что это опасный путь, ведущий в никуда. Стремление жить заемым умом, верхушками модных учений представлялось ему пагубным для всего общества.

В то же время «В водовороте» — результат переосмысления писателем своих взглядов на молодежь. Он не говорил об этом вслух, но сам себе признавался, что с «Взбаламученным морем» он явно поспешил. Не так уж смешны были юные бунтари конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Если отбросить благоглупости, которые говорили они — а кто не грешен был по этой части в свои двадцать — двадцать пять лет? — если посмотреть на дело через призму прожитых годов, в восторженности поклонников Чернышевского и Добролюбова, даже в «топорных» прокламациях было гораздо больше симпатичного, чем в кутежах дворянских сынков сороковых годов. Да и глупо было бы сетовать на то или иное поколение — зачем оно такое, а не иное, какое нам бы хотелось видеть... Каждая эпоха вырастает из предыдущей, она родственно связана со всей предшествующей историей. Значит, и в нигилизме надо видеть плод российского прошлого — прав, наверное, Лесков, как-то написавший Алексею Феофилактовичу о том, что крайние отрицатели — питомцы крепостных нравов. Так что и все настроения, все недуги общества вызваны какими-то собственными его ошибками в прошлом. Стало быть: поделом вору и мука? Нет, так тоже нельзя, это уж нигилизм навыворот. Не в том долг писателя, чтобы позабористой отхлестать своих идейных супостатов. Не рассориваться, а мириться нам надобно! Кому будет польза от того, что русские общество распадется на враждующие клики, остервенело нападающие друга на друга? Трудное, переходное время, ни зги не видать в туманном грядущем. Но можно угадать его, если найти в сегодняшней жизни какие-то идеалы. Ибо они определяют строй души завтрашнего поколения. Искать идеал...

Итогом мучительных раздумий над недугами эпохи стала пьеса, открывшая новый период в творчестве Писемского. В письме академику Никитенко, датированном серединой марта 1873 года, он сообщал: «...я написал еще новую пьесу «Ваал». Из самого заглавия вы уже, конечно, усматриваете, что в пьесе этой затронут вряд ли не главнейший мотив в жизни современного общества: всё ныне поклоняется Ваалу — этому богу денег и материальных преуспеяний и который, как некогда греческая Судьба, тяготеет над миром и все заранее предсказывает!.. Под гнетом его люди совершают мерзости и великие дела, страдают и торжествуют».

Миллионер Бургмейер на краю банкротства — если сделанная им по подряду работа не будет принята, для него нет спасения. Депутат от земства Минович отказывается поставить свою подпись под актом приема, ибо строительство проведено кое-как, с жульническими отступлениями от договора. Только молодая жена богача Клеопатра Сергеевна, в которую влюблен Минович, может уговорить его не губить мужа. И Бургмейер просит ее «пококетничать» с молодым депутатом. Возмущенная женщина оставляет дельца, готового пожертвовать ее честью, и уходит к Миновичу. Но миллионер спасен, ибо Клеопатра Сергеевна ставит своему возлюбленному условие: «Сделай по его, как он просит, заплати ему этим за меня и возьми меня к себе!» И одинокий донкихот исполняет ее просьбу. Минович — белая ворона в мире купли-продажи. Даже его приятель иодноклассник по университету

Куницын, и тот смотрит на жизнь с сугубым цинизмом. Это трубадур торгашеской морали, с усмешкой осаживающий далекого от реальности идеалиста.

То, что вещал Куницын, носилось в воздухе. Пореформенная Россия стремительно капитализировалась. На глазах у всех родился тип беззащитного дельца, горделиво потрясающего своим бумажником, как дворянская грамотой. Не ум, не заслуги перед обществом, не слава предков, не красота — только количество денег на банковском счете стало почитаться украшением настоящего человека.

Когда Писемский сообщил Никитенко, что избрал темой своей работы торжество Ваала, он задумывал новый роман, в котором собирался дать бой наступающим акулам биржи. Противопоставив столбового дворянина Бегушева и обуржуазившихся мещан как носителей двух взаимоисключающих нравственных начал, романист избрал довольно точную систему идейных координат, благодаря чему поражение благородного Бегушева становилось неизбежным, а торжество служителей мамоны предreshалось...

Еще в начале шестидесятых годов, когда Алексей Феофилактович посетил лондонскую всемирную выставку с ее знаменитым «хрустальным дворцом», сделавшимся символом прогресса и счастья почти для всей тогдашней пишущей братии, его стал занимать вопрос о грядущем торжестве торгаша. Бегушев, главный герой «Мещан», говорит: «Все-с сплошь и кругом превращается в мещанство!.. Я эту песню начал петь после Лондонской еще выставки, когда все чудеса искусств и изобретений свезли и стали их показывать за шиллинг... Я тут же сказал: «Умерли и поэзия, и мысль, и искусство...» Ищите всего этого теперь на кладбищах, а живые люди будут только торговать тем, что наследовали от предков».

Писателя удручало стремительное выветривание идеального духа, свойственное людям сороковых годов. Лезущие из всех щелей биржевые спекулянты, дельцы от искусства, продажные журналисты — вся эта буржуазная нация соединялась, по представлению Писемского, с нечесаным ражим «нигилизм», потрясающим разрезанной лягушкой, как знаменем не ведающего душевных тайн материализма. Рационализм, трезвость тех и других виделись Алексею Феофилактовичу ветвями одного дерева, уходящего корнями в дремучую почву тысячелетнего мещанства, привыкшего поклоняться потребностям тела, брюха.

Средств избавления от мещанского потопа, захлестнувшего Россию, писатель не видел. Так же как его герой Бегушев, он растерянно вопрошал себя: кто же одолеет Ваала, если даже «рыцарское сословие» — дворянство — не устояло перед соблазнам легкого обогащения и бросилось обделывать гешефты?

Писемский рано одряхлел — внезапно, ничем не мотивированное самоубийство младшего сына, а затем помешательство старшего сломили недюжинную натуру писателя. Он постоянно жаловался на хвори — частью подлинные, а больше мнимые. Тягостная хандра месяцами не отпускала его душу. Тогда он начал перебирать архивы, перечитывать письма друзей, просматривал «брульон» — толстенную тетрадь в твердом переплете, в которой набрасывал черновики своих писем... Многие из них касались итогов его творческой жизни — ответ академику Булаеву на его книгу о судьбах современного романа, послание Дерели, французскому переводчику произведений Писемского. Снова и снова пролиставая эти страницы, писатель задумывался о будущей судьбе своих книг — и эта тема постоянно звучала на средах, когда во флигеле собирались его ближайшие друзья.

Если лет этак через полсотни придет кому-то блажь взять в руки его собрание сочинений, станет ли этот еще не родившийся русский человек читать его, не отложит ли после первых страниц? А если прочтет, что поразит его, что покажется своеобычным (любимое слово писателя), его, Писемского, несомненным достоянием? Скорее всего человеческие типы, не им впервые замеченные, но художественно им открытые. Фразер, болтун, все носящийся с наполеоновскими замыслами и ничего сделать не способный. Фанфарон, всю жизнь тужающийся казаться побольше своего росточка. Умный подлец, ради комфорта, ради брюха бога в себе забывший. Скажет ли, кто-нибудь через полсотни лет — поглядите-поглядите, вон Калинович какой выискался? Так, как сейчас про кого-то: Хлестаков, Молчалин, Манилов...

Теперь мы знаем, как рассудило время. Оно увидело в Писемском добросовестного или, как говорили в старину, неложного свидетеля великой эпохи русской жизни. Больше ста лет минуло после кончины художника (1881), а книги его не пылятся на полках. Посмотрите в любой районной библиотеке на собрание сочинений Писемского — оно едва ли не самое расхристанное, захватанное.

Каков же урок этой нелегкой судьбы? В том, что «несмотря ни на что, справедливость восторжествовала»? Нет, утешаться готовой формулой не будем. Запомним другое: Писемский постоянно шел против течения, отстаивая свое понимание истины. Именно этот опыт противостояния, опыт нравственного поиска дорог нам сегодня. Верность собственным убеждениям и принципам — качество подлинного художника. Свидетеля неложного, которому поверит потомство.

Объясните, за что бездетные семьи платят налог? За что их наказывает государство? За их горе?

Мы с мужем живем уже пять лет. Четыре года я стою на учете по бесплодию. Два раза в год ложусь в стационар для очередного лечения или обследования. Каждый год выезжаю на лечебные курорты (совсем не по профсоюзной путевке — их у нас имеют либо администрация, либо ветераны труда). А теперь попробуем прикинуть, во сколько обходится нашей семье эта привилегия — быть бездетными. Бесплатно в наших больницах только питание, правда, есть ничего нельзя. Ложись в больницу — делаешь подарок врачу (французские духи, косметика, дефицитные продукты — естественно, все покупается на переплатой), иначе внимания многих наших врачей, дававших клятву Гиппократу, не дождешься. Дальше. Лекарств, как вы понимаете, в наших больницах не хватает. Поэтому все препараты достаем сами, опять же «с рук». Иногда одна ампула стоит 15—20 рублей. Таким образом, каждый цикл лечения обходится от 100 до 200 рублей. И так каждый год. Так за что же с бездетных семей еще и налог удерживать? В нашей семье этот налог составляет около 50 рублей в месяц. Согласитесь, что эти деньги пригодились бы мне для того, чтобы эффективнее лечиться от бездетности.

И второй вопрос. На кого идут наши 700—750 рублей в год? На детей-сирот? Но много ли в нашей стране детей, оставшихся без родителей? Очень мало, слава богу. 90 процентов находящихся в детдомах — это дети родителей, лишенных родительских прав или брошенные матерями. Так почему же меня, которая жаждет материнства, наказывают за то, что какие-то твари (я не извиняюсь за это слово) пьют водку, таскаются с кем попало, а потом бросают своих детей? В чем виноваты мы с мужем? Не справедливее ли будет оставить нам наши деньги для лечения, а «сирот» содержать на алименты их мам и пап?

Пишу я это не только от своего имени. За годы мытарств у меня появилось много знакомых «товарищей по несчастью». И я выражаю мнение многих бездетных семей.

Татьяна ТУКОДОВА,
Ростов-на-Дону

Нет сил молчать после прочитанной в «Смене» № 17 статьи Виталия Еремина «Мертвые души». Скажите, как же нам жить на этом свете, ведь у нас всех есть дети. Почему у нас такие законы, которые не могут защитить нас от насилия? Мы требуем смертной казни убийцам Наумову и Пронскому! Для таких, как они, в законе должна быть предусмотрена исключительная мера, а не десять лет, за которые они лишь пройдут «школу повышения квалификации»...

Подписей под этим письмом могло быть намного больше, если бы его не снял с доски информации в фойе предприятия секретарь парторганизации т. Вятский А. И. Он аргументировал это тем, что наш крик души не был согласован с парткомом, профкомом и администрацией предприятия...

Работники цеха 55
(73 подписи),
г. Истра Московской области

Хочу отметить великолепный снимок Владимира Чейшвили на обложке журнала № 7 за 1989 год «Мама, я жив...». Когда увидела руки этого парня, по которому видно, сколько он перенес труда, холода, ветра, уж не говоря о том, какие громадные нервные травмы перенес этот человек, я просто всем сердцем почувствовала, восприняла эти слова «Мама, я жив...».

С глубоким уважением,

ОЯ Лидия Васильевна,
кандидат медицинских наук

Я видел смерть свою,
и потому свободен
и волен выбирать
открытые слова
и, не пугаясь, жить
в таком простом обводе,
где смысла благодать
уловлена едва.
Там всякий стих — повтор,
и всё роднее дважды,
и память дорога
как добрый перепев,
и пестрые листы
и трепетны и влажны,
и говорливы вдруг,
возврата не стерпев.
И если ясность есть,
то краем, ненароком,
украдкой, не дыша,
единый раз в году,
не сходная ни с кем,
уколом и упреком,
запинка на пути,
до ноготка во льду.

26.12.68

Тяжелая, влажная роза —
усталого сада краса,
застужена блестящей мороза
густая в сердечке роса.
Уже отбыла, отболела
на вечные веки душа —
и гибельно властвует тело,
к последним щедротам спеша.

Т. К.

1970

Игра, пустяк, забава —
живую правду гнуть.
Налево иль направо?
Мой свет, куда-нибудь!

Веселье, злополучье?
Бессмертья рядом край.
Что проку? Чуть почутче
печатку подбирай.

Не будет нашей части
в разгадке бытия.
Мы — только отгиск страсти,
надежда, жизнь моя.

26.12.79

Чудо заменит привычка,
память — волшебный фонарь.
Опыт — цитаты отмычка,
мастера — пряткий шукарь.

Верный достаток — на придурь
модную. Пир — на кабак.
Это и есть наша прибыль,
рост — на червонец пятак.

Благополучья нелепость,
сил бестолковых игра,
века увечного эпос,
в замысле божьем — дыра.

22—29.12.83

Припутаем снова Петра:
землица у нас не богата
на тех, кто с утра до утра
радел о России порато.

Пора-то и ныне не мед,
и кормщик не робкий потребен:
руке, что кормило сожмет,
народ не отслужит молебн.

Майн лебен, когда б не рвачом,
не пытошной, страшной губою...
О чем ты, родная, о чем
с такой неизбывною болью?

4.01.84

Смятенье и раннее горе,
Руссо или Гекльберри Финн,
седой Мандельштам на позоре,
а Стерн улыбается им.

Он прав, возвращая родные
начала любви и труда.
Глаза у тебя молодые,
и горе твоё не беда.

10.09.73

Кто виноват? Таков расклад.
А поискать — не будут вновь
ни смута духа, ни разлад
благих умов и черной крови.

И рок жесток, и рай далек,
как мотылек, любовь пуглива,
и век верстаёт эпилог,
и сатана толкует криво.

Игры закон не отменен.
С его кружением согласно
Миньона, Золушка, Манон
взыскиуют нового соблазна.

Заздравный спич, Иван Кирпич,
неугомонный перевертень!
Да, только кич — эпохи клич —
один поистине бессмертен.

И на космических путях,
пока творец и спец кемарят,
земле на страх — пачкун, пустяк —
зудит серебряный комарик.

11—12.12.83

Зима наутро — ясно и неожиданно.
Карниз укутан в снежный воротник.
Под форткой, в мутной синеве
стакана,
цветок на подоконнике поник.

Ты спишь еще и так открыто
дышишь,
так русая разметана коса,
что видно мне, как, улыбаясь,
слышишь
отрады неземные голоса.

К тому ж известий свежих
снегопада
(ель зелена и тела светел пыл)
так легок нрав, что большего
не надо
тому, кто вовсе счастья
не просил.

1970

ОБЕЩАНЬЕ

Сравнюсь не унижу
и малого тепла,
и только то увижу,
чем вправду жизнь была.

Во многолюдье кану,
всеведенья вольней,
судьбу на том достану,
что умолчу о ней.

Верней других отрада
того стиха и дня,
где от условия лада
не отличить меня.

1970

По кромке вымысла скользя,
судьба заденет за живое —
и ей откроется: покоя
самой себе вернуть нельзя.

Ведь и хозяин здесь гостит.
Да и кому хозяин? Вот он —
то балагурит, то грустит,
сам на живую нитку сметан.

1970

Легка на отлете пола,
забота чиста и радушна —
вчера лишь удача была
и слову, и взгляду послушна.

Порхала, что снег за плечом,
и часть, и отрада иная.
А нынче, мой ангел, о чем
слеза на щеке ледяная?

11.02.73

ДЕТСКАЯ СЧИТАЛКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Один — издал, другой — продал,
совсем другой — сгорел.
Один страдал, другой рыдал,
а третий все стерпел.

Один как скрип, другой как всхлип,
а третий — только вздох.
Осип охрип, Архип осип
(второй вдобавок в пакость влил),
а третий был не плох.

Один как пень, другой как тень,
а третий — просто сам.
Один в сирень, другой в Тюмень,
а третий — к небесам.

Один за слог, другой за бок,
а третий взял и смог.
Один в чести, другой в шерсти,
последний там, где Бог.

26.12.83

Жизнь! Лицо родное!
Вот и понял я,
что и вправду стою
здесьнего житья.

На закат кленовый
так легко гляжу,
будто бы обнови
за спиной держу.

По гостинцу вину
всем, кто жив со мной,
и тебя не мину.
Погоди! Постой!

Душе, опомнившейся в сходстве,
так чудно жизнь перебелишь.
Родства утаивая отсвет,
до боли понятой пребыть.

И не искать везде упрека
скудельной дерзости своей,
но жить уже совсем без срока
между обычаям людей.

8—9.09.68

Тупая мечь? Кривая лесь?
Слепая злоба?
Святая честь? И предпочесть —
во мрак, но — в оба,
и всё в глаза, и всё как есть,
и так — до гроба.

19.08.84

Сергей МОРОЗОВ

«Я ВЫМЕТЬ СВОЮ»

Сергей Петрович Морозов (1946—1985) родился и прожил жизнь в Москве. Учился в пединституте, работал в Музее Льва Толстого, экспедитором «Союзпечати», служил в армии на Алтае. Занимался в студии городского Дворца пионеров, участвовал в молодежном сборнике «Час поэзии», посещал поэтические студии А. Тарковского и Д. Самойлова в Союзе писателей. За двадцать лет зрелой поэтической работы напечатал одно стихотворение в журнале «Студенческий меридиан». Если юношеские его стихи слушали сотни людей, то свидетелями поэтической взрослости были четверть-пять человек, к тому же не всегда знавших друг друга. Судьба в те годы нередкая, но от этого ничуть не более легкая. Выдерживал ее не каждый. Сегодня — пусть по крохам — в жизнь и историю входит то, чему было десятилетиями отказано в праве быть. Изменит ли это наше прошлое, отзовется ли в настоящем и как скажется в будущем?

Борис ДУБИН

Грегори МАКДОНАЛЬД

ФЛЕТЧ

— У Стэнвика есть и акции «Коллинз Авиэйшн». Если сложить все вместе, он, возможно, окажется миллионером, хотя и на бумаге. Добыть миллион долларов наличными он не сможет, это вызовет неудовольствие многих людей.

— О, чуть не забыл. Стэнвик и его жена недавно обратили в деньги принадлежащие ей акции на сумму в три миллиона долларов.

— Обратили в деньги?

— В наличные. Кармичел говорит, что они собираются купить ранчо в Неваде, видимо, хотят выбраться из-под каблука Папы Коллинза и начать собственное дело.

— Это идея Стэнвика?

— У Кармичела сложилось впечатление, что предложение исходило от Джоан. По крайней мере лошадей любит она. Знаешь ли, со временем теннис и яхты могут надоесть.

— Не понимаю. Почему наличные?

— Ранчо стоит около пятнадцати миллионов долларов.

— Черт, никак не привыкну к таким цифрам.

— Инфляция, мой мальчик.

— Как может ферма стоить пятнадцать миллионов долларов?

— Фермы могут стоить гораздо дороже.

— Кармичел ничего не говорил о здоровье Стэнвика?

— Нет. Кроме того, что тот отлично играет в сквош. Для этой игры необходима отменная физическая форма. Как-то раз я попробовал, но меня хватило на двадцать минут. Нет, я предпочитаю гольф. А что, Стэнвик болен?

— Это важно?

— Конечно. Я упоминал о кризисе управления «Коллинз Авиэйшн». Сейчас вся тяжесть лежит на Стэнвике. Старик Коллинз может вернуться к работе, но он не такой хороший бизнесмен, как Алан. Он изобретатель, которому немного повезло. Руководить «Коллинз Авиэйшн» должен профессионал. Папа Джон для этого не годится.

— Если пройдет слух, что Стэнвик неизлечимо болен, курс акций упадет?

— Несомненно. Корпорации будет нанесен серьезный урон. Многие начнут искать новое место работы.

— Понятно. Поэтому его болезнь — я имею в виду смертельную болезнь — держали бы в глубокой тайне?

— Абсолютно верно. Он болен?

— Откуда мне знать?

— Хорошо, юный Флетчер, я сказал тебе все, что знал об Алане Стэнвике. Видишь сам, не такой уж мы безденежный штат, как ты пишешь. Денег у нас предостаточно.

— Я понял.

— Стэнвик — умный, знающий парень, к тому же женившийся на дочери босса. Ясно? А теперь, с твоего позволения, я хочу заняться своими делами.

— Спасибо за помощь.

— Я лишь пытался предотвратить появление еще одной дерьмовой статьи. Ради этого можно идти на жертвы.

ГЛАВА 7

Флетч сидел у стола Красавицы в Широкополой Шляпе, миссис Амелии Шэрклифф, редактора светской хроники. О мистере ШэрклиFFE в редакции никто никогда не слышал. Миссис Амелия выбивала на пишущей машинке фамилии присутствующих на последнем звонке обеде и решивших связать себя узами Гименяя.

Наконец, она соблаговолила заметить шестидесятифунтовый объект, примостившийся у ее стола.

— О, Флетч! Ты просто красавец и всегда выглядишь, как того требует мода. Вылинявшие джинсы и тенниска. Даже без ботинок. Обувному институту не понравятся мои слова, и я, естественно, не собираюсь этого печатать, но общий стиль требует именно босых ног. Да, дорогой. Именно так!

— Вы, конечно, шутите.

— Отнюдь, дорогой.

— Скажите об этом Кларе Сноу.

— Клара Сноу. Да что она понимает! Раньше она занималась кулинарными рецептами и, между нами, дорогой, не слишком в них преуспела. Ты не пытался приготовить одно из ее «Рекомендованных блюд»?

— Как-то не приходилось.

— Ужасно, просто ужасно. Нелепая смесь цветов. Однажды ради забавы мы рискнули, я и мои друзья. Кончилось это тем, что на одной тарелке оказались желтый голландский соус, морковь и фиолетовые баклажаны. Такое вульгарное сочетание, что мы ели с закрытыми глазами. О вкусе я и не вспоминаю. Помоему, ее колонка могла иметь успех лишь у слепых полярных медведей.

— Видите ли, теперь она мой редактор.

— Да, я знаю, бедняжка. Если бы она не спала с Фрэнком, ее давно бы выгнали. К сожалению, у Фрэнка тоже отвратительный вкус. Розовые рубашки и алыепочки. Ты когда-нибудь видел его жену?

— Нет.

— Аляповато одетая старая карга. Напоминает мне эскимоса, объевшегося тушеным горохом.

— Вы когда-нибудь говорили ей об этом?

— О нет, дорогой, у меня и в мыслях не было. Я не могу оказаться в постели Фрэнка из-за небольшого роста и избыточного веса, но это не значит, что я имею право оскорблять его жену. Не мое это дело. Честно говоря, дорогой, Фрэнк для меня столь же привлекателен, что и похмелье. Мне нравятся такие, как ты, стройные, загорелые, модные.

— Меня ужасает сама мысль, что вы находите меня модным.

— Но это так, дорогой, честное слово.

— Ну, я в этом не уверен.

— Тебе надо почаще встречаться с Амелией Шэрклифф. Присмотришься к простоте своей одежды. Какие чистые линии, Джинсы и тенниска. Белое и синее. Трудно представить более благородное сочетание.

И ты ходишь босиком даже в редакции. И можешь чувствовать пульс всего города. А одет ты так, словно собрался на сеновал. Очаровательно. Да, именно то, что нужно.

— Я потрясен.

— Кто тебя стрижет?

— Никто.

— Как это никто?

— Когда волосы отрастают, я сам отрезаю лишние.

— Бесподобно. Ты просто душа.

Амелия Шэрклифф была в синем костюме и белой блузке. Корсета она не носила. От многочисленных ленчей и коктейлей у нее появился круглый животик. Крашенные хной волосы гармонировали с румянами на щеках.

— Ладно, Флетч, я понимаю, что ты пришел не для того, чтобы я восхищалась тобой. Кто тебя интересует?

— Алан Стэнвик.

— Джоан и Алан Стэнвик. Удивительная пара. Они прекрасны, умны, здоровы и богаты. Но, честно говоря, они не принимают участия в общественной жизни. Впрочем, он женился на ней ради «Коллинз Авиэйшн».

— Вы так считаете?

— Ну, полагаю, кто-то должен был жениться на ней. А она даже привлекательна, если кому-то нравятся типичные американские блондинки с длинными ногами.

— Лично мне нравятся.

— Я в этом не сомневаюсь. Когда-то я была одной из них. Не очень длинноногой, разумеется, но более женственной. А Джоан Коллинз просто зануда. Да, она увлекается классической музыкой, раз в год устраивает благотворительный банкет в «Ркетс-клубе», сбор от которого идет на обучение виолончелистов или на что-то еще, но не более. Они словно не умеют наслаждаться жизнью; приходят на обеды и коктейли, но никогда не заговорят первыми, пока ты к ним не обратишься. Будто отбывают ненужную, но необходимую повинность.

— Вы не правы, должны же они развлекаться.

— Нет, я думаю, что они слишком заняты для этого и чересчур серьезно воспринимают свое положение в обществе. Я знаю, Алан обожает летать. Но во всем остальном, теннисе или гонках под парусом, он ведет себя так, будто кто-то его заставляет. Быть может, на него давят деньги?

— Не исключено.

— Джон Коллинз, ее отец, очень интересный человек. Умница, красавец. Мне всегда казалось, что я немного влюблена в него. Разумеется, мы с ним принадлежим к одному поколению. Он один из тех, кому удается находить удовольствие в любом деле. К сожалению, его жена любит выпить. А потом начинает буянить. С каждым годом ее все реже выпускают из дому, поэтому Джону так дорога его дочь. Они появляются вместе на всех торжествах, Джоан и ее отец, а Алан Стэнвик, поглощенный работой, иногда приходит под самый конец. Джоан попала в трудное положение, между отцом и мужем. Возможно, поэтому ей так редко удается повеселиться.

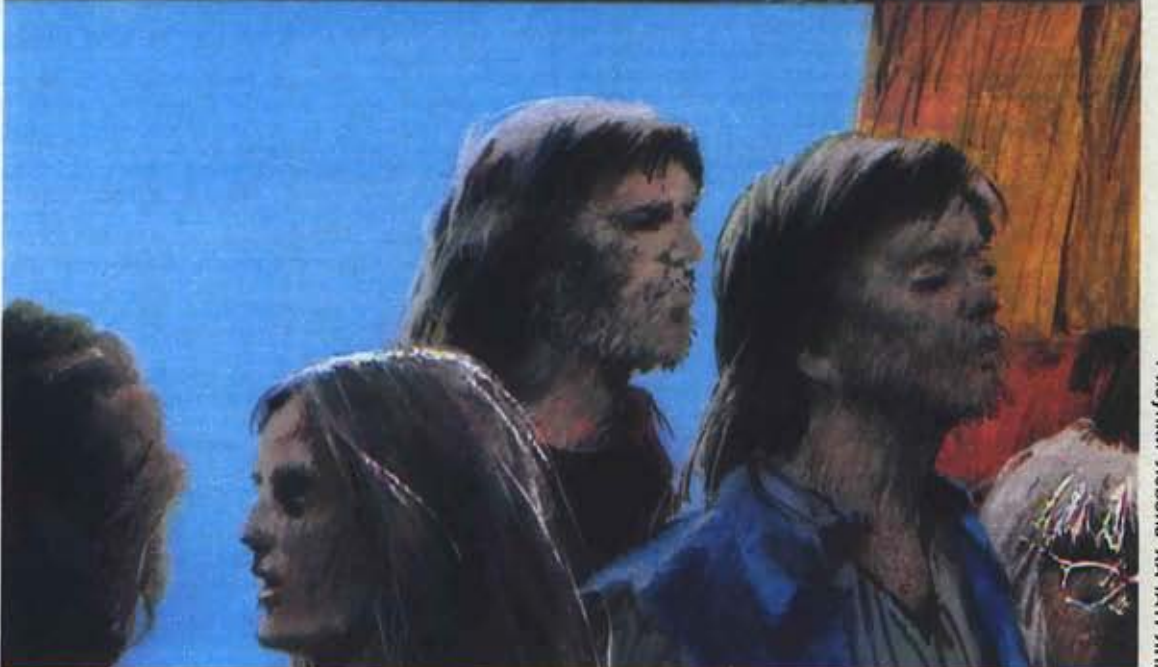

— Он хороший человек.
 — О чем ты?
 — Я хочу сказать, это не магазин или что-то такое.
 Он — Толстяк Сэм. Он — личность. Он заботится о нас.
 — Подумай, сколько ты сможешь получить, если я ограблю его.
 — У тебя ничего не получится. Ты даже не знаешь, где он держит товар.
 — Он никогда не уходит с пляжа и не покидает своей лачуги.
 — Покидает, — возразила Бобби. — Чтобы купить еду.
 — Еду ему приносят. Венди и Карен.
 — Я приносила ему еду.
 — Ты?
 — Когда он давал деньги и говорил, что купить.
 — И куда ты ходила?
 — В супермаркет.
 — Приходила и брала то, что нужно, с полок?
 — Да. А как иначе?
 — Не знаю. Я хотел бы грабануть его. Хотя бы один раз. Вот бы узнать, как попадает к нему товар.
 — Мне все равно. У него хороший товар.
 — Ты говоришь, он ждет следующей партии в ближайшие дни?
 — Да. Он сказал, что его запасы кончаются, но дал мне все, что я могла оплатить. Он добр ко мне.
 — Я бы с радостью его грабанул.
 Флетч как бы невзначай начал подбрасывать бумажник и ловить его. На пол выскользнула фотография.
 — Кто это? — спросила Бобби.
 — Никто.
 Она поставила кастрюльку, подняла фотографию, долго смотрела на нее.
 — Кто это? — повторила она.
 — Один человек. Его зовут Алан Стэнвик. Ты никогда его не видела?
 — Кто он?
 — Когда-то я знал его. До того, как ушел из дома. Однажды он спас мне жизнь.
 — А-а-а. Поэтому ты носишь его фотографию?
 — Я никак не выброшу ее.
 — На обороте написано: «Вернуть в библиотеку «Ньюс-Трибюн»».
 — Я выкрал ее оттуда.
 — Ты не работал в газете?
 — Кто, я? Ты что, шутишь? Как-то я зашел туда с приятелем, случайно увидел эту фотографию на столе и сунул ее в карман. Он спас мне жизнь.
 — Как?
 — Я разбил машину. Она горела, я был без сознания, а он проезжал мимо, остановился и вытащил меня из кабины. Кажется, он живет неподалеку. Ты уверена, что никогда его не видела?
 — Абсолютно уверена.
 — Мне так и не удалось отблагодарить его.
 Бобби протянула фотографию Флетчу.
 — Я хочу спать, Флетч.
 — Хорошо.
 Он снял тенниску, джинсы, погасил свет, забрался в спальник.
 — Тебе действительно двадцать шесть? — спросила Бобби.
 — Да, — солгал он.
 — А мне никогда не исполнится двадцать шесть, правда?
 — Наверное, нет.
 — И что я должна думать об этом?
 — Не знаю.
 — Я тоже.

ГЛАВА 11

«В нашей работе нет выходных», — напомнил себе Флетч, встал, надел шорты и пошел на пляж.
 Кризи лежал на спине, заложив руки под голову. На песке еще блестела роса. Лачуга Толстяка Сэма отбрасывала длинную тень.
 — Что происходит, парень? — Кризи даже не взглянул на Флетча.
 — Ничего особенного.
 — Мне холодно. Хочу есть. Не подкинешь на хлеб?
 — Двенадцать центов. — Флетч достал из кармана монетки и бросил их на песок рядом с Кризи.
 Тот хмыкнул. Двенадцать центов не произвели на него никакого впечатления.
 — Ты же мастер по магазинным кражам, — сказал он.
 — Детективы уже знают меня.
 — Надо сменить поле деятельности, парень. Навести соседние города.
 — А как я привезу добычу для продажи?
 — Мотоциклисты не слишком щепетильны. Им не впервой подвозить человека с тремя портативными телевизорами. — Кризи расхохотался. — Когда-то я умел грабить квартиры. У меня даже были инструменты.
 — И что случилось?
 — Меня ограбили. Какой-то мерзавец украл инструменты. Подонок.

— Право, это забавно.
 — Мне было не до смеха.
 — Жаль, что ты не смог обратиться за страховкой.
 — Да и сил у меня уже нет.— Кризи потянулся.— Я старею, парень.
 — Ты, должно быть, принял вчера не то, что следовало.
 — Ничего подобного. Прошлая ночь была для меня звездной дорогой.
 Не так давно Кризи был ударником в рок-группе. Большая нью-йоркская компания, выпускающая пластинки, вложила в них сто тысяч долларов и за один год получила три с половиной миллиона прибыли. Кризи барабанил, путешествовал, не отказывая себе ни в спиртном, ни в женщинах, ни в наркотиках. Год спустя на его счету было шесть тысяч долларов, а сам он напоминал выжатый лимон. Компания заменила его ударником из Арканзаса. Кризи только обрадовался такому исходу: работать он больше не хотел.
 — Я, бывало, обчищал дома вдоль побережья. Иногда забирался на холмы. В дом одного бедолаги я вламывался семь раз. Он всегда покупал именно то, что было украдено. Даже не менял фирму. Стереосистему RCA, телевизор Sony, фотоаппарат Nikon. И расставлял все на прежние места. Мы словно придумали новую игру. Он покупал вещи и приносил в дом, а я их забирал. Чудесно. Когда я пришел в восьмой раз, дом оказался пуст. Он решил, что с него хватит, и смылся.
 — А сейчас у тебя нет сил даже на это?
 — Нет, это же работа. Я лучше полежу на пляже.
 — Где ты возьмешь монеты?
 — Я не знаю, парень. Не знаю.
 — Толстяку Сэму надо платить.
 — Надо.— вздохнул Кризи.— Сукин он сын.
 — Интересно, где он берет товар?— задумчиво произнес Флетч.
 — Я ничего об этом не знаю,— ответил Кризи.
 — Я и не спрашиваю.
 — Я бы грабанул его не задумываясь. Тогда у меня были бы свои запасы. А он найдет, где взять. Но этот сукин сын никогда не уходит с пляжа. По крайней мере я не видел. Никак не могу раскусить его.
 В последний раз, когда Толстяк Сэм заявил собравшимся наркоманам, что у него ничего нет, Флетч устроился на песке неподалеку от лачуги Толстяка и наблюдал всю ночь. Он говорил с каждым, кто приближался к ней. То были сплошь наркоманы. Ни один из них не мог принести товар.
 Но в половине двенадцатого утра прошел слух, что Толстяк Сэм, не покидавший лачуги, вновь начал торговлю. Без всяких ограничений. Так оно и было. Паника кончилась.
 — Он колдун,— сказал Кризи.— Чертов колдун.
 — Тут ты прав. Бобби говорит, что его запасы подходят к концу.
 — Да. Он ввел ограничения, но я не волнуюсь. Неужели ты думаешь, что он не достанет товар? Он всегда его достает. И всегда вовремя. Иногда, день или два, он продает меньше, чем обычно, но потом все возвращается на круги своя. И товар приносят.
 — Я не сомневаюсь, что товар он получит,— кивнул Флетч.
 — Получит наверняка. Послушай, Флетч, а ты заметил, что полиция все время хватается одного и того же малого?
 — Да.
 — Это забавно. Одного и того же малого.
 — Он из местных. Монтгомери.
 — Гамми Монтгомери.
 — Его отец — большая шишка в этом городе.
 — Каждые десять дней, максимум две недели, его забирают и допрашивают. Всю ночь наставляют на путь истинный, а утром отпускают. Он прямоком бежит к Толстяку Сэму за новой дозой.
 — Вероятно, он никого не выдает.
 — Конечно. Иначе нас всех отправили бы за решетку. О парень, ты не представляешь, как глупы полицейские.
 — Их заботят только местные подростки. Отец Монтгомери — директор школ округа или что-то в этом роде.
 — Они знают, что мы ничего не скажем, поэтому всегда хватают этого малого и пытаются выбить из него правду. Забавно. Забавно.
 — Кризи, у тебя прорезалось чувство юмора.
 — Я провел изумительную ночь. Звезды спустились вниз и говорили со мной.
 — И что они сказали?
 — «Кризи, ты избранник божий. Ты поведешь людей в море».
 — Мокрый у тебя вышел сон.
 — Да. Мокрый.
 — Я должен встретиться с одним человеком.
 — А я должен украсть деньги.
 Кризи не пошевелился. Он смотрел в море, куда должен был повести людей после очередной дозы героина.

Флетч, скрестив ноги, сидел в тени лачуги Ватса. Сам Ватса, скрестив ноги, сидел внутри.
 — Несколько красненьких,— попросил Флетч.
 — Таблеток нет,— ответил Ватса.

— У меня двадцать долларов.
 — Жду новую партию. Поболтайся поблизости.
 — Мне надо сейчас.
 — Я понимаю.— Флетч никогда не встречал более добрых глаз.— Ничего нет. Осталось чуть-чуть героина.
 — Дерьмо.
 — О вкусах не спорят. Как Бобби?
 — Спит.
 — Ты ей небезразличен, Флетч. Она приходила вчера вечером.
 — Я знаю.
 — Она ужасно выглядит.
 — И что?
 — Почему бы тебе не увезти ее отсюда?
 — Ты думаешь, Гамми заговорит?
 Глаза Ватса на мгновение сверкнули.
 — Думаю, что нет.
 — Почему нет? Они все время бьют его.
 — Пока он не заговорил.
 — Почему они постоянно забирают именно его?
 — Он местный. Его можно прижать. Допрашивая одного и того же подростка, они рассчитывают, что в конце концов заставят его дать показания. Я с этим уже сталкивался.
 — Как ты думаешь, они сломают его?
 — Сомневаюсь. Он ушел слишком далеко. Он ничего не чувствует.
 — Как мы узнаем, что он заговорил?
 — Люди в синей форме с большими дубинками спускаются с неба, ангелы-мстители Общества, и солнечные лучи будут отражаться от их сверкающих шлемов.
 — Как мы узнаем, что они придут?
 — Они не придут. Поверь мне, Флетч. Все будет хорошо. Тебе нечего бояться.
 — Толстяк Сэм, я слышал, тебя хотят ограбить.
 — Кто?
 — Не могу сказать.
 — Кризи? Сейчас ему трудно даже ходить.
 — Не Кризи. Кто-то еще.
 — Кто хочет ограбить Ватсаюну?
 — Он говорит, что знает, откуда ты получаешь товар.
 — Этого не знает никто.
 — Он говорит, что ты получаешь товар прямо на пляже. Что кто-то приносит его тебе. Это правда?
 — Сынок, правды не существует.
 — Он говорит, что в следующий раз, когда ты будешь получать товар, он придет к тебе забрать и товар, и монеты.
 — Ничего у него не выйдет.
 — Как ты получаешь товар?
 — Я молюсь, и он появляется у меня. Ты хороший парень, Флетч, только не слишком умный. Тебе говорили об этом раньше?
 — Да.
 — Я так и думал. Никто не будет грабить Ватсаюну.
 — Это возможно? Тебя могут ограбить?
 — Никогда. Никак. Расслабься. Завтра к полудню у меня будут красненькие. Ты дотянешь?
 — Дай мне то, что у тебя осталось.
 — Дай мне двадцатку.
 — Никто не захочет грабить тебя, Сэм.
 — Если это случится, товара больше не будет.
 — Никто не хочет, чтобы это случилось.
 — Разумеется, никто.

Флетч включил вентилятор под потолком телефонной будки, чтобы заглушить шум транспорта.
 — Миссис Стэнвик, пожалуйста.
 — К сожалению, миссис Стэнвик нет. Что-нибудь ей передать?
 — Мы звоним из «Рэкетс-клуба». Вы не знаете, где может быть миссис Стэнвик?
 — Но она должна быть там, сэр, то есть в клубе. Она играет сегодня утром и останется на ленч. Думаю, она хочет встретиться с отцом.
 — Она и сейчас в клубе?
 — Да, сэр. Она предполагала провести там весь день.
 — Мы поищем ее. Извините за беспокойство.
 Как обычно, в субботнее утро дорога вдоль побережья была забита машинами. Флетч зашел в универсам и купил новую тенниску, пару белых носков и теннисные шорты.
 — Вы — Джоан Стэнвик, не так ли?
 Она сидела за столиком для двоих, глядя на теннисные корты. Перед ней стоял полупустой бокал мартини со льдом.
 — Да, а что?
 — Я не видел вас с самой свадьбы.
 — Вы друг Алана?
 — Мы вместе служили в авиации,— ответил Флетч.— В Сан-Антонио. Мы с Аланом не встречались уже много лет.
 — И тем не менее вы меня узнали.
 — Разве вас можно забыть? Вы не возражаете, если я сяду?
 — К сожалению, у меня не такая хорошая память, как хотелось бы,— улыбнулась Джоан.— Я не могу вспомнить, как вас зовут.
 — Не только вы,— ответил Флетч.— У меня самая

незапоминающаяся фамилия на свете. Атреламенски. Джон Атреламенски.
 — Джон мне вполне по силам.
 На столе лежал фотоаппарат «ПолярOID».
 — Вы живете в этом округе, Джон?
 — Нет. В Батте, Монтана. Я здесь по делам. Улетаю сегодня днем.
 — И какие же у вас дела?
 — Мебель. Мы обставляем гостиницы.
 — Понятно. Жаль, что вы не застали Алана. Он на авиационном конгрессе в Айдахо.
 — Алан все еще летает?
 — Постоянно.
 — В отличие от остальных он всегда любил летать. Я никогда не забуду, как он спикировал на жилой дом в Сан-Антонио, выполняя тренировочный полет.
 — Спикеровал на жилой дом?
 — Он никогда не говорил вам об этом? От ударной волны вылетели стекла. Вмешалась полиция. Командование сурово наказало его.
 — Мужья рассказывают далеко не все.
 — Думаю, он стеснялся этой истории.
 — Как приятно встретиться со старым другом Алана. То есть встретиться вновь. Расскажите мне что-нибудь еще.
 — Другие его проступки мне неизвестны. Мы были не очень близки. Я случайно столкнулся с Аланом, приехав в ваш город неделю назад, и он пригласил меня на свадьбу.
 — Но вы моложе моего мужа.
 — Ненамного. Мне тридцать.
 — Я бы дала вам гораздо меньше.
 — Торговля мебелью полезна для здоровья.
 — Алан будет сожалеть о том, что разминулся с вами.
 — Я в этом не уверен.
 — О!
 — Мы слегка поцупались на вашей свадьбе.
 — Почему?
 — Я нелестно отозвался о большом бизнесе, а Алану это не понравилось.
 — Как вы могли? — В ее глазах заиграли веселые искорки.
 — Тогда я был моложе и не получал зарплату в большой корпорации.
 — Наверное, вы что-то сказали о женитьбе на дочери босса.
 — Нет. А это так?
 — Он женился на дочери босса, то есть на мне. Это у него больное место. Возможно, поэтому он так и рассердился.
 — Я этого не знал. Полагаю, тогда я дал маху.
 — Ерунда. Бедняга Алан отдает все свободное время, доказывая всем и вся, что он женился на мне ради меня, а не папочкиной компании.
 — Он работает у вашего отца?
 — Сейчас я даже не знаю, кто у кого работает. Алан ведет дела. Отец организует теннисные турниры. Откровенно говоря, отец делает то, что говорит ему Алан.
 — Алан всегда казался мне деловым человеком.
 — Особенно теперь.
 — А где он работает?
 — «Коллинз Авиэйшн».
 — Никогда не слышал об этой фирме. Извините.
 — Вы и не могли о ней слышать, если далеки от авиации. «Коллинз Авиэйшн» производит различные узлы, из которых другие корпорации собирают самолеты.
 — Не какая-нибудь химчистка?
 — Отнюдь.
 — Видите, как я плохо разбираюсь в бизнесе. Я даже не слежу за курсом акций на бирже.
 — Акции «Коллинз Авиэйшн» практически не продаются. Они принадлежат нам.
 — Все акции?
 — Нам и нескольким друзьям семьи. Семейному врачу, однокурснику отца в Гарварде, с которым он жил в одной комнате студенческого общежития... таким вот людям. Все богаты, как кресы.
 — Как мило.
 — Действительно неплохо, когда все твои знакомые богаты. Никогда не возникает спора, кому платить за выпивку.
 — Заказать вам еще коктейль?
 — Почему бы и нет?
 Флетч кликнул официанта:
 — Мартини со льдом, пожалуйста, и апельсиновый сок с водкой.
 — Сию минуту, миссис Стэнвик,— ответил официант.
 — «Рэкетс-клуб» — любимое детище отца. Он разве что не строил клуб своими руками. Если хотите знать, «Рэкетс-клуб» — основной держатель акций «Коллинз Авиэйшн». Даже стул, на котором вы сидите, разрабатывался, возможно, для зала ожидания аэропорта в Олбани. В Олбани есть аэропорт?
 — Олбани, штат Нью-Йорк?
 — Да.
 — Кого это волнует?
 — Логично. Кого волнует Олбани в штате Нью-Йорк?

— Разве что тех, кто там живет.
— Разве что их. Это точно. Обычно я не пью мар-
тини после игры в теннис.
— А чем вы обычно занимаетесь после тенниса?
— Всем понемногу. Алан часто в отъезде. По поне-
дельникам и средам он никогда не приходит домой
раньше одиннадцати ночи. Дела, дела, дела. А вот
и наши коктейли.
— Ваш бокал, миссис Стэнвик, — поклонился офи-
циант.
— За дела! — подняла тост Джоан.
— По понедельникам и средам он не приходит до-
мой раньше одиннадцати? — повторил Флетч.
— Бывает, что и позже. По четвергам заседания
правления клуба. Это даже удобно, четверг — выход-
ной день у слуг. Мы с Джулией ужинаем в клубе.
Джулия — моя дочь. Вы ее еще не видели. Чем зани-
мается Алан по четвергам, я не знаю. А вот вторники
мы проводим вместе. Он очень внимателен ко мне по
вторникам.
— Помнится, Алана ранило в Азии.
— Да, у него шрам на животе и «Пурпурное сердце».
— Сейчас с ним все в порядке?
— Конечно. Он в полном здравии.
— Неужели?
— А что вас удивляет?
— Он всегда боялся заболеть раком и называл
сигареты раковыми палочками.
— Что-то я этого не заметила.
— У него не было рака?
— О господи. Даже не упоминайте этого слова.
— Потрясающе.
— Что именно?
— То, что он не болен раком.
— Он не так много курит. Да и вы, Джон, как вас
там, по-моему, не можете пожаловаться на здоровье.
— Я не был в Азии.
— Вы, похоже, в отличной физической форме.
— Оверфлайт.
— Что?
— Оверфлайт. Я пытаюсь вспомнить фамилию ша-
фера Алана. Овер...
— Эберхарт, Берт Эберхарт.
— Точно. Мне он показался отличным парнем. Он
все еще здесь?
— Ну и память у вас. Он все еще здесь. Толстый
и лысеющий. Живет на побережье. Виззард-роуд. Же-
нат на какой-то выскочке. Трое отвратительных детей.
У него страховая компания.
— Страховая компания?
— Да. Сам Алан, «Коллинз Авиэйшн» и даже этот
клуб застрахованы у него. Благодаря Алану он хорошо
обеспечен. Они дружат еще с Колгейта.
— Учитывая полеты Алана, он наверняка дерет
здоровенные взносы.
— Это такая глупость. Мой отец хотел, чтобы через
ежемесячные взносы, которые приходится выплачи-
вать Алану, тот осознал, как дорога его жизнь. Он
пытался заставить Алана отказаться от полетов после
рождения дочери. Ничего не вышло. Алан платит стра-
ховку и не упускает ни единой возможности подняться
в небо.
— Взносы платит Алан? Не компания?
— В нашей семье слово «компания» означает «мой
отец». Алан обязан страховаться, но за страховку
должен платить сам. Так решил отец. Жаль, правда,
что его усилия ни к чему не привели.
— Из того, что вы рассказали, я понял, что Алану
просто необходима разрядка.
— Для этого есть клуб.
— Я думаю, летая, он снимает нервное напряже-
ние, — заметил Флетч.
— А других доводит до инфаркта. Я не хочу даже
думать, на чем он летает в этот уик-энд. Для развле-
чения, как вы говорите. Во всяком случае, на самолете
это непохоже. Скорее, это какие-то варварские
орудия, которыми перебрываются дикари. Ужасно.
— Должно быть, вам с ним нелегко.
— Хотя бы он перестал летать.
— Меня давно занимал один вопрос.
— Отец опаздывает на ленч.
— Он должен прийти?
— Двадцать минут назад.
— Пожалуй, мне пора.
— Нет, нет. Ему будет приятно познакомиться
с вами. Друг Алана и все такое. Так что вас занимало?
— Почему на свадьбе не было родителей Алана?
— Родителей Алана?
— Да.
— Они ему совсем чужие. Он никогда не видится
с ними.
— Никогда не видится?
— Вас это удивляет?
— Да, конечно. Мне казалось, что они были очень
близки.
— Нет. Он их ненавидит. Так было всегда. Я с ними
ни разу не встречалась.
— Неужели это правда?
— Вы перепутали Алана с кем-то еще.
— Я-то был уверен, что Алан регулярно навещает
родителей. По меньшей мере раз в полтора-два меся-
ца.
— Только не Алан. Родители всегда давили на него.

Я думаю, переломом стал турнир «Золотые перчатки».
— «Золотые перчатки»? Я помню. Алан занимался
боксом.
— Занимался, потому что отец заставлял его. Каж-
дый день после уроков он шел в подвал и тренировал-
ся до ужина. Ему пришлось участвовать в первенстве
штата. Он возненавидел бокс. И отказался ехать на
национальный чемпионат. С тех пор он и его отец не
разговаривают.
— Я, должно быть, все перепутал.
— Должно быть. Он всегда говорил, что его мать —
неврастеничка. Почти не встает с постели.
— И вас не интересовали родители Алана? Вы не
хотели с ними встретиться?
— Нет, если Алан говорит правду. А в этом-то я уве-
рена. Поверьте мне, дорогой, у окружающих меня лю-
дей достаточно трудные характеры, так что мне не
хочется обременять себя и родственников мужа.
— Понимаю.
При появлении интересного, представительного
мужчины лет пятидесяти с небольшим, одетого в лег-
кие белые брюки и синий блейзер, павильон оживился.
Ему махали руками. Мужчины, сидевшие за ближайши-
ми к двери столиками, вставали. Женщины лучезарно
улыбались. Старший официант, радостно кивая, затру-
сил навстречу.
— Это мой отец, — прокомментировала Джоан.
— Да, — кивнул Флетч. — Я его узнал.
— Не огорчайтесь, если он не вспомнит вас.
— Почему он должен меня помнить?
— Потому что ты красавец. Я вся горю. Тебе дей-
ствительно нужно уезжать сегодня?
— Я должен вернуться вечером.
— Но завтра воскресенье.
— Послушайте, у вас с Аланом должно быть какое-
нибудь местечко, куда вы можете поехать и остаться
вдвоем. Только вы и больше никого.
— Ранчо.
— Что?
— Алан покупает ранчо. В Неваде. Для нас.
— Отлично.
— Что тут отличного? Это ужасно. Кому нужно ран-
чо в Неваде?
— Таких немало.
— Ребенком я провела лето на ранчо. Жара, пыль,
грязь. Скука. Невероятная скука. Все мужчины словно
сухие крендельки, посыпанные солью. А как они гово-
рят! Каждое слово тянется, как резинка, а конец
предложения ясен уже с самого начала. Речь заходит
только о четвероногих. Нет, любоваться коровами —
это не для меня.
— Тогда зачем вам ранчо?
— Алан хочет его купить. Я там еще не была. Алан
настаивает, чтобы мы полетели туда на следующий
уик-энд.
— На следующий уик-энд?
— Можешь представить, с каким ужасом я жду
этого дня.
— Но там вам удастся побыть вдвоем.
— Черта с два. За домом есть взлетная полоса. Это
мне уже известно. Так что Алан вновь будет улетать
по важным делам, а мне придется глядеть на коров
в обществе просоленных сухарей в джинсах.
— Так откажитесь. Отговорите Алана от покупки.
— Через неделю он должен внести задаток. Налич-
ными.
— Наличными?
— Да. Разве это не безумие? Наличные. Он сказал,
что люди там признают только те деньги, за которые
могут поддержать руками. Если он привезет налич-
ные в бумажном пакете или чемодане и вывалит их на
стол, то сможет выгадать какие-то проценты.
— Они не могут быть такими дикарями.
— Это же Невада, дорогой. Откуда нам знать, что
может понравиться сухарю в джинсах, думающему
лишь о коровах. О, папа!
Флетч встал.
— Это старый друг Алана. Они вместе служили
в авиации. Джон...
— Яменералески, — продолжил Флетч, пожимая
руку отцу Джоан.
— Рад познакомиться с вами, мистер Яменерале-
ски, — улыбнулся Джон Коллинз. — Оставайтесь с нами
на ленч.

Глава 13

Флетч принес стул от соседнего столика и сел. Джон
Коллинз устроился напротив дочери. В час дня на
кортах, залитых солнцем, не было ни души. Игроки
перекочевали в павильон.
Джоан убрала фотоаппарат.
Джон торгует мебелью, папа. Он из Грэнд Рей-
лидс, штат Мичиган.
— Из Батта, Монтана, — поправил ее Флетч.
— О?
Флетч выбрал верный путь. Мало того, что никто не
мог запомнить его фамилию, ни отца, ни дочь не
интересовали ни торговля мебелью, ни городок Батт
в штате Монтана. Он мог не сомневаться, что к зав-
трашнему дню о его существовании забудут раз и на-
всегда.

— Мартини перед ленчем? — укоризненно спросил
Джон Коллинз.
— Я собиралась поспать днем, — ответила Джоан,
глядя на Флетча.
— Хорошо, что хоть Джон пьет апельсиновый сок.
— Он с водкой.
— А-а. Понятно. От большого количества этой сме-
си утром болит голова. — Джон Коллинз широко улыбу-
нулся. — Вы играете в теннис, Джон?
— Очень плохо, сэр. Теннис — прекрасная игра, но
у меня так мало свободного времени.
— Вы должны находить время, чтобы наслаждаться
жизнью и заботиться о своем здоровье. Это лучший
способ успеть все сделать.
— Да, сэр.
— Разумеется, при этом неплохо иметь весьма спо-
собного зятя, который продолжает ваше дело. Иногда
у меня возникает чувство вины из-за того, что я играю,
а Алан работает. Откуда вы знаете Алана?
— Мы вместе служили в авиации. В Техасе.
— Джон сказал, что Алан однажды спикировал на
дом. В Сан-Антонио. Он говорил тебе об этом, папа?
— Естественно, нет.
— Мы тогда были лейтенантами, — ввернул
Флетч. — Его сурово наказали. Полагаю, мне следовало
умолчать об этом.
— Наоборот, — возразил Джон Коллинз. — Нам дав-
но пора узнать о проступках Алана. Теперь мы приж-
дем его к стенке. Может, он еще что-нибудь натворил?
— Нет, сэр.
— На этот уик-энд он отправился в Айдахо, испыты-
вает чей-то экспериментальный самолет. Вы все еще
летаете?
— Только с билетом в кармане.
— Молодец. Как я хочу, чтобы Алан прекратил эти
полеты. Он играет слишком важную роль в жизни
многих людей, чтобы идти на такой риск. Вы были
с ним за океаном?
— Нет. Меня послали на Алеутские острова.
— О!
Флетч улыбнулся. Плевать они хотели и на Алеуты.
Без всякого заказа Джону Коллинзу принесли сэнд-
вич с запеченным сыром и бутылку эля.
— Что вы будете есть? — спросил он.
— Сэндвич с цыпленком, — ответила Джоан, — под
майонезом.
— А мне с сыром, — добавил Флетч. — И бутылку
пива.
— Вы приняли правильное решение, порвав с авиа-
цией, — заметил Джон Коллинз.
Флетч рассмеялся.
— Мне нравится продавать мебель.
— Дело в том, что Алану необходима молодежь, —
продолжил старший Коллинз. — Друзья, Люди, на кото-
рых он мог бы положиться. А его окружают одни
старики, начинавшие работать еще со мной. Я все
время твержу ему, что пора отправиться на пенсию,
но он слишком порядочен. Лучше, говорит, их брюзжа-
ние, чем новички, которые придутся не ко двору.
— Папа, он ничего такого не говорил.
— Ну, сказал бы, будь у него чувство юмора.
— У него великолепное чувство юмора. — Джоан
бросилась защищать мужа.
— Он хоть раз рассмешил тебя? — настаивал на
своем Джон Коллинз. — Когда это было?
— Ну, на днях он говорил с Джулией. Не помню
о чем. Кажется, насчет того, что пора спать.
— Шутник, — вздохнул Коллинз. — Мой зять — шут-
ник. Когда вы служили в Техасе, у него было чувство
юмора?
— Алан оставался серьезным при любых обстоя-
тельствах, — ответил Флетч.
— Меня беспокоят люди, лишенные чувства юмора.
Они все воспринимают на полном серьезе. Тут и до
самоубийства недалеко.
— Если сигареты не покочат с ними раньше.
— Что? — Джон Коллинз наклонился к Флетчу.
— Сигареты. Алан всегда боялся заболеть раком.
— Алан никогда не говорил мне об этом, — возрази-
ла Джоан.
— Должно быть, привык. Или преодолел страх.
— Все должны бояться рака. У него болел кто-
нибудь из родственников? Хотя откуда нам знать? Мы
никогда не встречались с его семьей. Надо бы выяс-
нить, живы ли они.
— Алан не говорит о них, — пояснила Джоан. — Мне
кажется, он даже не переписывается с ними.
— Я его не виною, — продолжил Джон Коллинз. —
Только мерзавец может заставлять сына заниматься
боксом. Глупейший вид спорта. Алан мог бы стать
выдающимся теннисистом, начини он пораньше. А ему
пришлось тратить время черт знает на что. Я считаю,
что отец, заставляющий заниматься сына боксом, же-
лает его скорейшей смерти.
— Ты сегодня в блестящей форме, папа. Один афо-
ризм лучше другого.
— Почему бы и нет? Такая приятная компания. Его
отец так и не понял, что Алан очень умен. Просто
чудо, что ему не вышибли мозги.

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА

Продолжение следует.

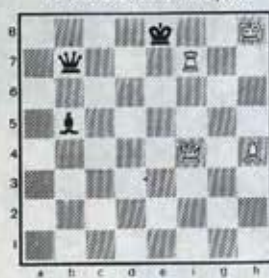

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

**Итоги конкурса
составления задач-миниатюр
Двухходовки, 1987—1989**

Ввиду отсева большого количества неоригинальных и дефектных композиций из числа присланных на наши конкурсы было решено объединить их в один. Публикуем предварительные итоги.

**I приз
В. Зиновьев
г. Усть-Каменогорск**

Редкая для миниатюры дуэль двух ферзей. Отличное вступление в ложном следе (1. Фg4? Фe7!) и в решении (1. Фg5!) с жертвой ладьи приводит к простой перемене матов.

**II приз
В. Мельниченко
г. Котовск**

В изящной форме представлено чередование вступительного и матующего ходов в ложном следе и решении — так называемая тема Салазара. 1. Ce4? Ch5 2. g4x, красиво опровергается — 1...Cf5! Решает 1. g4! Ch5 2. Ce4x, 1...Cf5 2. Фh6x.

**III приз
Е. Перетяка
г. Краснослободск**

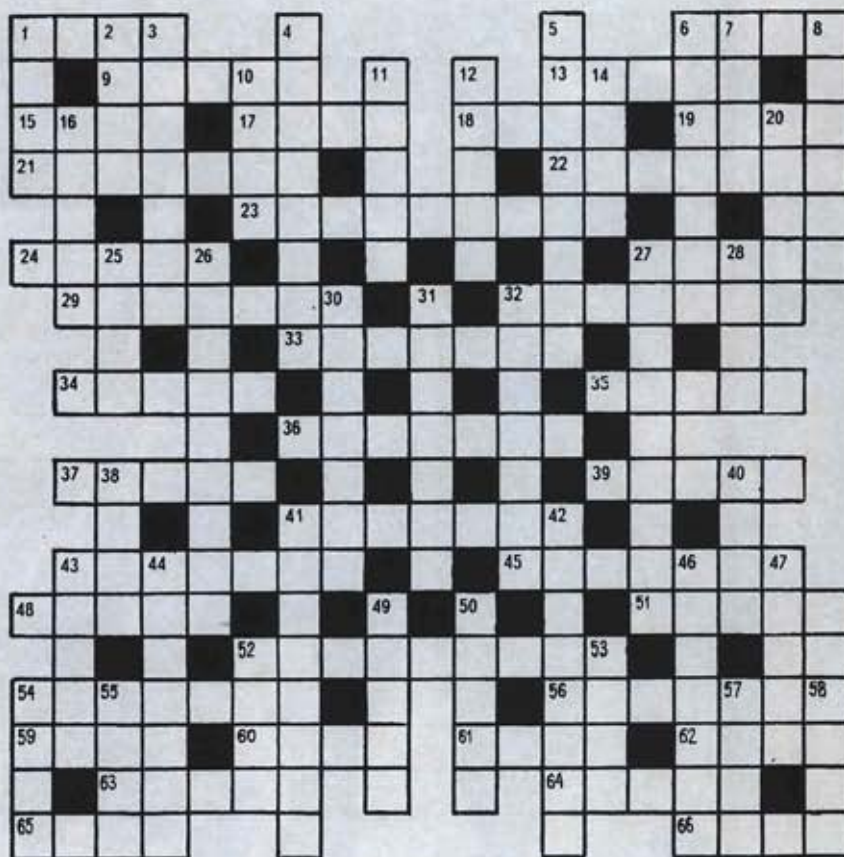
Здесь также представлена тема Салазара, но опровержение ложного следа (1. Kh3? Kph4 2. Fe1x) грубее, чем в предыдущей задаче: 1...Kph2! Решение: 1. Fe1! Kph4 2. Kh3x, 1...Kph2 2. Fe5x.

Задачи, получившие другие отличия в конкурсе, будут опубликованы в следующем номере журнала.

Замечания по итогам конкурса следует присылать в течение двух месяцев после их публикации.

КРОССВОРД

Составил А. Дуло, Симферополь

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Заготовка для прокатки стального листа. 6. Африканская корова, чье молоко вдвое жирнее, чем у обычной. 9. Каждый из персонажей перед младенцем на известной картине А. Дюрера в галерее Уффици. 13. Одно из русских названий баловника, повесы. 15. Дефект стальной или чугунной детали. 17. Таксомотор, помешавший Козлевицу в «Золотом тельнике» заняться частным прокатом в Москве. 18. Любимое место купания свиней. 19. Единица силы. 21. Ювелирный оплин. 22. Русский математик, один из организаторов Киевского физико-математического общества. 23. Реакционный политический деятель. 24. Место действия операции «Ы» в одноименном кинофильме. 27. «Упаковка» ольховых семян. 29. А. Т. Болотов — первый русский... 32. Высокоразвитая ткань растений. 33. Металл, из которого сделана люстра в Успенском соборе Московского Кремля. 34. Вторая по населению страна в мире. 35. Малыш. 36. Птичка, прилетающая зимовать из тайги и тундры в среднюю полосу России. 37. Правый приток реки Св. Лаврентия. 39. Двукратный спаситель джинна в книге Л. Лагина «Старик Хоттабыч» по возрасту. 41. Операция в швейном деле. 43. Водовод на плотине. 45. Охотничий прибор. 48. Прежде — вогулы, сейчас — ... 51. Самое жаркое место в русской бане. 52. Сотая часть бальбоа, песо и эскудо. 54. Многогранник. 56. Трагедия Еврипида, в которой божественное начало утрачивает власть над людьми. 59. Степень родства. 60. Второе по всеядности после козы домашнее животное. 61. Весь мир одевает, сама нагишом (загадка). 62. Строфа из девяти строк. 63. Венец персидского царя. 64. Турецкая кофейня в рассказе А. Куприна «Белый пудель». 65. Древний город, погубители которого въехали в него в деревянном коне. 66. Обаяние, очарование.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Связка хлебных стеблей. 2. Клен с текстурой «паулинье дерево». 3. Первый президент Республики Великая Колумбия. 4. Самая красивая часть стебля. 5. Качество, проявленное пожарниками при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. 6. Поручение. 7. Персонаж в опере Б. Сметаны «Проданная невеста». 8. Змея, известная крепкими объятиями. 10. Металл, способный резать стекло. 11. Драгоценный камень, очень чувствительный к серной кислоте. 12. Роман Чингиза Айтматова. 14. Типографский сплав. 16. Головной убор в России и Франции. 20. Деталь стола, стула. 25. Ипостась Ноздрева в «Мертвых душах» Н. Гоголя. 26. Итальянский композитор, мечтавший стать архитектором. 27. Веревочная лестница с деревянными ступенями. 28. Дорога, по которой чумаки возили соль из Крыма. 30. Финансист Доверие как покровитель Бомарше. 31. Дорожный строительный материал. 32. Механизм для установки тюбинговой крепи при строительстве метро. 38. Лодка запорожских казаков. 40. Животное, личный «транспорт» египетского фараона. 41. В СССР — заказник, во многих других странах — ... 42. Турецкая монета. 43. Музыкальный инструмент с флигелем в «сапожке». 44. Ведомство, где должна править только Фемидка. 46. Соперник коростеля в умении быстро бегать среди трав. 47. Герой книги А. Милна «Винни-Пух и все-все-все», прототипом которого был сын писателя. 49. Титан. По его изображению назвали географические карты. 50. Греческий драматург, многие элиты заимствовавший у Гомера. 52. Нутряное сало. 53. Драгоценный камень. Древние считали, что он может сделать человека невидимкой. 54. Город у моря. 55. «Красное» время года. 57. Синоним винограда. 58. Половина игры в футбол.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ОПУБЛИКОВАННЫМ В № 20

По горизонтали:

1. Заяц. 3. Хвощ. 7. «Паяцы». 11. Еготов. 13. Дачник. 14. Голландия. 15. Чужак. 17. Анреп. 19. Буря. 22. Энсор. 24. Лозанна. 26. Овощ. 27. Неон. 28. Вавилов. 29. Лесс. 30. Шниц. 31. Бисквит. 33. Пиля. 35. Тулес. 38. Район. 41. ... нервы. 43. Кустодиев. 45. Мальва. 46. Цинция. 47. Школа. 48. Луна. 49. Бязь.

По вертикали:

1. Змея. 2. Ядозуб. 4. Винтер. 5. Щека. 6. Могар. 8. Арль. 9. Цинк. 10. Фаян. 12. Вокал. 13. Диана. 16. Жуковский. 18. Робеспьер. 20. Нотация. 21. Забияка. 22. Энеолит. 23. Рояль. 25. Юница. 31. Бенуа. 32. Тунец. 33. Павлин. 34. Локва. 36. Левин. 37. Свинья. 39. Стук. 40. Идол. 42. Ямал. 44. Рябь.

Пролетарии
всех стран
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1499) НОЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Оформление
Александра КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.09.89.
Подписано к печати 02.10.89.
А 00372. Формат 70 × 108.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1244.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок Отделы
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического
воспитания.
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

« ПО КОНЯМ ! »

К этой команде здесь готовы всегда. Готовы и люди — бойцы кавалерийского батальона, старейшего в Москве милицейского подразделения, и кони — орловской рысистой, буденновской и донской пород.

Антон АРИНИН

Еще 10 лет назад всадники в милицейской форме отправлялись к месту несения службы верхом. С тихой улочки, где расположено подразделение патрульно-постовой службы, разъезжались, цокая копытами, в Лужники, Серебряный бор, Измайлово, Сокольники... Зрелище привлекательное, но уж больно накладное. Прощая копытами, скажем, до Лужников и обратно (а это 36 километров!), кони напрочь стесывали об асфальт подковы. Отказаться от конных маршей пришлось еще и по причине недостаточной оперативности. Сейчас используются специальные фуры западногерманской фирмы «Крамер» на 9 голов каждая.

(Кстати, о фурах. Те, западногерманские, что «перепали» конной милиции с обильного «стола» Олимпиады-80, малопомалу приходят в негодность. А цены нынешние кусаются: один кузов стоит ни много ни мало — 100 тысяч долларов.)

Меня не покидала мысль о том, что содержание в Москве кавалерийского батальона (3 взвода по 35 лошадей стоимостью до 10 тысяч рублей за голову) не что иное, как дань традиции. Да и расположенные подразделения — целый городок красного кирпича, отстроенный пленными

немцами в готическом стиле, — не показухи ли ради? Любили бывать здесь с делегациями генералы Щелоков, Чурбанов...

— Петр Макарович, — обращаюсь к командиру батальона старшему лейтенанту Мулыку, — сегодня на вооружении у милиции есть мотоциклы, автомобили, которые куда быстрее и надежнее лошадей. Да и мороки с ними меньше...

— Ну, это еще как сказать. Поспешили списывать лошадей, как пережиток прошлого... Возьмите хотя бы лесопарковые зоны, леса, в которые буквально врзаются новостройками Москва. Пешим патрулем там не очень-то обойдешься, и машину, понятно, не пошлешь. А лошади — в самый раз! И, поверьте, без работы не сидим...

Лучше, ближе других с конной милицией «знакомы» сегодня московские болельщики. Радиофицированные кавалеристы легко регулируют ширину «живого коридора». Правда, лошадям достается — огорченные или не в меру радостные фанаты то пнут, то кольнут, а то и сигаретой прижгут. Люди?!

Говорю об этом с Игорем Исаевым. — Что чувствуешь, стоя в «коридоре» посреди ревущей толпы?

Игорь в милиции сравнительно недавно, до этого работал жокеем на 1-м Московском конном заводе.

— Ты знаешь, чувство одно, когда приходится сдерживать коня, — жалость. Нет, не к лошади — к фанатам: почему-то их жалко... Не жалею ли, что перешел на работу в милицию?.. Нет. Во-первых, при лошадях. Во-вторых, платят нам неплохо. И продолжаю заниматься конным спортом.

Такие, как Игорь, профессионалы, входят в «ремонтную команду». Это к ним первым попадают 3—4-летние жеребцы, которых надо приучить к седлу, уздечке и обучить выездке.

В подразделении могут работать все, кто пригоден к милицейской службе. Но есть одно неперемное условие: любовь к лошадям. Вычистить, да вычесать, да посмотреть, чтоб вовремя перековали, корму задали, навоз вывезли, — не все это выдерживают. А заготовка сена? Двести двадцать пять тонн на год нужно!..

Лошадь лошади рознь. Мне, неспециалисту, не понять, чем отличается беговая от, скажем, цирковой. А милиции какая нужна? Здесь объяснили просто и доходчиво: конь нужен такой, чтоб, как в пословице, и под подводу, и под воеводу. Именно таких и закупают на Новотомниковском, Хреновском заводах.

Идем по конюшне, читаю таблички: Дерзкий, Гонор, Ельник, Баян, Жонглер, Совет, Долг... Стоят красавцы, переминаются, востряют уши — чужой...

— А что имена у ваших коней такие чудные? — спрашиваю Петра Макаровича.

— Да не чудные вовсе. Здесь для нас главное — первая буква клички. Наши «старички», 1975 года рождения, все на «А». Следующий год — на «Б» и так далее...

Сейчас, стоит только появиться конной паре где-нибудь на улице, вездесущие проныры мальчишки тут как тут: «Дяденька, прокати!»

И подумалось: пусть навсегда успокоятся футбольные фанаты, пусть отпадет необходимость патрулирования лесопарковых зон, но... пусть останутся в городах наших кони, пусть хватит им места среди расплодившихся авто! И тогда в кузницах не смолкнут молотки, куящие подковы...

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ